

С К А З А Н І Я

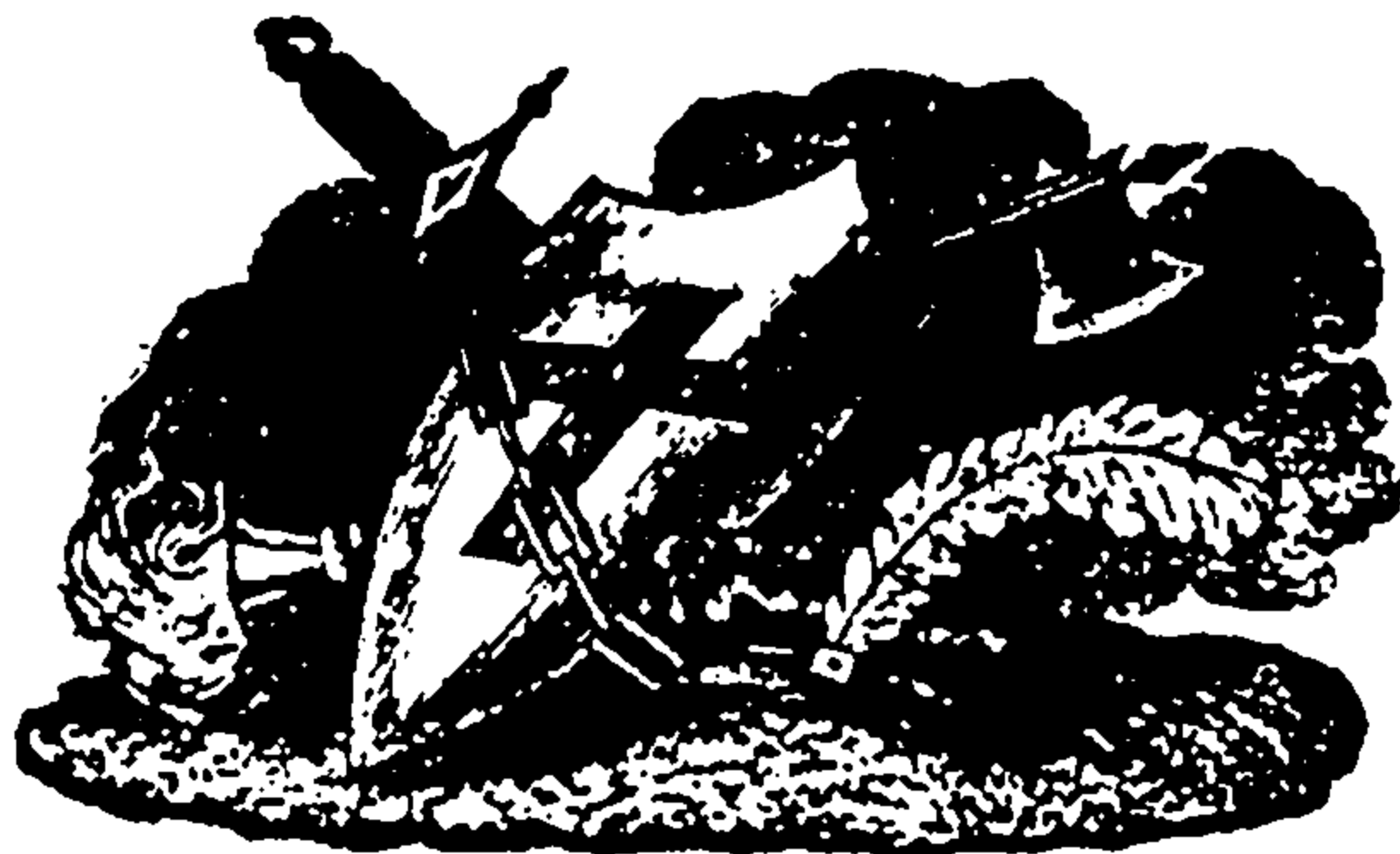
С О В Р Е М Е Н Н И К О В Ъ

О

Д И М И Т Р И И С А М О З В А Н Ц Ъ .

ІІІ.

СКАЗАНИЯ
СОВРЕМЕННОКОВЪ
О
ДИМИТРИИ САМОЗВАНЦЪ.

ЧАСТЬ III.

ЗАПИСКИ МАРЖЕРЕТА

И

ПРЕЗИДЕНТА ДЕ-ТУ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ.

1 8 3 2.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ нѣмъ, чпобы по оипечашаніи предсшавлены были въ Цен-
сурный Комитетъ *три* экземпляра.

Санктпетербургъ, Января 19 дня, 1832 года.

Ценсоръ *О. Слшковскій.*

МАРЖЕРЕТЪ.

Маржеретъ — *Margeret*, — родомъ Французъ, Капитанъ иноземныхъ тѣлохранителей Бориса Годунова и Димитрія Самозванца, около шестидесять съ честію служилъ въ Русскомъ войскѣ. Уже до прибытія въ Россію, онъ прославился въ Европѣ рѣдкимъ удальствомъ и воинскими дарованіями: сражался подъ знаменами Генриха IV во Франціи, бился съ Турками въ Трансильваніи и Венгріи; служилъ Королю Польскому и Императору Римскому; наконецъ въ 1600 году, по приглашенію нашего посла Власьева, пріѣхалъ въ Россію. Борисъ Годуновъ поручилъ ему отрядъ иноземныхъ всадниковъ и нашелъ въ немъ слугу вѣрнаго: въ битвѣ Добрынской съ Димитріемъ Самозванцемъ, когда отчаянная храбрость Поляковъ разстроила главную рать нашу, Капитаны Маржеретъ и Вальтеръ фонъ-Розенъ, по словамъ Бера, съ крикомъ *Hilf Gott* (помоги, Боже), устремились на Самозванца и вырвали побѣду изъ рукъ его. Ободренные Россіяне такъ же воскликнули *Hilf Gott*, снова сразились и раз-

сѣяли Поляковъ. Скромный Маржеретъ приписываетъ славу побѣды неустрашимости Русскаго пѣхотнаго отряда, хотя мы знаемъ достоверно, что Борисъ, награждая Воеводъ, изъявилъ какъ ему, такъ и Розену, особенную благодарность.

По смерти Годунова, онъ вмѣстѣ съ прочими покорился Самозванцу, который, овладѣвъ престоломъ, учредилъ для себя охранительную стражу изъ разныхъ иноплеменниковъ, наиболѣе Нѣмцевъ, и первую роту оной поручилъ *Капитану* Маржерету. Вооруженные бердышами, съ золотымъ Царскимъ гербомъ на древкахъ, обтянутыхъ краснымъ бархатомъ и увитыхъ серебряною проволокою, тѣлохранители сей роты получали столь хорошіе оклады, что могли носить дорогія бархатныя одежды, обшитыя золотымъ позументомъ. Лжедимитрій изъявлялъ Маржерету особенную милость, разсматривалъ съ нимъ сокровища своей казны, бесѣдовалъ о Франціи, о Генрихѣ IV, и—вѣроятно восхищенный его разказами,—такъ плѣнился славою Генриха, что нетерпѣливо желалъ познакомиться съ симъ великимъ Государемъ.... Ударъ Шуйскаго разсѣялъ его мечты.

Шуйскій, низринувъ Самозванца, разогнавъ всѣхъ приверженцевъ его, не тронулъ Маржерета, и сколько можно догадываться, желалъ удержать его при себѣ: храбрый Капитанъ не хотѣлъ служить новому Царю, и въ концѣ 1606 года удалился во Францію, для свиданія съ родными, получивъ впрочемъ отъ Шуйскаго щедрый подарокъ.

Вскорѣ онъ снова появился въ Россіи, ознаменовалъ себя мужествомъ необыкновеннымъ, но очернилъ прежнюю славу недобрымъ поступкомъ: онъ присталъ къ Вору Тушинскому, и вмѣстѣ съ симъ негодяемъ безъ пощады поражалъ Россіянъ, вѣрныхъ своему Отечеству. Отъ Вора Тушинскаго онъ перешелъ къ Полякамъ, поступилъ въ роту Борковскаго, съ званіемъ Поручика, и подъ знаменами Жолкѣвскаго, участвовалъ въ Клушинской битвѣ. — По взятіи Поляками Москвы, въ слѣдствіе избранія Владислава Царемъ, Маржеретъ вступилъ въ сію столицу и нашелъ случай оказать Полякамъ важную услугу: болѣе полугода Москвитяне ожидали съ нетерпѣніемъ прибытія новаго Царя, Королевича Владислава; наконецъ, раздраженныя обманомъ Сигизмунда и свое-

воліемъ Ляховъ, 19 Марта 1611 года, по гласу Патріарха Ермогена, они возстали на своихъ злодѣевъ. Вся Москва незапно вооружилась и ужасная сѣча закипѣла. Малочисленный отрядъ Королевскаго Намѣстника Гонсѣвскаго (7,000 человекъ), тѣснимый Княземъ Пожарскимъ и озлобленными жителями столицы, утратилъ всю надежду на спасеніе, заключился въ Китаѣ-городъ и уже обрекъ себя на гибель неминуемую, когда подоспѣлъ къ нему на помощь Маржереть и отразилъ торжествующихъ Россіянъ. Ободренные его неустрашимостію, Поляки были непобѣдимы и сражались, какъ львы, до глубокой ночи; между тѣмъ Москва со всѣхъ сторонъ запылала: жители разсѣялись, чтобы тушить огонь, а Князь Пожарскій, покрытый язвами, не могъ возобновить битвы— и отступилъ. Россіяне такъ были поражены сею неудачею, что Гонсѣвскій болѣе года могъ держаться въ Москвѣ! Маржереть, между тѣмъ замѣтивъ, что Полякамъ не устоять противъ цѣлой Россіи, въ 1611 году удалился къ Сигизмунду и получилъ отъ него въ награду мѣсто въ Королевскомъ Совѣтѣ.

Вскорѣ, по неизвѣстнымъ причинамъ, онъ

Х

явился въ Гамбургѣ, откуда въ Маѣ 1612 года просилъ дозволенія у нашихъ Бояръ пріѣхать въ Архангельскъ, изъявляя готовность оборонять Россію отъ Поляковъ и Литовцевъ. Подозрѣвая, что его подослалъ Сигизмундъ съ злымъ намѣреніемъ, Русское Правительство спѣшило снабдить сей городъ стражею и оставило безъ отвѣта Маржеретову просьбу. Черезъ нѣсколько времени, онъ снова предложилъ Россіи свои услуги, вмѣстѣ съ иностранцами Фрейгеромъ Эстономъ, Гилемъ и другими. На просьбу сихъ послѣднихъ, въ Августъ 1612 года, отвѣчалъ Пожарскій отъ имени Земской Думы, слѣдующимъ образомъ: »Благодаримъ васъ, Господа Капитаны, за ревность и усердіе къ нашему Отечеству; съ признательностію примемъ ваши услуги, если враги станутъ одолевать насъ; нынѣ же наемные ратники и Воеводы намъ ненадобны: всѣ чины Русскаго Государства, за разумъ, правду, дородство и храбрость, избрали къ ратнымъ и земскимъ дѣламъ Стольника и Воеводу Князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго Стародубскаго; всѣ Россіяне жертвуютъ и жизнию и имуществомъ за православную вѣру; мы служимъ Отечеству

безъ жалованья, сражаемся съ врагами неутомимо, бьемъ Поляковъ и очищаемъ отъ нихъ Московское Государство. Дивимся только тому, что вы приняли себѣ товарищемъ Француженина Якова Маржерета, который недавно проливалъ Христіанскую кровь злѣе самыхъ Литовцевъ, а теперь вздумалъ помогать намъ противъ своихъ друзей, Поляковъ! Зачѣмъ явился въ вашей землѣ сей клеветъ Сигизмундовъ? Намъ казалось, что ему, за его неправду, нигдѣ, кромѣ Польши, мѣста не будетъ.»

Къ чести Маржерета замѣтимъ, что подозрѣніе Боярѣ едва ли было основательно: по крайней мѣрѣ, въ письмѣ своемъ къ Англичанину Мерику *) онъ жалѣлъ о бѣдствіяхъ Россіи и, кажется, искренно желалъ оказать ей услугу,—желалъ тѣмъ болѣе, что въ Россіи, подъ знаменами Пожарскаго, открывалось блестящее поприще его мужеству и воинскимъ дарованіямъ. Что дѣлалъ онъ въ послѣдствіи, въ какой битвѣ положилъ свою буйную голову, мы не знаемъ. Но имя его никогда не изгладится изъ нашихъ Лѣтописей: въ двухъ дѣлахъ достопамятныхъ

*) См. ниже, прим. 93.

онъ является главнымъ Героемъ — въ битвѣ Добрынской и разрушеніи Москвы. Еще болѣе онъ пріобрѣлъ права на вниманіе не только Россіи, но и всей Европы, любопытнымъ сочиненіемъ о нашемъ Отеествѣ: по смерти Лжедмитрія I, возвратясь во Францію въ концѣ 1606 года, съ богатымъ запасомъ свѣденій о Россіи, Маржеретъ рассказывалъ о ней многія подробности знаменитому Историку де-Ту и Государю своему Генриху IV, увѣряя того и другаго, что мнимый Дмитрій былъ сынъ Іоанновъ. Генрихъ слушалъ храбраго Капитана съ живѣйшимъ любопытствомъ и хотѣлъ, чтобы онъ описалъ наше Отечество. Исполняя Королевскую волю, Маржеретъ издалъ въ 1607 году весьма рѣдкую нынѣ книгу: *Состояніе Россійской Державы въ началѣ XVII вѣка.* *)

*) *Estat de l'Empire de Russie, et Grande Duché de Moscovie. Avec ce qui s'y est passé de plus memorable et Tragique, pendant le regne de quatre Empereurs: à sçavoir depuis l'an 1590. jusques en l'an 1606. en Septembre. Par le Capitaine Margeret. Paris. 1607.* Сія книга перепечасана въ 1669 году, безъ малѣйшей перемѣны, со всѣми орфографическими ошибками, зашемняющими нерѣдко самый смыслъ подлинника. Грешіе подобное изданіе вышло въ 1821 году, подъ надзоромъ Клапроша.

Въ семь сочиненіи Авторъ рассказываетъ все, что онъ могъ припомнить о Россіи, съ откровенностію солдата, съ любезностію и легкомысліемъ Француза; описываетъ пространство Русской Державы, качество почвы, произведенія, нравы и обычаи, разные обряды церковные, гражданское устройство, образъ правленія, Государственные доходы, Царскія сокровища, монету, войско, дѣла Іоанна IV, Бориса Годунова, Димитрія Самозванца; наконецъ приводитъ разныя мнѣнія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ и старается доказать, что этотъ обманщикъ былъ сынъ Іоанна Грознаго.

Судя по слогу, можно думать, что Авторъ никогда не бесѣдовалъ съ Музами: онъ провелъ свою жизнь въ битвахъ, въ лагеряхъ. Но Природа, одаривъ Французовъ способностью рассказывать все имъ знакомое живо, занимательно, не забыла и Маржерета, давъ ему быстрый смыслъ, вѣрный взглядъ. Вотъ почему сочиненіе сего Капитана для насъ драгоцѣнно! Онъ не могъ, подобно ученому Герберштейну, разсматривать предметы со всѣхъ сторонъ взоромъ наблюдателя опытнаго, глубокомыслен-

наго ; но , зная хорошо Россію , умѣлъ ловить самыя рѣзкія черты , и живо описывать , что видѣлъ. Его извѣстія о Русскомъ Дворянствѣ , о свадебныхъ обрядахъ , о Царскихъ пиршествахъ , объ устройствѣ нашего войска , о набѣгахъ Татаръ , такъ вѣрны и выразительны , что и въ наше время они украсили бы сочиненіе образованнаго путешественника. Сверхъ того , Маржереть сообщаетъ много любопытнаго о Борисѣ Годуновѣ и Дмитріи Самозванцѣ. Въ особенности же замѣчательны его мысли о семъ обманщикѣ , заставлявшія призадуматься не одного Историка : только въ наше время , когда открыли Берову Лѣтопись и другія важныя свидѣтельства , можно сказать рѣшительно , вопреки Маржерету , что мнимый Дмитрій не былъ сыномъ Иоанновымъ.

Въ предисловіи къ первому изданію Маржеретова сочиненія въ Русскомъ переводѣ , я старался указать точку , съ коей должно смотрѣть , по моему мнѣнію , на образъ мыслей Автора о Россіянахъ XVII вѣка. Тамъ сказано : »Иногда неумышленное невѣденіе , иногда предразсудки , нерѣдко и самыя страсти заставляли его быть несправедливымъ къ нашимъ пред-

камъ. Просвѣщенный читатель замѣтитъ, что онъ видѣлъ въ нашемъ Отечествѣ только худое, и съ какимъ-то удовольствіемъ описывалъ мрачную сторону Россіянъ, оставляя безъ вниманія многія добродѣтели, коимъ удивлялся не только Герберштейнъ, но и самъ Корбъ. Благочестіе, безпредѣльная любовь къ Царю, гостепрѣимство, нѣжная привязанность къ родителямъ, уваженіе къ старцамъ—и всѣ прекрасныя качества, коими наши праотцы могли справедливо гордиться, не сдѣлали никакого впечатлѣнія въ Маржеретъ, можетъ быть потому, что онъ привыкъ судить о вещахъ по тѣмъ ложнымъ правиламъ, которыя были слѣдствіемъ его страннической жизни. Руководствуясь сими правилами, онъ находилъ смѣшное тамъ, гдѣ мы видимъ глубокое, истинное чувство; на обряды же нашей церкви онъ смотрѣлъ безъ участія потому, что былъ Католикъ, а въ XVII вѣкѣ фанатизмъ ослѣплялъ самыхъ благоразумныхъ людей.»

Оставаясь и теперь при семъ же мнѣніи, считаю долгомъ присовокупить, что—постоянно слѣдуя правилу не выпускать въ переводъ ни одного выраженія противъ подлинника, — во

второмъ изданіи Маржерета, такъ же, какъ и въ первомъ, я сохранилъ всѣ мысли его, даже самыя неосновательныя; старался только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ исправить слогъ перевода и точнѣе выразить смыслъ подлинника; сверхъ того, сдѣлалъ перемѣны въ примѣчаніяхъ: присовокупилъ нѣсколько новыхъ, между прочимъ любопытное письмо Маржерета къ Мерику, и выбросилъ всѣ прежнія выписки изъ сочиненій Бера и Паерле, которыя напечатаны вполнѣ, въ 1 и 2 части *Сказаній современниковъ о Дмитріи Самозванцѣ*; въ замѣнъ же оныхъ, перевелъ современный отрывокъ изъ Исторіи Президента де-Ту, который зналъ Маржерета лично и спрашивалъ его о Россіи.

Николай Устряловъ.

6 Января

1852.

СОСТОЯНІЕ
РОССІЙСКОЙ ДЕРЖАВЫ

И

ВЕЛИКАГО КНЯЖЕСТВА

МОСКОВСКАГО,

съ присовокупленіемъ

ИЗВѢСТІЙ О ДОСТОПАМЯТНЫХЪ СОБЫТІЯХЪ,
СЛУЧИВШИХСЯ ВЪ ПРАВЛЕНІЕ ЧЕТЫРЕХЪ
ГОСУДАРЕЙ, СЪ 1590 ГОДА ПО СЕНТЯБРЬ 1606.

СОЧИНЕНІЕ

КАПИТАНА МАРЖЕРЕТА.

Переводъ съ Французскаго.

Изданіе второе.

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ

ГЕНРИХУ IV,

КОРОЛЮ ФРАНЦУЗСКОМУ.

ГОСУДАРЫ!

Еслибъ подданные Вашего Величества, посѣщая отдаленныя земли, описывали вѣрно достопамятности, ими замѣчаемыя: не только сами они получили бы выгоду, но и Вашему Государству могли бы доставить пользу; они указали бы, чего должно искать, что можно заимствовать у чуждыхъ народовъ, — ибо для успѣховъ общежитія все въ мѣръ семъ такъ устроено, что мы находимъ у другихъ, чего сами не имѣемъ; притомъ же извѣстія сихъ наблюдателей внушили бы охоту многимъ юношамъ — празднымъ домохозяевамъ — посмотреть на бѣлый свѣтъ: тамъ, въ трудныхъ, но благородныхъ странствованіяхъ, или среди войнствъ ино-

племенныхъ, они узнали бы добродѣтель; тогда разсѣялось бы заблужденіе многихъ людей, которые предѣломъ міра Христіанскаго считаютъ Венгрію: я могу увѣрить, что Россія, описанная мною, по приказанію Вашего Величества, въ семь сочиненіи, служитъ Христіанству твердымъ оплотомъ, что она гораздо обширнѣе, сильнѣе, многолюднѣе, изобильнѣе, имѣетъ болѣе средствъ для отраженія Скивовъ ¹⁾ и другихъ народовъ Магометанскихъ, чѣмъ многіе воображаютъ: властвуя неограниченно, Царь заставляетъ подданныхъ повиноваться своей волѣ безпрекословно; порядкомъ же и устройствомъ внутреннимъ ограждаетъ свои земли отъ непрерывнаго впаденія варваровъ.

Государь! когда побѣдами и счастіемъ Вы даровали Франціи то спокойствіе, которымъ она теперь наслаждается, я увидѣлъ, что моя ревность къ службѣ не принесетъ пользы ни Вашему Величеству, ни моему Отечеству,—ревность, доказанная мною во время междоусобій, подъ знаменами Г. де Вогренана, при С. Жанъ-де-Лонъ и въ другихъ мѣстахъ Герцогства Бургундскаго ²⁾; посему я удалился изъ Отечества и служилъ сперва Князю Трансильванскому, по-

томъ Государю Венгерскому, послѣ того Королю Польскому въ званіи Капитана пѣхотной роты; наконецъ, приведенный Судьбою къ Русскому Царю Борису ³⁾, я былъ удостоенъ отъ него чести начальствовать кавалерійскимъ отрядомъ; по смерти же сего Государя, Димитрій, вступивъ на Царскій тронъ, поручилъ мнѣ первую роту своихъ тѣлохранителей. Въ теченіе сего времени, я имѣлъ средства научиться Русскому языку и собрать весьма много свѣдѣній о законахъ, нравахъ и религіи Россіянъ: все это описываю въ семъ небольшомъ сочиненіи съ такою простотою и откровенностію, что не только Вы, Государь! при удивительно здоровомъ и проницательномъ умѣ, но и всякъ увидитъ въ немъ одну истину, которая, по словамъ Древнихъ, есть душа и жизнь Исторіи.

Вниманіе Вашего Величества къ моимъ изустнымъ донесеніямъ подаетъ мнѣ надежду, что сія книга принесетъ Вамъ нѣкоторое удовольствіе: вотъ единственное мое желаніе! Въ ней Вы найдете извѣстія о событіяхъ весьма замѣчательныхъ, отчасти поучительныхъ для великихъ Монарховъ; самая участь несчастнаго Государя моего Димитрія можетъ служить для

нихъ урокомъ: разрушивъ неодолимыя преграды къ своему престолу, онъ возвысился и низпалъ скорѣе, нежели въ два года; но сего недовольно: его называютъ еще обманщикомъ! Ваше Величество узнаете, равнымъ образомъ, многія подробности о Россіи, достойныя вниманія и совершенно доселѣ неизвѣстныя, какъ по отдаленности сей Державы, такъ и по искусству Россіянъ скрывать и умалчивать дѣла своего Отечества.

Молю Бога даровать Вашему Величеству благоденствіе, Вашей Державѣ миръ, Преемнику желаніе подражать Вашимъ добродѣтелямъ, мнѣ же неизмѣнную, всегда постоянную ревность дѣлами своими оправдать имя,

Государь!

всепокорнѣйшаго подданнаго, вѣрнѣйшаго и преданнѣйшаго слуги Вашего Величества.

Маржеретъ.

СОСТОЯНІЕ
РОССІЙСКОЙ ДЕРЖАВЫ

И

ВЕЛИКАГО КНЯЖЕСТВА МОСКОВСКАГО

въ 1606 году.

Россія есть страна весьма обширная 5), покрытая даже въ областяхъ, наиболѣе обитаемыхъ, дремучими лѣсами, а на предѣлахъ Литовскихъ и Ливонскихъ, пространными болотами, ограждающими ее отъ непріятелей 6). Она довольно заселена отъ Нарвы, крѣпости и пристани на границахъ Ливонскихъ, принадлежащей Королевству Шведскому, до Архангельска или Св. Николая 7), другаго приморскаго города, въ разстояніи отъ Нарвы на 2800 верстъ, или на семьсотъ лѣ, — и отъ Смоленска (города близъ предѣловъ Литовскихъ, обнесеннаго каменною стѣною при Θεодорѣ Іоанновичѣ, Борисомъ Θεодоровичемъ, тогдашнимъ Правителемъ Государства), до Казани, на 1300 верстъ 8). Въ странѣ Казанской прежде находилось независимое Царство, основанное Татарами и покоренное Вели-

кими Князьями Василиемъ Иоанновичемъ и сыномъ его Иоанномъ Васильевичемъ. Владѣтель Казанскій взятъ былъ въ плѣнъ въ самомъ городѣ Иоанномъ Васильевичемъ; онъ живъ и теперь; зовутъ его Царь Симеонъ 9). Казань построена близъ Волги, рѣки знаменитой, въ которую впадаетъ Ока. Подлѣ сего города обитаютъ Черемисы. За Казанью, по теченію Волги, вливающейся при Астрахани въ Каспійское море, простираются обширныя необитаемыя степи; только немногія крѣпости построены по берегамъ Волги. Отъ Казани до Астрахани около 2000 верстѣ. Астрахань, укрѣпленный городъ, производитъ самую дѣятельную торговлю, болѣе, чѣмъ всѣ прочіе города Россійскіе, и снабжаетъ почти все Государство солью и соленою рыбою. Думаютъ, что земля тамъ весьма плодородна: ибо на степяхъ, между Казанью и Астраханью, растетъ много малыхъ плодоносныхъ вишенъ и даже нѣсколько лозъ дикаго винограда. Астрахань изобилуетъ хорошими плодами; въ окрестностяхъ оной, какъ разсказывали прежде нѣкоторые Писатели, попадаются животно-растѣнія, такъ называемые бараны: они вырастаютъ изъ земли, только не могутъ отдѣлиться отъ корня; къ нему привязывается ихъ какъ бы кишка, идущая отъ пупа, длиною въ 3 или 4 сажени: и потому они живутъ до тѣхъ поръ, пока не съѣдятъ кругомъ себя всей травы, потомъ уми-

рають. Сіи бараны величиною съ ягненка; шерсть имѣють курчавую. Я видалъ ихъ шкуры иногда совершенно бѣлыя, а иногда съ немногими пятнами ¹⁰).—Въ царствованіе Іоанна Васильевича, завоевавшаго землю Астраханскую, Англичане завели здѣсь торговлю съ Персією ¹¹). За Волгою обитають Татары, которые называютъ себя Ногаями. Іоаннъ покорилъ еще землю, именуемую Россіянами Царствомъ Сибирскимъ. Сія страна, покрытая лѣсами, дубравами и болотами, мало извѣстна; думаютъ, что она съ одной стороны прилегаетъ къ рѣкѣ Оби. Снабжая Государство мягкою рухлядью, т. е. мѣхами собольими, кунными и весьма дорогими чернолисыми, Сибирь доставляетъ Царю весьма значительный доходъ ¹²). Россіяне теперь начали обрабатывать сію землю довольно обильную, особенно хлѣбомъ; построили тамъ четыре города и учредили въ нихъ гарнизоны, для удержанія народа въ повиновеніи ¹³). Жители Сибири весьма грубы, малорослы, видомъ похожи на Татаръ Ногайскихъ; лице имѣють плоское и широкое, носъ сплюснутый, глаза малые; цвѣтомъ весьма смуглы; отращиваютъ волосы, не многіе съ бородою, одѣваются соболями шерстью наружу. Лѣтъ за тридцать они не знали хлѣба.—Въ Сибирь обыкновенно ссылаются люди, впавшіе въ немилость Государя.

Для отраженія Татаръ Крымскихъ, союзни-

ковъ Турецкаго Султана, коему они часто помогали опустошать Венгрію, особенно въ 1595 году, когда была великая битва Агрійская ¹⁴⁾,— Россіяне построили въ пограничныхъ степяхъ, съ 1593 года многіе города и крѣпости; впрочемъ съ сей стороны Россія обитаема только до Ливень, т. е. на 700 верстѣ отъ Москвы. Далѣе, находятся Борисовъ, Бѣлгородъ, Царевъ-городъ (въ 1000 верстахъ отъ Ливень) и другіе города, которые болѣе и болѣе населяются ¹⁵⁾; не взирая на плодородіе сего края, жители осмѣливаются воздѣлывать землю только въ окрестностяхъ городовъ. Думаютъ, что отъ Царева-города до Великаго Хана не болѣе 8 дней пути ¹⁶⁾. Тамъ въ прежнее время обыкновенно собирались Татары, когда они задумывали итти на добычу въ сосѣдственныя земли. Въ заключеніе—Россія весьма обширна, имѣя предѣлами Литву, Подолію, Турцію, Татарію, рѣку Обь, Каспійское море, Ливонію, Швецію, Норвегію, Новую землю и Ледовитое море.

Въ сѣверныхъ и западныхъ областяхъ Русской Державы, наиболѣе обитаемыхъ, стужа бываетъ жестокая; степи же Татарскія, окрестности Волги, Казани, Астрахани и рѣки Оби имѣютъ климатъ благообразный. Въ холодной полосѣ зима стоитъ 6 мѣсяцевъ, такъ, что снѣгъ бываетъ по поясъ, и цѣлыя рѣки можно переѣзжать по льду; не смотря на сіе, почва весьма

плодоносна, изобилуя всякимъ хлѣбомъ, извѣстнымъ у насъ, во Франціи: рожь сѣютъ въ началѣ или въ половинѣ Августа, пшеницу и овесъ, по мѣрѣ продолжительности зимы, въ Апрѣлѣ или Маѣ, ячмень въ концѣ Мая. Есть и плоды; дыни бывають такъ огромны и вкусны, что подобныхъ я нигдѣ въ другихъ земляхъ не видывалъ; сверхъ того, много огурцовъ, яблокъ вишень; сливъ и грушъ мало; но орѣховъ, земляники и подобныхъ плодовъ множество. Лѣтомъ дождь идетъ изрѣдка, а зимою никогда не случается; въ Колмогоровахъ, Архангельскѣ и Св. Николаѣ, также и въ другихъ мѣстахъ на сѣверѣ, лѣтомъ въ продолженіе мѣсяца, или 6 недѣль, солнце видимо днемъ и ночью: въ полночь оно отстоитъ отъ земли сажени на двѣ или на три; зимою же цѣлый мѣсяць дня вовсе не бываетъ, потому что солнце не показывается.—Далѣе, вы найдете всякаго рода дичь и животныхъ, какъ и во Франціи, исключая кабановъ; ланей и дикихъ козъ довольно въ восточныхъ и южныхъ областяхъ, въ степяхъ Татарскихъ между Астраханью и Казанью; лосей множество во всей Россіи ¹⁷⁾; кролики весьма рѣдки; фазановъ, куропатокъ, дроздовъ сѣрыхъ и черныхъ, перепелокъ, жаворонковъ — весьма много, кромѣ безчисленнаго количества другой дичи, исключая бекасовъ, коихъ мало видно. Въ Августѣ и Сентябрѣ бываетъ весьма много журавлей, лебедей,

гусей и дикихъ утокъ ; изъ аистовъ я видѣлъ зимою только одного совершенно чернаго. Плотоядныя животныя суть: медвѣди бѣлые и черныя, — ихъ очень много ; лисицы, коихъ пять родовъ, и волки, звѣри обыкновенные по обширности лѣсовъ, весьма вредные для домашняго скота ¹⁸⁾. Кромѣ сего въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ областяхъ встрѣчается особенный родъ оленей: они менѣе обыкновенныхъ, съ красивыми, вѣтвистыми рогами ; шерсть у нихъ сѣроватая, почти бѣлая, а копыта раздвоены болѣе, нежели у обыкновенныхъ оленей. Они доставляютъ пищу, платье и служатъ вмѣсто коней для жителей. Запряженный въ сани, для сего нарочно устроенныя, олень бѣжитъ скорѣе всякой лошади, и большую часть года питается тѣмъ, что находитъ подъ снѣгомъ.—Зайцы зимою бываютъ бѣлые, а лѣтомъ такого же цвѣта, какъ и во Франціи. Сверхъ того во всякое время попадаются соколы, ястребы и другія хищныя птицы.—Рѣки изобилуютъ такою вкусною, разнообразною рыбою, что подобнаго богатства нѣтъ во всей Европѣ ; изъ рыбъ наиболѣе извѣстны: стерляди, бѣлуга, осетры, бѣлая рыба (которая поболѣе семги) и другіе роды, какъ и во Франціи, исключая форелей. Всякая рыба вообще дешева, подобно прочимъ жизненнымъ припасамъ: не взирая на великій голодъ, (о которомъ будемъ говорить послѣ), истребившій поч-

ти во всемъ Государствѣ домашнихъ животныхъ, я купилъ, во время моего отъѣзда на дорогѣ, ягненка величиною съ нашего барана, или около того, за 10 копѣекъ, что составитъ 13 су, 4 денарія, и курицу за 7 денаріевъ, (каплуновъ держатъ только иностранцы). Такая дешевизна происходитъ отъ того, что каждая овца приноситъ обыкновенно двухъ и трехъ ягнятъ, и отъ каждого изъ нихъ въ слѣдующемъ году родится столько же. Рогатый скотъ также размножается чрезвычайно: ибо Россіяне вообще не ѣдятъ телятины, считая ее грѣшнымъ, заповѣднымъ кушаньемъ ¹⁹⁾; кромѣ того ежегодно посятся 15 недѣль, сверхъ среды и пятницы, что составитъ около полугода. Отъ сего мясо весьма дешево; хлѣбъ также не дорогъ: собираютъ его много, а за границу не вывозятъ; почва же такъ тучна и такъ плодородна, что ее удобряютъ только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Мальчикъ 12 или 15 лѣтъ съ небольшою лошадыю обрабатываетъ десятину или двѣ ежедневно.

Не взирая на изобиліе и дешевизну съѣстныхъ припасовъ, простой народъ довольствуется весьма немногимъ: иначе онъ не могъ бы удовлетворить издержкамъ, ибо не знаетъ никакой промышленности, весьма лѣнивъ, работы не любитъ и такъ преданъ пьянству, какъ не лъзя болѣе. Россіяне, желая повеселиться, обыкновен-

но пьютъ вино и медъ, приготовляемый изъ сотовъ, которые достаются безъ труда и въ великомъ изобиліи; о чемъ можно судить по множеству воска, отправляемаго ежегодно за границу ²⁰). У нихъ есть также пиво и другіе малоцѣнные напитки. Всѣ, безъ различія, мужчины и женщины, мальчики и дѣвочки, заражены порокомъ пьянства, самаго неумѣреннаго. Духовенство не уступаетъ мірянамъ, если еще не превосходить ихъ. Когда только есть хмѣльное, приготовляемое впрочемъ не иначе, какъ для извѣстныхъ праздниковъ, Россіяне пируютъ день и ночь, пока всего не осушатъ. Я разумью простой народъ, ибо Дворяне имѣютъ право дѣлать напитки, какіе имъ угодно, и пить, когда ни пожелаютъ ²¹).

Великіе Князья ведутъ свой родъ, по извѣстію Русскихъ Лѣтописей, отъ трехъ братьевъ, которые переселились изъ Даніи и овладѣли Россіею, Литвою и Подоліею лѣтъ за 800 до нашего времени. Старшій изъ братьевъ Рюрикъ назвалъ себя Великимъ Княземъ Владимірскимъ и былъ въ прямомъ колѣнѣ родоначальникомъ всѣхъ Россійскихъ владѣтелей; до временъ Іоанна Васильевича они именовались Великими Князьями; сей же Государь, послѣ завоеванія Казани, Астрахани и Сибири, получилъ отъ Максимилиана, Цесаря Римскаго, титулъ Императора ²²).

Въ разсужденіи титула, Россіяне думаютъ, что слово Царь, употребляемое Россійскими Государями, важнѣе всѣхъ титуловъ на свѣтѣ. Императора Римскаго они именуютъ Цесаремъ, производя это имя отъ Цезаря; прочихъ же Государей Королями, подражая Полякамъ; Владѣтеля Персидскаго называютъ *Кизель Баша*, а Турецкаго *Великій Господарь Турскій*, т. е. Великій Господинъ Турецкій ²⁵). Слово Царь, по ихъ мнѣнію, находится въ Св. Писаніи, гдѣ Давидъ, Соломонъ и другіе Государи названы: Царь Давидъ, Царь Соломонъ. Посему они говорятъ, что это имя, коимъ Богу угодно было нѣкогда почтить Давида, Соломона и другихъ властителей Іудейскихъ и Израильскихъ, гораздо болѣе прилично Государю, нежели слово Цесарь и Король, изобрѣтенное человекомъ и присвоенное, по ихъ мнѣнію, какимъ нибудь завоевателемъ. Когда Ѳеодоръ Іоанновичъ, Царь Россійскій, снялъ осаду Нарвы и полномочные съѣхались для заключенія мира между Россією и Швецією, съ обѣихъ сторонъ болѣе двухъ дней спорили о титулѣ Императорскомъ: Ѳеодоръ хотѣлъ его принять, Шведы же не соглашались уступить. Россіяне объявили наконецъ, что слово Царь еще важнѣе имени Императора, и потому рѣшено было—называть Ѳеодора всегда Царемъ и Великимъ Княземъ Московскимъ: и тѣ и другіе, объясняя слово Царь по своему,

считали себя въ выигрышѣ. Король Польскій пишетъ также точно: Императоръ слѣдуетъ примѣру покойной Елисаветы ²⁴⁾, а ему подражаютъ Король Великобританскій, Король Датскій и Великій Герцогъ Тосканскій. Шахъ Персидскій и всѣ Владѣтели Азіатскіе величаютъ Царя такъ, какъ ему угодно. Какъ же называетъ его Султанъ Турецкій, я не знаю, потому, что примѣ между ними не было сношеній.

Іоаннъ Васильевичъ женатъ былъ семь разъ ²⁵⁾, вопреки Русской религіи, которая позволяетъ вступать въ бракъ только три раза; онъ имѣлъ трехъ сыновей ²⁶⁾. Носится молва, что сей Царь собственною рукою умертвилъ старшаго сына; но это несправедливо: хотя Іоаннъ билъ его концемъ палки, окованной четырехъграннымъ желѣзнымъ остриемъ въ видѣ жезла, — каковую палку никто не можетъ носить, кромѣ Государя, ибо прежніе Великіе Князья получали ее въ знакъ покорности отъ Татарскаго Владѣтеля Діоткрима ²⁷⁾, — и хотя Царевичъ былъ раненъ; однакожь онъ умеръ не отъ удара, а уже послѣ, во время путешествія на богомолье ²⁸⁾. Второй сынъ, Феодоръ Іоанновичъ, вступилъ на престоль по смерти отца; третій былъ отъ послѣдней жены, изъ рода Нагихъ, именемъ Димитрій. Іоаннъ Васильевичъ, прозванный Мучителемъ ²⁹⁾, сомнѣваясь въ преданности своихъ подданныхъ, испытывалъ ихъ разными средствами; главнымъ

же было возведеніе на престоль Царя Симеона, о коемъ говорено выше. Іоаннъ короновалъ его и предоставилъ ему весь Царскій титулъ; самъ же, построивъ дворець противъ Кремля, повелѣлъ называть себя Великимъ Княземъ Московскимъ. Симеонъ царствовалъ цѣлые два года, управляя какъ внутренними, такъ и внѣшними дѣлами. Разумѣется, что онъ спрашивалъ у Іоанна совѣта, или справедливѣе, получалъ повелѣнія. Въ концѣ втораго года Іоаннъ низложилъ его съ престола и далъ ему великія богатства ³⁰). По смерти старшаго сына, Царь женилъ втораго, т. е. Θεодора, на сестрѣ Бориса Θεодоровича ³¹), который происходилъ изъ хорошаго дома, имѣлъ званіе Дворянина Московскаго и мало по малу вкрался въ милость Іоанна.

По кончинѣ сего Царя, умершаго въ Мартѣ мѣсяцѣ 1584 года, вступилъ на престоль Θεодоръ; онъ былъ весьма не дальняго ума; нерѣдко самъ трезвонилъ на колокольнѣ и большую часть времени проводилъ въ церкви. Борисъ Θεодоровичъ, тогда любимый народомъ и весьма жалуемый Государемъ, вмѣшался въ правленіе. Обладая умомъ хитрымъ и смѣтливымъ, онъ удовлетворялъ всякаго, такъ что, когда разнеслась молва о намѣреніи Россіянъ низложить слабоумнаго Θεодора съ престола, его избрали Правителемъ Государства. Съ тѣхъ

перъ, какъ говорятъ, онъ началъ искать короны, видя, что Феодоръ не имѣлъ дѣтей, кромѣ дочери, умершей на 3 году возраста; для сего старался привлечь къ себѣ народъ благодѣянiями, укрѣпилъ Смоленскъ, обнесъ столицу каменною стѣною, вмѣсто прежней деревянной, построилъ нѣкоторыя крѣпости между Казанью и Астраханью и на предѣлахъ Татарскихъ ³²). Такъ приобрѣвъ доброе расположенiе народа и самаго дворянства, исключая дальновидныхъ Боярѣ, онъ удалилъ въ ссылку своихъ недруговъ, подъ разными предлогами; наконецъ самую Царицу, вдову умершаго Иоанна Васильевича, отправилъ съ сыномъ ея, Димитріемъ Ивановичемъ, въ Угличъ, городъ отстоящій отъ Москвы на 180 верстѣ ³³). Рассказываютъ, что Царица и нѣкоторые Бояре, предугадывая, къ чему стремится Борисъ, и зная, какая опасность ожидаетъ младенца, (ибо многіе изъ Боярѣ, удаленныхъ въ ссылку, были отравлены дорогою), нашли средство подмѣнить Царевича и вмѣсто его приняли другаго мальчика ³⁴). Послѣ того Борисъ предалъ смерти еще многихъ Боярѣ невинныхъ; — наконецъ, не опасаясь уже никого, кромѣ Димитрія, рѣшился уничтожить послѣднюю преграду, и приказалъ его умертвить. Это совершилъ сынъ одного Чиновника, опредѣленнаго Борисомъ въ Секретари къ Царицѣ ³⁵). Зло-

дѣй погнбъ на мѣстѣ; а подложнаго Царевича, имѣвшаго 7 или 8 лѣтъ, похоронили запросто.

Вѣсть о смерти Димитрія породила въ Москвѣ разные толки; народъ ропталъ. Борисъ, зная все, что ни говорили, приказалъ зажечь въ ночное время гостинный рядъ, купеческіе дома и другія зданія: собственное горе, думалъ онъ, заставитъ гражданъ забыть Царевича; ропоть утихнетъ и умы успокоятся. Онъ самъ присутствовалъ на пожарѣ, давалъ повелѣнія тушить огонь; причемъ столько хлопоталъ, что, по видимому, несчастіе города весьма его печалило. Потомъ, созвавъ потерпѣвшихъ убытки, старался утѣшить ихъ ласковыми рѣчами, говорилъ о бѣдствіи, далъ слово исходатайствовать у Государя вспоможеніе каждому изъ нихъ для постройки домовъ и обѣщалъ воздвигнуть каменные лавки, вмѣсто прежнихъ деревянныхъ: все это было исполнено³⁶⁾; каждый остался довольнымъ и считалъ себя счастливымъ, имѣя столь добраго покровителя. Наконецъ, въ Январѣ 1598 года Теодоръ скончался (нѣкоторые думаютъ, что Борисъ былъ виновникомъ его смерти). Тогда сей честолюбецъ еще дѣятельнѣе прежняго началъ домогаться короны, но такъ скрытно, что только самые смѣтливые это замѣчали, не дерзая однакожь сопротивляться. Казалось, онъ хотѣлъ единственно возвести на престолъ свою сестру, вдову покойнаго Тео-

дора — вопреки Государственнымъ законамъ, въ слѣдствіе коихъ овдовѣвшая Царица или Великая Княгиня удаляется въ монастырь черезъ шесть недѣль послѣ погребенія супруга ³⁷). Борисъ притворно отказывался отъ короны даже и тогда, когда предлагали ему оную, по совѣту сестры его, въ Государственной Думѣ, куда всякой воленъ приходитъ въ продолженіе междуцарствія. И такъ онъ заставилъ просить себя о принятіи Царскаго титула; но долго не соглашался на сію просьбу и говорилъ избравшимъ его, что не должно спѣшить, что дѣло требуетъ зрѣлаго размышленія, что никакая опасность ихъ не принуждаетъ, что Россія находится въ мирѣ съ сосѣдами и что она останется въ томъ же состояніи, въ какомъ находилась и прежде, когда онъ самъ, при покойномъ Государѣ, былъ ея Правителемъ, доколь Россіяне, по зрѣломъ разсужденіи, выберутъ другаго Царя. (Впрочемъ справедливо, что Борисъ, управляя Державою при Θεодорѣ, устранялъ отъ нея бѣдствія, обогатилъ казну, не говоря уже о городахъ и крѣпостяхъ, имъ построенныхъ, и заключилъ дружбу со всѣми сосѣдами). Посему онъ требовалъ притворно созванія Государственныхъ Чиновъ, т. е. отъ каждаго города по 8 или 10 человекъ, дабы весь народъ рѣшилъ единодушно, кого должно возвести на престолъ ко всеобщему удовольствію. Между тѣмъ, какъ въ исполненіи

сего долженствовало пройти много времени, онъ распустилъ молву о вторженіи Татарскаго Хана въ Россію съ великими силами, ссылаясь на плѣнниковъ, приведенныхъ Казаками. Устрашенный народъ еще настоятельнѣе просилъ его возложить на себя корону. Борисъ увѣрялъ, что пріемлетъ ее противъ воли, что многіе изъ благороднѣйшихъ поколѣній имѣютъ справедливое право на Царское достоинство, что и безъ вѣнца онъ любилъ бы гражданъ, какъ отецъ, и занимался бы дѣлами съ прежнимъ усердіемъ; но что, видя и желаніе народа, и согласіе Вельможъ, онъ готовъ принять тягостное бремя, только не прежде, какъ отразивъ невѣрныхъ, идущихъ опустошать Государство съ стотысячнымъ войскомъ, и предписавъ законы имъ и прочимъ сосѣдамъ. Тогда провозгласили его Царемъ.

Поспѣшая исполнить свое обѣщаніе, Борисъ собралъ войско на берегахъ Оки, близъ Серпухова, въ 90 верстахъ отъ столицы, тамъ, гдѣ обыкновенно вторгаются Татары; и по удаленіи сестры своей, Царицы, въ Дѣвичій монастырь, самъ прибылъ въ Серпуховъ, въ Іюль мѣсяцъ, для обозрѣнія рати. По словамъ какъ иностранцевъ, такъ и Россіянъ, бывшихъ на этомъ смотрѣ, число воиновъ пѣхотныхъ и конныхъ простиралось до 500,000; говорю еще меньшее число, ибо Россія никогда не была

въ такомъ волненіи. Въ удостовѣреніе же справедливости сего показанія, расскажу послѣ, какимъ образомъ Россійское Правительство собираетъ столько людей, чему я самъ былъ свидѣтелемъ.—Но война кончилась тѣмъ, что вмѣсто непріятельской рати, явился Ханскій посоль, съ сотнею лихихъ всадниковъ, одѣтыхъ, по Татарскому обычаю, овчинами, для какого-то мирнаго предложенія; — о чемъ Борисъ хорошо зналъ и прежде. Миролюбіе Хана весьма его прославило: показавъ Татарамъ всѣ Русскія силы, послѣ многократной пальбы изъ пушекъ, расположенныхъ по обѣимъ сторонамъ дороги на пространствѣ двухъ верстъ и въ довольно дальнемъ одна отъ другой разстояніи, онъ провелъ посла нѣсколько разъ между орудіями и наконецъ отправилъ его съ великими дарами; потомъ распустивъ воиновъ по домамъ, возвратился въ Москву съ пышнымъ торжествомъ. Носилась молва, что Татаринъ, услышавъ о силахъ Россіянъ, не смѣлъ итти далѣе. Борисъ короновался 1 Сентября, т. е. въ первый день 1598 года.

Уже около 700 лѣтъ, какъ Россіяне приняли Христіанскую вѣру отъ Епископа Константинопольскаго. Они слѣдуютъ Греческому исповѣданію: крещаемыхъ младенцевъ погружаютъ въ воду троекратно, во имя Отца, Сына и Св. Духа; потомъ священникъ надѣваетъ на шею

младенца крестъ, вручаемый воспріемникомъ, въ знаменіе крещенія: сей крестъ носятъ до самой смерти. Они признають Св. Троицу, но тѣмъ не менѣе различаются отъ насъ, исповѣдая, что Св. Духъ исходитъ не отъ Отца и Сына, но только отъ Отца, и что онъ покоится на Сынѣ.— Образовъ у нихъ много; всѣ они вообще живописныя, кромѣ одного только распятія изваяннаго. Говорятъ, что въ Россіи хранится икона Св. Дѣвы Маріи, писанная собственною рукою Евангелиста Луки ³⁸). Главный Русскій патронъ—Св. Николай. Въ число Святыхъ, принятыхъ изъ Греціи, они включаютъ много другихъ Угодниковъ; но кромѣ Богородицы, не признають ни одной Святой ³⁹).—Есть Патріархъ, коего достоинство учреждено при Іоаннѣ Васильевичѣ Патріархомъ Константинопольскимъ ⁴⁰). Если не ошибаюсь, въ Россіи 7 Архіепископовъ, кромѣ многихъ Епископовъ и Игуменовъ. Одни священники и притомъ женатые, совершаютъ таинства; по смерти же своихъ женъ, болѣе не священнодѣйствуютъ ⁴¹); когда не вступятъ въ бракъ вторично, постригаются въ монахи. Иноки безбрачны такъ же, какъ Патріархъ, Епископы и Игумены; посему не могутъ ни пріобщать Св. таинъ, ни ѣсть мяса, и принимаютъ Св. дары отъ священниковъ. Пріобщаются подъ обоими видами всѣ безъ различія, свѣтскіе и духовные,

послѣ исповѣди на ухо, обыкновенно однажды въ годъ. Вдовый священникъ, сочетавшись бракомъ, переходитъ въ свѣтское званіе. Россіяне почитаютъ истинно крещеными только тѣхъ, которые крестились по Греческому обряду; впрочемъ Католиковъ увольняютъ отъ втораго крещенія. Тщательно наблюдаютъ праздники, даже и субботу наравнѣ съ воскресеньемъ, хотя и въ самые великіе праздники открываютъ лавки и работаютъ послѣ полудня, если требуетъ необходимость. Постятся по средамъ и пятницамъ и сверхъ того держатъ въ году четыре поста, а именно: Великій постъ, о коемъ будемъ говорить ниже, два поста по 15 дней каждый, и одинъ предъ Рождествомъ Христовымъ, который начинается спустя восемь дней послѣ праздника Св. Николая; наблюдаютъ же оныя столь строго, какъ только возможно, не вкушая ни яицъ, ни другой пищи, доставляемой животными. — Они имѣютъ Св. Писаніе на своемъ языкѣ, т. е. на Славянскомъ; весьма уважаютъ псалмы Давида; въ церквахъ никогда не проповѣдаютъ ⁴²⁾; а по праздникамъ читаютъ отрывки изъ ветхаго или новаго Завѣта; но таково невѣжество народа, что не найдется и трети, которая знала бы *Отче нашъ* и *Вѣрую во единого*. Можно сказать, что невѣжество народа есть мать его благочестія; — онъ ненавидитъ науки, и особенно языкъ Латинскій; не знаетъ ни

школь, ни университетовъ. Одни священники наставляють юношество чтенію и письму, чѣмъ немногіе впрочемъ занимаются. Русскія буквы большею частію суть Греческія; книги всѣ почти рукописныя, кромѣ немногихъ печатныхъ экземпляровъ ветхаго и новаго Завѣта, привезенныхъ изъ Польши: ибо не болѣе 10 или 12 лѣтъ, какъ Россіяне узнали искусство книгопечатанія ⁴³⁾; да и теперь еще рукописныя книги болѣе уважають, нежели печатныя.— Дважды въ году освящаютъ рѣки и воду; послѣ освященія, Царь и Вельможи обыкновенно погружаются въ оную; я самъ видалъ, какъ для сего прорубали ледъ и какъ Царь прыгалъ въ прорубь ⁴⁴⁾. Въ Вербное воскресенье Патріархъ ѣздитъ на ослѣ, сидя бокомъ по обычаю женщинъ; по недостатку же ословъ, берутъ лошадь, покрываютъ ее бѣлымъ полотномъ, такъ что кромѣ глазъ ничего не видно, и привязываютъ ей большія уши. Царь ведетъ ее за поводъ изъ Кремля до церкви, именуемой Іерусалимомъ, оттуда въ храмъ Богоматери. Во время сего шествія, назначенные люди снимають съ себя одежду и разстилають ее по дорогѣ, слѣдуя впереди святителей ⁴⁵⁾. Въ Россіи существуетъ особенный орденъ, состоящій изъ людей, которые, предчувствуя приближеніе смерти, были соборованы масломъ, однакожь не умирали: таковыя люди обязываются носить до самой кон-

чины платье, похожее на монашеское. Это считается весьма богоугоднымъ дѣломъ. Жены ихъ имѣютъ право выйти за другаго мужа.—Никто изъ иновѣрныхъ не можетъ входить въ Русскую церковь. Патріархъ, Епископы, Игумены назначаются Царемъ; обыкновенныя дѣла церковныя Патріархъ рѣшаетъ самъ, о важнѣйшихъ же случаяхъ докладываетъ Государю. Мужъ имѣетъ право подъ разными предлогами развестись съ женою, заключить ее въ монастырь, и потомъ жениться до третьяго раза.

Всѣ иностранцы могутъ исповѣдовать свою религію всенародно, исключая Римскихъ Католиковъ; Евреи же нетерпимы со временъ Іоанна Васильевича Мучителя ⁴⁶⁾. Сей Государь приказалъ собрать всѣхъ Евреевъ, находившихся въ Россіи; потомъ связавъ имъ руки и ноги, вывелъ ихъ на мостъ, гдѣ они принуждены были отречься отъ своего закона, и когда сказали, что желаютъ креститься во имя Бога Отца, Сына и Св. Духа, Царь въ ту минуту велѣлъ бросить ихъ въ воду. Сей же Іоаннъ Васильевичъ, лѣтъ за 40 до нашего времени, завоевавъ большую часть Ливоніи и переселивъ въ Россію жителей Дерпта и Нарвы, пожаловалъ плѣннымъ Ливонцамъ, послѣдователямъ Лютера, двѣ божницы въ Москвѣ, дозволивъ имъ свободно исполнять обряды религіи; но въ послѣдствіи за дерзость и тщеславіе ихъ, повелѣлъ сіи церкви разру-

шить, дома разграбить, а Ливонцевъ, не взирая ни на возрастъ, ни на полъ, выгнать на улицу въ зимнюю стужу, оставивъ ихъ, въ чемъ мать родила. Впрочемъ Ливонцы сами виноваты: забывъ минувшее несчастіе, потерявъ и отечество, и имущество, сдѣлавшись рабами народа грубаго и жестокаго, подъ правленіемъ Государя самовластнаго, они, вмѣсто смиренія по причинѣ таковыхъ бѣдствій, вели себя столь гордо, поступали столь высококомѣрно, одѣвались столь роскошно, что казались Принцами и Принцессами; женщины, посѣщая церкви, наряжались не иначе, какъ въ бархатъ, атласъ, камку; самая послѣдняя носила тафтяное платье, хотя ничего болѣе не имѣла. Сіи Ливонцы получали доходъ преимущественно отъ права продавать хлѣбное вино, медъ и другіе напитки; причемъ имѣли прибыли не по 10 на 100, а 100 на 100; это кажется невѣроятно, но тѣмъ не менѣе справедливо.

Ливонцы всегда оставались одинаковы: казалось, они были приведены въ Россію только для того, чтобы выказывать свою гордость и высококомѣріе, чего не посмѣли бы сдѣлать и въ собственномъ отечествѣ, по строгости законовъ и правосудія. Почему Царь приказалъ отвести имъ мѣсто за городомъ, гдѣ они выстроили дома и одну церковь, не имѣя дозволенія жить въ столицѣ. — Подъ властію Россіянъ находят-

ся даже Татары, Турки, Персіяне, Мордва и другіе народы Магометанскіе, исповѣдающіе свободно свою вѣру, не говоря о Сибирякахъ, Лапландцахъ и другихъ племенахъ, которыя не слѣдуютъ ни Христіанскому, ни Магометанскому закону, и поклоняются разнымъ животнымъ, какъ имъ угодно, не претерпѣвая притѣсненій въ своихъ обрядахъ.

Мертвыхъ Россіяне погребаютъ до истеченія 24 часовъ, не исключая ни Царя, ни раба, такъ, что умершаго утромъ вечеромъ уже хоронятъ. Усопшаго обыкновенно оплакиваютъ нанятая женщины, взывая къ нему: *Загльмъ ты умеръ, развѣ Царь тебя не жаловалъ; развѣ у тебя мало было богатства, дѣтей, или не имлъ ты жены честной?* Если же умираетъ женщина, приговариваютъ: *Развѣ ты не имла добраго мужа?* и подобныя глупости. На покойника надѣваютъ новую рубаху, чулки, башмаки, похожіе на туфли, и шапку; потомъ кладутъ его въ гробъ и несутъ на кладбище, въ присутствіи родныхъ и друзей, которые послѣ погребенія плачутъ на могилѣ, съ жалобными воплями. Въ концѣ шестой недѣли приходятъ на могилу вдова и нѣсколько ближайшихъ друзей, приносятъ напитки, яства и послѣ довольныхъ слезъ, съ прежними стонами, ѣдятъ принесенныя кушанья, раздавая остатки оныхъ нищимъ. Такъ поступаетъ простой народъ; въ случаѣ же

смерти особы значительной, дается пиръ въ домѣ, по возвращеніи съ кладбища, гдѣ родственники сами дѣлаютъ умершему вопросы, или нанимаютъ для сего женщинъ; причемъ раздаютъ бѣднымъ все, что приносятъ на могилу. Таковыя пиры бывають ежегодно по одному разу, въ память усопшаго. По прошествіи 6 недѣль, трауръ оканчивается, и вдова можетъ снова вытти замужъ.

Великій постъ наблюдаютъ Россіяне слѣдующимъ образомъ: въ послѣднюю недѣлю предъ онымъ, или на масляницѣ, они мяса не ѣдятъ, а употребляютъ въ пищу сыръ, яйца, молоко, масло; посѣщаютъ другъ друга, цѣлуются, прощаются, мирятся, если оскорбили другъ друга словомъ или дѣломъ; встрѣчаясь даже на улицѣ, — хотя бы никогда прежде не видались, — привѣтствуютъ другъ друга взаимнымъ поцѣлуемъ. *Прости меня, пожалуйста!* говорить одинъ; *Богъ тебя проститъ!* отвѣчаетъ другой. При семъ должно замѣтить, что не только въ это время, но и всегда, какъ мужчины, такъ и женщины считаютъ поцѣлуй знакомъ привѣтствія, когда готовятся въ путь, или встрѣчаются послѣ долговременной разлуки. По окончаніи масляницы, всѣ идутъ въ баню; въ первую недѣлю поста вовсе не выходятъ изъ дома, или весьма рѣдко, и цѣлые семь дней ѣдятъ не болѣе трехъ разъ, не употребляя ни мяса,

ни рыбы, и довольствуясь только медомъ и овощами. Въ слѣдующую недѣлю являются на улицахъ, но весьма просто одѣтые, какъ будто въ траурѣ; въ остальное время поста, кромѣ послѣднихъ 7 дней, ѣдятъ всякую рыбу, какъ свѣжую, такъ и соленую, но безъ масла и молока; по средамъ же и пятницамъ только соленую и овощи. На послѣдней недѣлѣ постятся такъ же строго, какъ и на первой, или еще строже: тогда всѣ обыкновенно приобщаются Св. таинъ.

По окончаніи поста, наступаетъ пасха: тогда начинаются опять посѣщенія, какъ на масляницѣ; Россіяне подносятъ другъ другу красныя яйца, приговаривая—одинъ: *Христосъ воскрес!* другой: *во истинну воскрес!* Причемъ размѣнявшись яйцами, цѣлуются, въ знакъ радости о воскресеніи Господнемъ. Царь наблюдаетъ сей обычай такимъ образомъ: какъ въ послѣдній день масляницы, такъ и на другой день по пасхѣ, онъ дозволяетъ каждому лобызать свою руку; а въ слѣдующій день, когда отправляется въ церковь, Бояре и извѣстные Государю сановники подходятъ къ нему и также цѣлуютъ его руку: онъ раздаетъ поздравляющимъ по одному, по два и по три яйца, смотря по тому, кого болѣе жалуетъ. Въ это время народъ цѣлые 15 дней пируетъ непрерывно.

При Русскихъ церквахъ находится множество колоколовъ. Хотя Россіяне, по видимому, различаются симъ отъ Грековъ, которые вовсе оныхъ не употребляютъ, что доказываютъ единовѣрцы ихъ Валахи, Молдаване, Ретійцы и другіе народы; но колокольный звонъ дозволяется Греческою религіею; Греки же не смѣютъ звонить потому, что состоятъ подъ властію Турковъ, коимъ Алкоранъ запрещаетъ держать колокола въ мечетяхъ. Впрочемъ Католики, Протестанты и Аріане, обитая въ Трансильваніи, могли благовѣстити, когда Стефанъ, бывшій Королемъ Польскимъ, и послѣ него Сигизмундъ Баторій управляли ею въ зависимости отъ Султана; но Греки и тогда не имѣли колоколовъ 47).

Всѣ пути изъ Россіи въ другія земли охраняются такъ строго, что безъ Царскаго дозволенія не возможно изъ нея выѣхать, и въ наше время съ оружіемъ никто изъ сего Государства не могъ удалиться: я былъ первый. Россіяне, воюя съ Польшею, не рѣшаются имѣть въ дѣйствующей арміи Поляковъ, имъ подвластныхъ, коихъ довольно много, а распредѣляютъ ихъ на предѣлахъ Татаріи, поступая такъ же и съ прочими иноземцами, изъ опасенія, чтобы они не бѣжали и не предались непріятелю: ибо Русскій народъ есть самый недовѣрчивый и подозрительный въ мірѣ.

Въ Россіи всѣ замки и крѣпости деревянныя, исключая Москвы, Смоленска, Иваньгорода или Нарвы, Тулы, Казани, Астрахани, Коломны и Путивля (на предѣлахъ Подоліи). Москва есть городъ обширный; среди его течетъ рѣка, гораздо шире нашей Сены; весь городъ обнесенъ деревянною оградою, въ окружности, какъ я думаю, болѣе Парижской; внутри его находится другая стѣна въ половину менѣе первой, не простираясь однакожь за рѣку. Потомъ выведена изъ кирпича еще третія, окружающая всѣ каменныя купеческія лавки. Сверхъ того, есть крѣпость, построенная при Василии Іоанновичѣ, отцѣ Іоанна Васильевича, однимъ Италіянцемъ 48). Въ ней много церквей каменныхъ, изъ коихъ четыре покрыты золоченою мѣдью. Городъ наполненъ деревянными домами; каждый домъ обыкновенно въ два жилья, съ обширнымъ дворомъ, для предупрежденія пожаровъ, которые весьма часто случаются. Съ нѣкотораго времени въ Москвѣ построено довольно церквей каменныхъ, деревянныхъ же находится безчисленное множество, — самыя улицы вымощены досками 49).

Высшее Дворянство постоянно живетъ въ Москвѣ; оно состоитъ изъ Князей, Думныхъ Бояръ, то есть Членовъ Государственнаго Совѣта, Окольныхъ или Маршаловъ, Дворянъ Думныхъ и Московскихъ; сіи послѣдніе обыкновенно опре-

дѣляются въ Правители городовъ. Число Членовъ Государственной Думы закономъ не ограничено: Царь назначаетъ въ оную, кого ему угодно. Я зналъ изъ нихъ до 32. Въ случаѣ дѣлъ важныхъ собирается Тайный Совѣтъ, обыкновенно изъ ближнихъ Царскихъ родственниковъ. Для формы спрашиваютъ мнѣнія Духовенства, и приглашаютъ въ Думу Патріарха, съ нѣкоторыми Епископами; но въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ другаго закона, или совѣта, кромѣ безпредѣльной воли Государя. Онъ имѣетъ власть поражать всякаго огнемъ и мечемъ, невиннаго и виновнаго. Владѣтель Россіи, по моему мнѣнію, есть самый неограниченный изъ всѣхъ извѣстныхъ Вѣнценосцевъ: ибо каждый Россіянинъ, знатный и незнатный, самые Царскіе братья называютъ себя *холопами Государевыми* 50). — Въ Думѣ еще присутствуютъ два Думные Дьяка, то есть Секретари, а не Канцлеры, какъ толкуютъ Россіяне. Одинъ изъ нихъ завѣдываетъ дѣлами посольскими и внѣшними; другой же военнымъ управленіемъ; отъ сего послѣдняго зависятъ Воеводы, Намѣстники и другіе Сановники; но стрѣльцы (лучшая пѣхота) состоятъ въ особенномъ вѣдомствѣ.

Серхъ того, въ каждой области находится Членъ Думы, или Окольникій, который, вмѣстѣ съ однимъ Дьякомъ, рѣшаетъ споры, возникающіе между Царскими подданными. Должно за-

мѣтитъ, что никто изъ Судей, или Сановниковъ, не смѣетъ принимать никакихъ подарковъ отъ просителей: ибо если обвинять Судью или собственные слуги, или подарившіе, (которые доносятъ нерѣдко, обманувшись въ надеждѣ выиграть дѣло), или другіе люди: то уличенный въ лихоимствѣ теряетъ все свое имущество и возвративъ дары, подвергается *правезу* (о чемъ будемъ говорить послѣ), для заплаты въ пеню, по назначенію Государя, пятисотъ, тысячи, или двухъ тысячъ рублей, болѣе или менѣе, по степени сана. Но виновнаго Дьяка, не слишкомъ любимаго Государемъ, наказываютъ всенародно кнутомъ, т. е. сѣкутъ плетью, а не розгами, привязавъ къ шеѣ лихоимца кошелекъ серебра, мягкую рухлядь, жемчугъ, даже солсую рыбу, или другую вещь, взятую въ подарокъ; потомъ отправляютъ наказаннаго въ ссылку, съ намѣреніемъ прекратить беззаконіе и на будущее время. При всемъ томъ взятки не истребляются; выдумали слѣдующую хитрость: челобитчикъ приходитъ къ Судьѣ и кладетъ дары предъ его иконами, которыя въ простомъ народѣ называются *Богамъ*, а въ высшемъ кругу—*Образомъ*. Къ симъ иконамъ, украшающимъ жилище каждаго въ весьма большомъ количествѣ, привѣшиваютъ подарки. Впрочемъ, если принесенная вещь стоитъ дороже 7 или 8 рублей, и Царь о томъ узнаетъ, Судьи не освобождаются

отъ наказанія. Въ продолженіе восьми дней послѣ пасхи, имъ дозволено, вмѣстѣ съ красными лицами, принимать малоцѣнныя вещи; но запрещено брать подарки, предлагаемые въ надеждѣ пріобрѣсть ихъ расположеніе: ибо Судья подвергается взысканію, если челобитчикъ докажетъ, что онъ получилъ подарокъ за какое-либо дѣло. Впрочемъ въ продолженіе сего времени, доносъ отъ другихъ лицъ не пріемлется; всѣ же Судьи и Чиновники должны довольствоваться годовыми окладами и землями, назначенными отъ Государя. — На рѣшеніе суда жаловаться не дозволено. Всѣ жители самыхъ отдаленныхъ областей, исключая городскихъ обывателей, приходятъ судиться въ Москву. Въ городахъ же всѣ дѣла рѣшаютъ Губные Старосты; на нихъ можно просить въ столицѣ. Сіи второстепенные Сановники также отыскиваютъ и заключаютъ въ тюрьму всѣхъ убійцъ, воровъ и мошенниковъ, дѣлаютъ имъ допросы и по окончаніи слѣдствія, доносятъ въ Москву назначенному для таковыхъ дѣлъ высшему вѣдомству — *Разбойному приказу*. — Во всей Россіи никто не можетъ быть казненъ безъ точнаго повелѣнія верховнаго Московскаго Совѣта. По Русскимъ законамъ, каждый подаетъ жалобу и въ Судѣ оправдываетъ себя или самъ, или посредствомъ родственника, или служителя: ибо въ Россіи не извѣстны стряпчіе или адвокаты. Всѣ

споры, исключая самых очевидныхъ, рѣшаются присягою одной стороны, которая для сего цѣлуетъ крестъ въ церкви съ нѣкоторыми обрядами. Должно замѣтить, что всадники, находящіеся въ Царской службѣ, лично освобождены отъ присяги: они приказываютъ цѣловать за себя крестъ своимъ служителямъ; но въ вѣрности Государю сами клянутся. — Должника, не уплатившаго или казнѣ, или частному лицу, какой либо суммы, хотя самой незначительной, по бѣдности, или по упорству, выводятъ на *правежъ*, т. е. въ извѣстномъ мѣстѣ, въ рабочіе дни, особенные люди, именуемые Недѣльщиками, бьютъ его по икрамъ тростию, или прутомъ, отъ восхожденія солнечнаго до 10 или 11 часовъ. Я нерѣдко видалъ, что наказанныхъ на правежѣ отвозили домой на телѣгахъ. Правежъ прекращается по заплатѣ всего долга: всадники Царской службы изъяты отъ сего наказанія, имѣя право выставить за себя одного изъ своихъ людей 51).

Дворяне, т. е. такіе люди, коимъ дается отъ казны жалованье и помѣстья, наблюдаютъ слѣдующій образъ жизни: встаютъ лѣтомъ обыкновенно при восхожденіи солнца, и отправляются во Дворецъ, (разумѣется, живущіе въ Москвѣ), гдѣ присутствуютъ въ Думѣ отъ перваго часа до шести часовъ дня; потомъ идутъ съ Государемъ въ церковь, гдѣ онъ слушаетъ ли-

тургію отъ 7 до 8 часовъ, (т. е. съ 11 до полудня). По выходѣ Государя изъ церкви, возвращаются домой обѣдать; послѣ обѣда отдыхаютъ и спятъ часа два или три. Въ 14 часовъ, по звону колокола, снова посѣщаютъ Дворецъ, гдѣ проводятъ около 2 или 3 часовъ вечера; потомъ удаляются, ужинаютъ и ложатся спать. Сіи господа не любятъ ходить: лѣтомъ ѣздятъ верхомъ, а зимою въ саняхъ, и никогда пешкомъ не прогуливаются. Сидячая жизнь производитъ въ нихъ непомѣрную тучность, которою они впрочемъ гордятся: ибо человѣка съ огромнымъ брюхомъ народъ наиболее уважаетъ, называя его *дородный человекъ*. Дворяне одѣваются обыкновенно весьма просто, исключая праздничныхъ дней, торжественныхъ Царскихъ выходовъ, или пріема пословъ иноземныхъ.

Благородныя жены лѣтомъ выѣзжаютъ въ колымагахъ, а зимою въ саняхъ. Когда же Царица прогуливается, тогда нѣсколько женщинъ слѣдуютъ за ея каретою, сидя на лошадяхъ верхомъ, какъ мужчины, въ бѣлыхъ поярковыхъ шляпахъ, похожихъ на клобуки Епископскіе, съ тѣмъ только различіемъ, что сіи послѣдніе бываютъ сѣрые, темные или черные. Онѣ носятъ длинное платье, равно широкое и вверху и внизу, обыкновенно изъ алой матеріи, или изъ тонкаго краснаго сукна; на сіе платье надѣваютъ другое, изъ какой нибудь шелковой матеріи, съ

большими рукавами, шириною болѣе 3 футовъ Парижскихъ; рукава же перваго платья обшиты парчею до самаго локтя. Голову покрываютъ шляпою, унизанною жемчугомъ, а бездѣтныя, или дѣвицы, — черною лисьею, похожею на шапку, надѣваемую Боярами при посольскихъ приемахъ. Сверхъ того всѣ носятъ жемчужныя ожерелья, шириною добрыхъ четыре пальца, и весьма длинныя серги; обуваются въ сапожки сафьянные, красные, или желтые, на каблукахъ вышиною въ три пальца, подкованныхъ какъ сапоги Польскіе или Венгерскіе. Молодыя и старыя, богатыя и бѣдныя румянятся и бѣлятся, но весьма грубо, и считаютъ за стыдъ не расписывать лицъ своихъ.

Знатныя Россіянки находятся подъ строгимъ надзоромъ; имѣя отдѣльныя комнаты, онѣ принимаютъ посѣщенія единственно отъ ближайшихъ родственниковъ, и только по особенному благоволенію мужъ выводитъ къ постороннему гостю свою жену. Самый женихъ, задумавъ сочетаться бракомъ, ведетъ переговоры съ родителями невѣсты; получивъ сначала ихъ согласіе, онъ посылаетъ вѣрнѣйшаго изъ родственниковъ, или друзей, посмотреть свою будущую супругу, и по донесенію посланнаго, заключаетъ брачный договоръ, съ условіемъ, кто долженъ заплатить опредѣленную взаимнымъ согласіемъ сумму. Тогда только женихъ

можетъ видѣть невѣсту. Въ день свадьбы, ее вѣдутъ въ церковь, съ покрываломъ на лицѣ, какъ Ревекку при первомъ ея свиданіи съ Исаакомъ. Она такъ бываетъ закутана, что ни сама никого не видитъ, ни посторонніе лица ея разсмотрѣть не могутъ. По совершеніи обряда, новобрачная тѣмъ же порядкомъ возвращается домой и садится за столъ, не снимая покрывала до исполненія супружескаго союза. На другой день молодые моются въ банѣ, или выливаютъ себѣ на голову ведро воды, считая омовеніе необходимымъ, по обычаю Евреевъ и Турковъ. Желая войти въ церковь, или даже приблизиться къ домашнимъ иконамъ, новобрачные требуютъ благословенія священника, или монаха. Супруги наблюдаютъ сіе всякой разъ послѣ наслажденія. Приданое невѣсты оцѣнивается вдвое и втрое; если жена умираетъ бездѣтною, мужъ платитъ за оное, по оцѣнкѣ ближайшихъ родственниковъ ⁵²).

Дворяне измѣряютъ свое богатство по числу слугъ и служанокъ, а не по количеству денегъ: каждый изъ нихъ имѣетъ множество слугъ, которые остаются рабами и невольниками, вмѣстѣ съ дѣтьми, за наследниками своего перваго господина. Сей обычай Россіяне заимствовали у древнихъ народовъ; да и во многихъ случаяхъ они подражаютъ древнимъ, напримѣръ: всѣ вѣдомости, записки и просьбы свертываютъ свит-

ками, не составляя книгъ и не складывая бумагъ по нашему обыкновенію. Такъ поступали и древніе. У Евреевъ былъ тотъ же обычай, какъ свидѣтельствуется Пророкъ Іезекіиль въ главѣ 3⁵³). Это сходство замѣтно и въ пиршествахъ: самъ Царь, приглашая пословъ къ обѣду, говоритъ только: *хлѣба гѣсть со мною*. Сильнѣйшій упрекъ неблагодарному выражается словомъ: *ты забылъ мою хлѣбъ-соль*. Когда Царь отправляется въ дорогу, или вступаетъ на престоль, или женится, или присутствуетъ на крестинахъ,—подданные всегда подносятъ ему, кромѣ другихъ подарковъ, хлѣбъ съ солью. Желая изъяснить почтеніе, Россіяне снимаютъ шапку и кланяются, только не кладутъ руки на голову или на грудь, по обычаю Турковъ, Персовъ и другихъ Магометанъ, но опускаютъ ее до земли, или мѣнѣе, смотря по степени уваженія. Въ случаѣ же просьбы, или во время молитвы, кланяются до самой земли, какъ предъ начальниками, такъ и предъ образами; другихъ знаковъ покорности не вѣдаютъ, колѣнъ также не преклоняютъ, говоря, что это обычай Магометанъ, которые обыкновенно подгибаютъ ноги, сядясь на землю. Женщины поступаютъ такимъ же образомъ.

Многіе изъ Россіянъ доживаютъ до 80, 100, 120 лѣтъ, и только въ старости знакомы съ болѣзнями. Врачебныя пособія употребляютъ только Царь и нѣкоторые важнѣйшіе Вельможи; а

простолюдины считаютъ даже нечистыми многія лекарственныя вещи: пилюли принимаютъ весьма неохотно, промывательное же, мускусъ, выхухоль и другія подобныя средства ненавидятъ; чувствуя себя нездоровыми, они обыкновенно выпиваютъ хорошую чарку вина, всыпавъ въ нее зарядъ ружейнаго пороха, или смѣшавъ напитокъ съ толченымъ чеснокомъ, и немедленно идутъ въ баню, гдѣ въ нестерпимомъ жару потѣютъ часа два или три. Такъ лечится простой народъ во всѣхъ болѣзняхъ.

Источники доходовъ Государственныхъ суть слѣдующіе: во-первыхъ Царская отчина, управляемая особымъ вѣдомствомъ или *Дворцомъ*,⁵⁴⁾ подъ главнымъ надзоромъ Дворецкаго, который распоряжаетъ дѣлами при помощи двухъ Дьяковъ; во-вторыхъ подати, взимаемыя со всего Государства, раздѣленнаго на пять вѣдомствъ, именуемыхъ *Четями*, куда вносятся постоянныя доходы⁵⁵⁾. За сими вѣдомствами наблюдаетъ *Большой приходъ*, собирающій налоги, въ особенныхъ случаяхъ опредѣляемые. Кромѣ отчины, собственный доходъ Государя состоитъ: въ подушныхъ деньгахъ, платимыхъ вообще всѣми какъ городскими, такъ и сельскими жителями, не исключая и наследственныхъ помѣстьевъ Царскихъ родственниковъ; въ налогахъ и пошлинахъ съ товаровъ всякаго рода; въ сборѣ съ питейныхъ домовъ, гдѣ продается вино, медъ

и пиво (сими напитками дозволено въ городахъ и селахъ торговать однимъ откупщикамъ); въ мягкой рухляди, воскъ и другихъ произведеніяхъ, особенно же въ потребностяхъ жизненныхъ: хлѣбъ, винъ, медъ, дичи, скотъ, птицахъ, плодахъ и другихъ съѣстныхъ припасахъ, для стола необходимыхъ. Впрочемъ съ жителей, хотя нѣсколько удаленныхъ отъ столицы, вмѣсто естественныхъ произведеній, собираютъ деньги, и притомъ по весьма высокой цѣнѣ, на примѣръ, съ *выти* или участка земли обработанной въ семь или восемь десятинъ, изъ коихъ на каждой можно посѣять двѣ четверти хлѣба, крестьяне платятъ по 10, 12, 15 рублей, даже до 20, смотря по качеству почвы ⁵⁶⁾; а какъ рубль содержитъ около 6 ливровъ, 12 су: то ежегодный сборъ простирается на великую сумму. И потому въ *Дворцѣ* хранится обыкновенно отъ 120,000 до 150,000 рублей наличныхъ денегъ, болѣе или менѣе, судя по издержкамъ на посольства и другіе чрезвычайные случаи, коими онъ завѣдываетъ. Нѣкоторыя же изъ 5 Четей, на примѣръ, Казанская и Новая ⁵⁷⁾, берегаютъ, за всѣми расходами на пенсіи и жалованье войску, до 80 или до 100,000 рублей, другія отъ 40 до 60,000 рублей, не говоря о Большомъ приходѣ, въ который поступаютъ особенные налоги, взимаемые по Царскому повелѣнію со всего Государства, и другіе случайные источники, на-

примѣръ, отъ продажи имѣнія разныхъ особъ, наказываемыхъ за проступки. Далѣе, есть еще особенное вѣдомство, называемое *Казною* 58): она завѣдываетъ мягкою рухлядью, воскомъ и пошлиною за печать (съ каждой бумаги берутъ по четверти рубля); Казна платитъ за всѣ товары, покупаемые для Государя. Сверхъ того, каждое областное вѣдомство въ концѣ года присылаетъ значительную сумму: ибо Царь беретъ десятую часть со всѣхъ тяжбныхъ дѣлъ, въ судѣ рѣшаемыхъ. Есть еще два особенныя вѣдомства, которыя имѣютъ свои доходы: *Помѣстный приказъ*, раздавая земли, за каждую запись взыскиваетъ 2, 3 или 4 рубля, по величинѣ отводимаго участка, и собираетъ доходы съ помѣстьевъ, принадлежавшихъ опальнымъ, доколѣ Государь не отдастъ оныхъ кому либо другому. *Конюшенный приказъ* имѣетъ также многіе случайные источники: со всѣхъ лошадей, продаваемыхъ въ Государствѣ, кромѣ крестьянскихъ, платятъ въ оный, за совершаемую покупку запись, около 20 су, дабы не отвѣчать, если купленная лошадь окажется краденою. Сему приказу доставляетъ еще большую прибыль конскій торгъ, производимый въ Россіи Татарами Ногайскими: ибо Царь имѣетъ право избирать для себя изъ приведенныхъ ими коней десятого; за прочихъ же получаетъ отъ продавца, или покупателя, сообразно взаимному ихъ

условію, по 5 копѣекъ на рубль 59). Выбираемые для Царя лошади — обыкновенно молодыя или жеребята, — по прошествіи 2 или 3 лѣтъ, продаются на большую сумму: ибо я видалъ до 40,000 вдругъ таковыхъ лошадей. Ногаи приводятъ ихъ ежегодно два или три раза, въ бѣльшемъ или меньшемъ числѣ, такъ что въ семь случаевъ не лзя сказать навѣрное о Царскомъ доходѣ.

Не взирая на столь разнообразныя налоги, Россія есть Государство весьма богатое. Не высылая денегъ за границу, но ежегодно скопля оныя, Россіяне платятъ иноземцамъ обыкновенно товарами: мягкою рухлядью, воскомъ, саломъ, кожами воловьими и оленьими, сафьяномъ, льномъ, пенькою, всякаго рода веревками, икрою (которой весьма много отправляется въ Италію), соленою семгою, ворванью и другими произведеніями; хлѣба же не смѣютъ вывозить за границу со стороны Ливоніи, не взирая на чрезвычайное изобиліе онаго. Сверхъ того, Россіяне промѣниваютъ иностранцамъ поташъ, льняное сѣмя, пряжу, не покупая ничего отъ нихъ на чистыя деньги; даже самъ Царь серебромъ платитъ только тогда, когда сумма не превышаетъ 4 или 5,000 рублей; обыкновенно же пушнымъ товаромъ, или воскомъ. Онъ имѣетъ свое неприкосновенное сокровище, ежегодно болѣе или мене увеличиваемое. *Расходная казна*, покрывая

чрезвычайныя издержки, наполнена въ великомъ количествѣ всякими драгоценными издѣліями, преимущественно изъ жемчуга, который въ Россіи употребляется болѣе, нежели во всей Европѣ. Я видѣлъ въ сей Казнѣ до пятидесяти Царскихъ платьевъ, вышитыхъ, вмѣсто позумента, драгоценными узорами; видѣлъ одежды, унизанныя жемчугомъ сверху до низу, или на футъ, полфута и пальца на четыре во всю окружность; съ подюжины покрываль, усыпанныхъ жемчугомъ, и другія подобныя вещи. Тамъже хранятся весьма дорогіе каменья, ежегодно покупаемыя, исключая даримыхъ послами; четыре короны, изъ коихъ три Царскія и одна старинная Великокняжеская, кромѣ приготовленной, но еще не совсѣмъ отдѣланной, для Царицы, Димитріевой супруги (онъ первый хотѣлъ короновать женщину: ибо ни Царицы, ни Великія Княгини по Русскимъ обычаямъ не коронуются); два скиптра и двѣ державы золотыя: я видѣлъ сіи вещи, имѣвъ честь неоднократно провождать Димитрія Іоанновича въ кладовыя, гдѣ заключаются сокровища. По мнѣнію Россіянъ, платья, драгоценныя каменья, парча, серебро, все зависитъ отъ Казны. Въ ней находятся двѣ цѣльныя кости единорога, Царскій посохъ, также изъ цѣльной кости во всю длину, съ поддѣльною рукоятью, и половина единороговой кости, употребляемой ежедневно въ

лекарство ⁶⁰⁾. Я видѣлъ еще другой посохъ золотый, внутри нѣсколько выдолбленный для уменьшенія тяжести; весьма много золотыхъ блюдъ, покаловъ разной величины, и несмѣтное множество серебряной посуды, вызолоченной и невызолоченной; о количествѣ оной можно судить изъ слѣдующаго примѣра: когда Борисъ Θεодоровичъ, по восшествіи на престоль, собралъ войско въ Серпуховѣ; данъ былъ пиръ, который продолжался цѣлыя шесть недѣль, и каждый день угощали на серебряной посудѣ, подъ шатрами, 10,000 человекъ, по свидѣтельству очевидцевъ. Я видѣлъ въ Казнѣ съ подюжины серебряныхъ бочекъ, слитыхъ, по приказанію Іоанна Васильевича, изъ серебряной посуды, взятой имъ въ покоренной Ливоніи: одна изъ сихъ бочекъ величиною почти съ полмюи ⁶¹⁾, другія менѣе; видѣлъ множество весьма огромныхъ серебряныхъ тазовъ, съ ручками по сторонамъ: наполнивъ медомъ, ихъ приносятъ обыкновенно четыре человека и ставятъ на обѣденные столы по 3 или 4 таза съ большими серебряными ковшами, коими гости сами черпаютъ напитки,—иначе было бы недостаточно 200 или 300 служителей для угощенія пирующихъ за Царскими столами. Вся эта посуда Русской работы. Кромѣ того, есть множество серебряной утвари Нѣмецкой, Англійской, Польской, поднесенной Царю иноземными посла-

ми, или купленной за рѣдкость издѣлія. Казна изобилуетъ всякими шелковыми матеріями, золотою и серебряною парчею Персидскою, Турецкою, всякаго рода бархатомъ, атласомъ, камкою, тафтою и другими шелковыми тканями. Въ самомъ дѣлѣ требуется оныхъ великое количество: ибо кто ни служитъ Государю, получаетъ обыкновенно, кромѣ денежныхъ окладовъ, парчевыя одежды, или кусокъ бархата, камки, атласа — на кафтанъ. Сими же издѣліями Царь награждаетъ какъ военныя, такъ и гражданскія заслуги. Пословъ Татарскихъ, Крымскихъ, Ногайскихъ и другихъ Азіатскихъ народовъ, вмѣстѣ съ Чиновниками ихъ свиты, равнымъ образомъ дарятъ шелковыми матеріями каждаго по достоинству. Посему для наполненія Казны, купечество, какъ иностранное, такъ и Русское, обязано предъявлять въ оную всякія шелковыя издѣлія и другія дорогія вещи, изъ коихъ выбираютъ нѣкоторыя для Государя. Если же купецъ скроетъ или продастъ что либо изъ своего товара, даже на 10 или 12 су, прежде осмотра въ Казнѣ, то лишается всего остальнаго, хотя бы заплатилъ пошлину и другія подати ⁶²⁾. Въ Россіи нѣтъ никакихъ минераловъ, исключая желѣза, весьма мягкаго; впрочемъ я не сомнѣваюсь, чтобы въ столь обширной странѣ не было другихъ рудъ: не достаетъ только людей, искусныхъ въ горномъ дѣлѣ.

Россійская ходячая монета состоитъ: изъ денегъ или копѣекъ, цѣною около 16 денаріевъ Турнскихъ, изъ московокъ въ 8 денаріевъ, и полушекъ въ 4 денарія. Всѣ сїи монеты серебряныя; серебро въ нихъ нѣсколько чище, нежели въ реалахъ; ими платятъ всякія суммы, считая рублями, (изъ коихъ каждый содержитъ 100 денегъ, или 6 ливровъ, 12 су), пол-рублями, четверть-рублями, гривнами (10 копѣекъ) и алтынами (3 деньги, или 4 су⁶³). Другой монеты въ Россіи не чеканятъ. Но купцы иноземные привозятъ множество рейхсталеровъ или ефимковъ, которые Россіяне принимаютъ съ выгодою: каждый ефимокъ идетъ за 12 алтынъ, или 36 денегъ, т. е. 48 су; но отъ передѣла въ Русскую монету, съ нѣкоторымъ очищеніемъ металла, ефимокъ, всомъ въ 40 су, даетъ уже 42 деньги⁶⁴). Сїи же купцы привозятъ множество червонцевъ: Россіяне покупаютъ и продаютъ ихъ, какъ прочіе товары, часто съ великою прибылью: я видалъ, что за одинъ червонецъ иногда платили 24 алтына, или около 4 ливровъ, 16 су, иногда 16 алтынъ, нерѣдко и 2 руб.; обыкновенная же имъ цѣна—отъ 18 до 21 алтына. Столь непомерная дороговизна червонцевъ бываетъ во время Царскаго коронованія, или брака, также при крестинахъ: ибо тогда подносятъ Государю какіе нибудь подарки; а простолюдины цѣлыми обществами приходятъ съ бо-

гатыми дарами, въ числѣ коихъ находятся обыкновенно червонцы, иногда въ кубкахъ, иногда въ серебряныхъ чашахъ, или на блюдахъ, покрытыхъ тафтою. Цѣнность сей монеты увеличивается также за нѣсколько дней до Пасхи: ибо въ продолженіе Святой недѣли, Россіяне, слѣдую обычаю христосоваться другъ съ другомъ, вмѣстѣ съ красными яицами подносятъ Вельможамъ и своимъ покровителямъ какія нибудь драгоценныя вещи, жемчугъ, или червонцы. Сей праздникъ есть единственное въ году время, когда Сановники могутъ принимать подарки, рублей въ 10 или въ 12; берутъ и болѣе, но тайно: въ противномъ случаѣ подвергаются наказанію.

Важнѣйшую въ Россіи степень занимаетъ *Конюшій Бояринъ*; за нимъ слѣдуетъ *Аптечный Бояринъ* ⁶⁵⁾, главный начальникъ Медиковъ и Аптекарей; потомъ *Дворецкій* и наконецъ *Крайній*: сіи четыре Сановника суть главные въ Думѣ. Кромѣ того, при Дворѣ находится много другихъ чиновъ: Стольниковъ, Чашниковъ, Стряпчихъ, Жильцовъ и проч. ⁶⁶⁾. Царскую гвардію составляютъ 10,000 Стрѣльцовъ; они живутъ въ Москвѣ и находятся подъ начальствомъ одного Генерала, раздѣляясь на приказы, т. е. роты, въ 500 человекъ каждая; ротою завѣдываетъ *Голова*, по нашему Капитанъ; сотнею *Сотникъ*, а десяткомъ *Десятникъ*, по нашему

Капраль; нѣтъ ни Лейтенантовъ, ни Прапорщиковъ. Каждый Капитанъ, смотря по заслугамъ, получаетъ жалованья отъ 30 и 40 до 60 рублей ежегодно, да земли въ такой же соразмѣрности отъ трехъ и четырехъ до пяти сотъ четвертей. (Словомъ четверть я всегда означаю особенную мѣру земли, или арпанъ). Многіе изъ Сотниковъ, владѣя землею, получаютъ окладныхъ отъ 12 до 20 рублей; Десятники до 10 рублей, а Стрѣльцы по 4 и 5 рублей ежегодно; сверхъ того, каждому дается 12 четвертей ржи и столько же овса. Когда Царь отправляется за городъ, хотя бы не далѣе 6 или 7 верстъ, большая часть Стрѣльцовъ слѣдуетъ за нимъ на коняхъ изъ Царской конюшни; коней даютъ имъ и тогда, когда посылаютъ ихъ на войну, или для охраненія городовъ; сверхъ того, назначаются люди, которые готовятъ имъ пищу, и для каждаго десятка по одной телѣгѣ съ провіантомъ. Кромѣ Дворянъ, живущихъ постоянно въ Москвѣ, каждый городъ по возможности присылаетъ отъ 16 до 30 лучшихъ помѣстныхъ владѣльцевъ, именуемыхъ *Выборными Дворянами*: по прошествіи трехъ лѣтъ, они смѣняются другими. Симъ способомъ Царь собираетъ многочисленную кавалерію, такъ, что рѣдко выѣзжаетъ безъ 18 или 20,000 всадниковъ: ибо тогда всѣ люди, служащіе при Дворѣ, садятся на коней и слѣдуютъ за Государемъ. Многіе изъ

Дворянъ по очереди проводятъ цѣлыя ночи во Дворцѣ безъ всякаго оружія. Если надобно принять какого нибудь посла съ особеннымъ отличіемъ, Стрѣльцы ставятся рядами, въ полномъ вооруженіи, по обѣимъ сторонамъ дороги, начиная отъ деревянныхъ, или каменныхъ воротъ до посольскаго двора; сверхъ того являются Московскіе Дворяне и главнѣйшіе купцы въ весьма дорогихъ одеждахъ, коихъ великолѣпіе сообразуется съ степенью уваженія къ посланнику. Для таковыхъ случаевъ каждый Дворянинъ имѣетъ три или четыре перемѣнныхъ кафтана; иногда они получаютъ изъ Казны платья парчевыя, изъ золотой и серебряной ткани Персидской, съ высокою шапкою чернаго лисьяго мѣха; иногда одѣваются въ *цвѣтное платье* ⁶⁷⁾, изъ обьяри, камлота, или краснаго тонкаго сукна нѣжнаго цвѣта, съ золотыми вышивками, покрывая голову черною шапкою; въ иныхъ случаяхъ носятъ *чистыя платья* ⁶⁸⁾, т. е. нарядную одежду. Число и достоинство людей увеличивается или уменьшается, смотря по чести, оказываемой посланнику. Встрѣтивъ его за городомъ, на выстрѣлъ изъ лука, а иногда на четверть льѣ, тамъ, гдѣ подводятъ ему и свитѣ лошадей изъ царской конюшни для вѣзда въ городъ, Дворяне провождаютъ его до посольскаго двора, предъ коимъ ставятъ стражей, не дозволяя никому входить въ оный, кро-

мъ назначенныхъ особъ. Никто изъ посольской свиты не можетъ прогуливаться по городу безъ особенныхъ проводниковъ, которые наблюдаютъ, куда пойдетъ чужеземецъ, что будетъ дѣлать и говорить. На границу также посылаютъ приставовъ для продовольствія пословъ; и не только послы, но и всѣ иностранцы, желающіе служить Россійскому Государю, снабжаются и въ Москвѣ, и въ дорогѣ, каждый по достоинству, всѣми необходимыми жизненными потребностями, какъ сами, такъ и лошади ихъ (это называется *кормо.мъ*). Содержаніе увеличиваютъ, или уменьшаютъ по повелѣнію Царя. Всѣ же припасы доставляетъ вѣдомство, именуемое Дворцомъ.

Приступая къ описанію войска, прежде всего скажемъ о *Воеводахъ*, или Генералахъ: въ случаѣ войны, Царь возводитъ въ сіе достоинство Думныхъ Бояръ и Окольныхихъ; въ мирное же время даетъ званіе Воеводъ Думнымъ и Московскимъ Дворянамъ и посылаетъ ихъ на южные предѣлы, для отраженія набѣга Татарскихъ отрядовъ, которые нерѣдко опустошаютъ Рускія поля и уводятъ лошадей отъ гарнизоновъ; если же не встрѣтятъ сопротивленія, вредятъ и болѣе. Русское воинство раздѣляется на пять частей: авангардъ, который стоитъ подлѣ какого нибудь города на границахъ Татарскихъ; правое крыло—близъ другаго города; лѣвое крыло,

главное войско и аррьергардъ; всѣ сіи отряды находятся въ разныхъ мѣстахъ ⁶⁹⁾; но Воеводы, по первому приказанію, должны соединиться съ главною арміею. Кромѣ Воеводъ, другихъ чиновъ военныхъ не бываетъ; впрочемъ, какъ конница, такъ и пѣхота состоитъ подъ начальствомъ Капитановъ; но при сихъ послѣднихъ нѣтъ ни Лейтенантовъ, ни Прапорщиковъ, ни трубъ, ни барабановъ; только Воеводы имѣютъ свое особенное знамя, съ ликомъ Святаго, освященное Патріархомъ; держать оное два или три человека; сверхъ того, за ними возятъ на лошадяхъ около 10 и 12 *набатовъ*, или мѣдныхъ барабановъ, столько же трубъ и нѣсколько гобоевъ. Бьютъ въ набаты только тогда, когда готовятся къ сраженію, или во время небольшой стычки: а одинъ употребляютъ ежедневно: имъ даютъ знакъ слѣзть съ коней или садиться на оныхъ.

Намѣреваясь открыть непріятеля въ обширныхъ степяхъ Татарскихъ, Россіяне поступаютъ слѣдующимъ образомъ: тамъ пролегаютъ дороги, именуемыя Царскою, Крымскою и путемъ великаго Хана; сверхъ того, изрѣдка растутъ одинокіе, разсѣянные дубы, удаленные одинъ отъ другаго на 8, 10 и до 40 веретъ. По большей части при каждомъ изъ нихъ становятся два ратника съ готовыми конями: одинъ сторожить на вершинѣ дерева, а товарищъ его кормитъ коней, совсѣмъ осѣдланыхъ. Сіи всад-

ники смѣняются чрезъ четыре дня. Сидящій на вершинѣ дуба, замѣтивъ въ отдаленіи пыль, слѣзаетъ немедленно, не говоря ни слова садится на коня, скачетъ во весь опоръ къ другому дереву, кричитъ издали и показываетъ рукою, гдѣ видѣлъ непріятеля. Стражъ втораго дерева, находясь на вершинѣ, уже вдали замѣчаетъ скачущаго вѣстника и едва пойметъ изъ словъ его, или изъ знаковъ, съ какой стороны поднимается пыль, велитъ своему товарищу, смотрѣвшему за конями, скакать къ третьему дереву. Такъ, увѣдомляя другъ друга, даютъ знать ближней крѣпости и наконецъ самой Москвѣ, не принося иной вѣсти, кромѣ того, что видѣли непріятеля; а нерѣдко, вмѣсто людей, открывается конскій степной табунъ, или стадо дикихъ животныхъ. Но когда стражъ, остававшійся при первомъ деревѣ, также прискачетъ и подтвердитъ слова своего товарища; тогда, съ прибытіемъ вѣстника, воинство беретъ оружіе, а Воеводы соединяются и посылаютъ нарочныхъ развѣдать о силахъ непріятеля. О числѣ враговъ Русскіе полководцы узнаютъ иногда слѣдующимъ образомъ: недалеко отъ пути, которымъ идутъ Татары, скрываются разсыпанные въ разныхъ мѣстахъ дозоры; выждавъ время, когда минуетъ непріятель, они выходятъ на слѣды и угадываютъ довольно вѣрно силы его по широтѣ дороги, протоптанной въ степяхъ конями. На

сихъ степяхъ растеть высокая трава, въ коей самыхъ лошадей бываетъ не видно: Россіане зажигаютъ ее каждою весною, отчасти для того, чтобы Татары не могли найти корма для своихъ коней, отчасти и для того, чтобы самая трава росла выше. Но если враги идутъ по дорогамъ, выше упомянутымъ, Россіане столь же вѣрно узнаютъ число ихъ по глубинѣ слѣда, или по вихрямъ отдаленной пыли: вообще Татары избираютъ пути извѣстные и неохотно прокладываютъ новые, по степной травѣ, изъ опасенія утомить лошадей. Когда сторожевые дозоры, пробравшись тайными, знакомыми тропинками, принесутъ вѣсть о силахъ непріятельскихъ, Русскіе вожди отступаютъ къ какойнибудь рѣкѣ, или къ лѣсу, въ намѣреніи остановить врага. Но Татаринъ весьма ловокъ и проворенъ: забавляя Россіанъ перестрѣлкою 20 или 30,000 всадниковъ, въ то же время посылаетъ нѣсколько отрядовъ иными дорогами опустошать Царскія владѣнія. Сіи отряды столь быстро исполняютъ свое дѣло, что наносятъ ударъ прежде, нежели Русская армія узнаетъ о ихъ вторженіи. Впрочемъ Татары не обременяютъ себя иною добычею, кромѣ плѣнниковъ, и не имѣютъ никакой поклажи, хотя у каждого есть одна или двѣ запасныя лошади, отлично выѣзжанныя и послушныя. Сіи наѣзтники столь искусны, что на всемъ скаку прыгаютъ съ од-

ной лошади на другую; кромѣ лука, стрѣль и сабли, инаго оружія не вѣдаютъ; стрѣляютъ крѣпче и вѣрнѣе на бѣгу, нежели стоя неподвижно; для пищи запасаются мясомъ, высушеннымъ на солнцѣ и въ мелкіе кусочки изрѣзаннымъ; къ сѣдельному арчаку привязываютъ длинную веревку. Сотня Татаръ всегда разгонитъ двѣсти Россіянъ, исключая отборнѣйшихъ воиновъ; встрѣтивъ же Русскую пѣхоту, или Стрѣльцовъ, укрѣпившихся на рѣчномъ берегу, или въ засѣкѣ, Татары поспѣшно удаляются, хотя Россіяне, въ самомъ дѣлѣ, умѣютъ лучше пугать ихъ, нежели вредить имъ: если отрядъ Русскихъ всадниковъ, тысячъ въ пятнадцать или въ двадцать, рѣшится преслѣдовать Татарскихъ наѣзdnиковъ; они разсыпаются во всѣ стороны, и подъ пушечнымъ выстрѣломъ остается изъ нихъ не болѣе 3 или 4 тысячъ человекъ; да и тѣ сходятся болѣе съ привидѣніями на ослахъ, нежели съ воинственными всадниками. Посему Татары обыкновенно возвращаются во свояси безъ большаго урона, если только Россіяне не успѣютъ пресѣчь имъ пути на переправахъ чрезъ рѣки, или не займутъ проходовъ въ лѣсу, гдѣ могутъ напасть на непріятеля. Но сіе рѣдко случается.

Въ конницѣ главная сила Русской арміи; она состоитъ изъ Дворянъ Московскихъ, Выборныхъ, Городовыхъ, Дѣтей Боярскихъ и Сыновей

Боярскихъ 7^о). Отряды называются по имени городовъ, въ округѣ коихъ Дворяне имѣютъ свои помѣстья; нѣкоторые города, напримѣръ, Смоленскъ, Новгородъ и другіе выставляютъ отъ 300 и 400 до 800 и 1200 всадниковъ. Подобныхъ городовъ весьма много. Вступая въ службу, каждый Дворянинъ обязанъ привести съ собою по одному всаднику и одному пѣхотинцу со 100 четвертей владѣемой земли; разумно время необходимое: иначе только сами они являются въ войско. Такъ собирается невѣроятное множество народа, но мало воиновъ.

Содержаніе Русскихъ сановниковъ есть слѣдующее: Члены Совѣта получаютъ отъ 500 до 1200 рублей—(оклада, производимаго Князю Эдодору Ивановичу Мстиславскому, занимавшему всегда первое мѣсто въ правленіе четырехъ Государей); Окольнічіе отъ 200 до 400 рублей и земли отъ 1000 до 2000 четвертей (при нихъ было до 15 человекъ); Думные Дворяне, коихъ болѣе шести не бываетъ, отъ 100 до 200 рублей и земли отъ 800 до 1200 четвертей; Московскіе Дворяне отъ 20 до 100 рублей и земли отъ 500 до 1000 четвертей; Выборные Дворяне отъ 8 до 15 рублей; Городовые Дворяне отъ 5 до 12 рублей и земли до 500 четвертей. Оклады выдаются ежегодно, а земля назначается однажды; владѣльцы оной обязаны выставлять двухъ человекъ съ каждыхъ 100 чет-

вертей, какъ выше сказано. Дѣтямъ Боярскимъ и Сыновьямъ Боярскимъ производится жалованье по 4, 5 и 6 рублей, одинъ разъ въ теченіе шести и семи лѣтъ; земли же имъ даютъ по 100 и 300 четвертей. Служба ихъ соотвѣтствуетъ обыкновенно жалованью: смотрятъ только за тѣмъ, чтобы опредѣленное число всегда было полно.

Главнѣйшіе изъ Дворянъ обязаны являться на службу въ кольчугѣ, шишакѣ, съ копьемъ, лукомъ и стрѣлами, и приводить служителей хорошо вооруженныхъ; другіе могутъ имѣть только добрыхъ коней, лукъ, стрѣлы и саблю. Такимъ образомъ Царь собираетъ многочисленное войско изъ ратниковъ, худо вооруженныхъ, незнакомыхъ ни съ порядкомъ, ни съ искусствомъ, часто болѣе вредныхъ, нежели полезныхъ во время войны. Къ нимъ присоединяютъ до 20,000 всадниковъ Казанскихъ и Черемисскихъ; до 7 или 8,000 наѣздниковъ Мордовскихъ и Татарскихъ, подвластныхъ Россіи, коимъ опредѣлено жалованья отъ 8 до 30 рублей; около 4,000 Черкассовъ, до 2500 Нѣмцевъ, Поляковъ и Грековъ, съ окладами отъ 12 до 60 рублей (нѣкоторые Капитаны ихъ получаютъ до 120 рублей, кромѣ земли отъ 600 до 1000 четвертей). Наконецъ Патріархъ, Епископы, Игумены и другіе Духовные владѣльцы помѣстьевъ высылаютъ *Людей Даточныхъ*, а именно: со 100 четвер-

тей одного всадника и одного пѣхотинца ; въ случаѣ надобности Святители даютъ , вмѣсто ратниковъ , военные снаряды и множество лошадей для артиллеріи , Стрѣльцовъ и разныхъ сановниковъ. Такова Русская кавалерія.

Въ Россію лошади приводятся наиболѣе изъ Татаріи Ногайской : ихъ называютъ *конями*; онѣ роста средняго , весьма удобны для работы и бѣгутъ безъ отдыха 7 или 8 часовъ : но если слишкомъ утомятся и выбьются изъ силъ , то потребно 4 или 5 мѣсяцевъ для ихъ поправленія; имѣя весьма дикій нравъ , онѣ пугаются ружейнаго выстрѣла ; обыкновенно бываютъ неподкованы , такъ же , какъ и Русскія ; многія овса не ѣдятъ вовсе и пріучаются къ нему исподволь , ежели хозяинъ намѣренъ кормить онимъ. Сверхъ того , Россіяне покупаютъ изрѣдка жеребцовъ Черкасскихъ ⁷¹⁾ , которые весьма красивы , но въ продолжительной ѣздѣ не столь крѣпки и быстры , какъ Ногайскіе кони ; есть лошади Турецкія и Польскія , между коими попадаются хорошія; ихъ называютъ *аргамаками*; всѣ аргамаки вообще мерины. У Ногайцевъ бываютъ иногда небольшія , весьма красивыя лошадки бѣлыя съ черными пятнами , какъ тигры или леопарды , будто бы разрисованныя. Лошади Русскія , называются *меринами* ⁷²⁾: онѣ малорослы , но крѣпки , особенно изъ окрестностей Вологды , и гораздо понятливѣе

Ногайскихъ. Татарская лошадь, или Русская, весьма красивая и добрая, купленная за 20 рублей, прослужить долѣе аргамака, цѣною въ 50, 60 и 100 рублей.—Въ Россіи лошади чаще хворають, нежели во Франціи, особенно отъ болѣзни, именуемой марица ⁷³). Это гной, накапливающийся въ груди животнаго. Если не истребятъ его немедленно, онъ бросается въ ноги и тогда нѣтъ спасенія. Хозяинъ, при первомъ знакъ болѣзни, тотчасъ разсѣкаетъ кожу на груди, почти между ногъ, вкладываетъ въ рану конецъ веревки, свитой изъ пеньки съ древесною корою и натертой варомъ; потомъ гоняетъ лошадь раза два или три ежедневно, до сильнаго пота, часто передвигая веревку; дня черезъ три или четыре, гной созрѣетъ и вытечетъ изъ раны. По прошествіи 15 дней или 3 недѣль, веревку вынимаютъ и рана закрывается, лошадь же послѣ сего дѣлается совершенно здоровою. Въ предупрежденіе этой болѣзни, обыкновенно гоняютъ лошадей въ рѣку, лишь только растаетъ ледъ, и держать ихъ въ водѣ по самую шею, часъ или два, до тѣхъ поръ, когда онѣ отъ сильнаго озноба почти не могутъ стоять. Это повторяется около 15 дней сряду; послѣ чего, онѣ становятся бодрыми и живыми. Сверхъ того, лошади Татарскія и Русскія бывають весьма одышливы, употребляются въ работу не моложе 7 или 8 лѣтъ, и служатъ до 20-ти. Я видалъ

впрочемъ лошадей 24 и 30 лѣтъ, по наружности не старѣе 10 или 12, еще способныхъ къ работѣ. Наконецъ въ Россіи попадаются весьма хорошіе иноходцы.

Лучшая пѣхота, какъ сказано, состоитъ изъ Стрѣльцовъ и Казаковъ. Первыхъ въ Москвѣ 10,000. Сверхъ того, въ каждомъ городѣ, отстоящемъ на 100 верстъ отъ предѣловъ Татаріи, смотря по величинѣ крѣпостей, находятся гарнизоны изъ 60, 80 и 150 Стрѣльцовъ; въ городахъ же пограничныхъ содержатъ ихъ гораздо болѣе. Казаки бываютъ разные: одни оберегаютъ зимою города Заокскіе, не имѣя постоянныхъ жилищъ и получая отъ казны стрѣльцкое жалованье, хлѣбъ, порохъ и свинецъ; другіе владѣютъ помѣстьями и стоятъ въ извѣстныхъ городахъ на стражѣ безсмѣнно; изъ нихъ не болѣе 5 или 6,000 употребляютъ оружіе. Настоящіе Казаки обитаютъ въ степяхъ Татарскихъ, по берегамъ Волги, Дона и Днѣпра; часто они вредятъ Татарамъ болѣе, нежели вся Русская армія. Государь даетъ имъ небольшое содержаніе; за то они имѣютъ право своевольничать, какъ хотятъ; временемъ, могутъ приходить въ пограничные города, продавать тамъ добычу и покупать необходимыя для себя вещи. Царь, намѣреваясь воспользоваться ихъ оружіемъ, посылаетъ имъ порохъ, свинецъ и отъ 7 до 10,000 рублей. Они всегда первые приводятъ

Татарскихъ плѣнниковъ, отъ коихъ Русскій Дворъ узнаеть замыслы непріятеля. Тому, кто возметъ и представитъ плѣнника, дають изъ казны обыкновенно конецъ хорошаго сукна и камки на два платья, 40 куницъ, серебряную чашу и 20 или 30 рублей. Сіи Казаки въ случаѣ надобности, по Царскому повелѣнію, оставляють свои жилища и въ числѣ 10,000 усиливають Русскую армію. (Впрочемъ Днѣпровскіе безпрестанно грабятъ Подолію). Къ нимъ присоединяють людей даточныхъ, со ста четвертей по одному человѣку, — поселянъ, болѣе способныхъ управлять сохою, чѣмъ оружіемъ, хотя по виду похожихъ на Казаковъ: и тѣ и другіе носятъ узкіе кафтаны, съ длиннымъ отложнымъ воротникомъ, висящимъ до пояса. Одни изъ сихъ ратниковъ дѣйствуютъ вмѣстѣ съ Казаками, имѣють ружья, по два фунта пороха, четыре фунта свинца и саблю. Другіе же, находясь въ распоряженіи своихъ владѣльцевъ, вооружаются лукомъ, стрѣлами и рогатиною, удобною только для встрѣчи медвѣдя, выходящаго изъ берлоги. Сверхъ того, въ случаѣ необходимости, купцы выставляютъ людей отъ себя, сколько могутъ: иной трехъ, другой четырехъ, болѣе или менѣе.

Когда Казаки приведутъ плѣнниковъ—что случается обыкновенно въ началѣ Великаго поста—и Дворъ свѣдаетъ, собирается ли Татаринъ;

тогда, судя по вѣстямъ, Русское Правительство разсылаетъ повелѣнія по всему Государству, чтобы до растаянія снѣговъ, военные люди отправляли на саняхъ съѣстные припасы въ тѣ города, близъ коихъ опредѣлено ожидать непріятеля. Провіантъ Русской арміи составляютъ: *сухари*, т. е. хлѣбъ, изрѣзанный въ мелкіе куски и высушенный въ печкѣ; *крупы* ячная, просяная, а наиболѣе овсяная ⁷⁴⁾; *толокно*, т. е. поджаренный и высушенный овесъ, измолотый въ муку (его употребляютъ разнымъ способомъ, въ видѣ кушанья и напитка: смѣшавъ въ доброй чашѣ двѣ или три горсти толокна съ водою и двумя или тремя щепотями соли, войны пьютъ эту смѣсь, считая ее вкусною и здоровою); соленое и копченое мясо баранье, свиное и рогатаго скота; масло, сыръ, истертый въ муку—его пьютъ съ водою; большое количество хлѣбнаго вина; наконецъ рыба сушеная и соленая, которую ѣдятъ сырую. Это пища начальниковъ: войны довольствуются сухарями, овсяною крупкою и толокномъ, съ небольшимъ количествомъ соли. — Безъ подножнаго корма, Россіяне рѣдко выходятъ въ поле воевать съ Татарами, наблюдая то же правило въ войнѣ и съ прочими врагами, если только не бываетъ нечаяннаго вторженія. — Для содержанія войска Царь болѣе ничего не тратитъ, какъ въ военное, такъ и въ мирное время, исключая наградъ за

какія нібудь заслуги, наприкладъ: кто приведетъ пльнника, убьетъ непріятеля, получитъ рану, или отличится другимъ образомъ, тому дають деньги, смотря по заслугъ, кусокъ парчи или другой шелковой матеріи на платье.

Русскіе Цари имѣють сношеніе съ Императоромъ Римскимъ, Королями Англійскимъ, Датскимъ и Шахомъ Персидскимъ; прежде они были въ союзъ съ Королями Польскимъ и Шведскимъ; но теперь съ ними дружны только по виду, ибо не довѣряють одинъ другому, ожидая войны съ часа на часъ. Между Россією и Турцією, въ теченіе 40 лѣтъ, были только два взаимныя посольства съ тѣхъ поръ, какъ Турки сняли осаду Астрахани, которую думали завоевать при помощи Ногайскихъ Татаръ и Пятигорскихъ Черкесовъ, т. е, жителей Георгіи ⁷⁵⁾; и хотя Царь не воюетъ теперь съ Султаномъ, однако между ними нѣтъ ни сношеній, ни привѣтствій уже лѣтъ 30, какъ будто они еще болѣе отдалены другъ отъ друга. Въ теченіе сего времени, Русскій Государь велъ войну только съ Крымскими Татарами и съ Пятигорскими Черкесами, за то, что построилъ на ихъ землѣ четыре или пять городовъ и крѣпостей, изъ коихъ главные суть Терки и Самара ⁷⁶⁾. Въ 1605 году Черкесы взяли одну крѣпость, ближайшую къ своимъ предѣламъ, при помощи Турковъ; но это дѣло было не важное. Сіи наѣзд-

ники весьма ловки и отважны; имѣютъ коней превосходныхъ, большею частію жеребцовъ; вооружаются легкими латами изъ крѣпкой стали, и копьями или дротиками. Они могли бы весьма много вредить Россіи, хотя отдѣляются отъ нея Волгою, обитая между Каспійскимъ и Чернымъ морями, еслибъ были столь же многочисленны, какъ и другіе ея сосѣды.

Возвратимся къ Борису Θεодоровичу. Принявъ Царскую корону 1 Сентября 1598 года, онъ началъ властвовать мирно, счастливѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ; но вскорѣ совершенно измѣнился: пересталъ разсматривать жалобы и просьбы, которыя прежде самъ выслушивалъ, скрывался во Дворцѣ, рѣдко показывался народу, и то съ недоступными обрядами, неизвѣстными древнимъ Государямъ. Имѣя сына и дочь, онъ задумалъ соединиться родствомъ съ Вѣнцесносцами иноземными, въ намѣреніи утвердить и упрочить какъ себя, такъ и свое поколѣніе на Царскомъ престолѣ; въ то же время наказывалъ ссылкой людей подозрительныхъ, заставлялъ Бояръ заключать браки по своему произволу и соединялъ узами свойства главнѣйшихъ, наиболее полезныхъ себѣ Вельможъ, съ своимъ домомъ. Въ Москвѣ осталось не болѣе пяти или шести знатныхъ поколѣній, съ которыми онъ не породнился; къ числу ихъ принадлежало семей-

ство Мстиславскаго. Одна изъ сестеръ сего Боярина была въ замужствѣ за Царемъ Симеономъ 77), другая же оставалась дѣвицею: Борисъ приказалъ ее, противъ воли, постричь въ монахини, а Мстиславскому запретилъ жениться. Былъ еще родъ Шуйскихъ, состоявшій изъ трехъ братьевъ. Желая сблизиться съ симъ домомъ, Борисъ выдалъ за средняго брата, именемъ Дмитрія, сестру своей супруги, а старшему не дозволилъ и думать о бракѣ—то былъ Князь Василій Ивановичъ Шуйскій, нынѣшній Государь Московскій: Борисъ опасался, чтобы нѣсколько домовъ, соединясь узами родства, не вздумали сопротивляться ему; съ тою же мыслию удалилъ въ ссылку Царя Симеона, женатаго на сестрѣ Мстиславскаго. Въ день своего рожденія, день который празднуютъ во всей Россіи съ великимъ торжествомъ, Царь обрадовалъ заточеннаго Симеона надеждою скорого освобожденія и прислалъ ему при своемъ письмѣ вина Испанскаго: Симеонъ и служитель его, выпивъ вина за Царское здоровье, оба въ короткое время ослѣпли; Царь Симеонъ слѣпъ и теперь.—Я слышалъ это изъ собственныхъ устъ его.

Во второй годъ своего правленія, Борисъ успѣлъ заманить въ Россію Густава, сына Короля Шведскаго Эрика, низложеннаго съ престола роднымъ братомъ Иоанномъ, Королемъ Шведскимъ,—въ надеждѣ сочетать съ Принцемъ

собственную дочь, если бы нашелъ его сообразнымъ съ своими видами. Густавъ. принять былъ весьма великолѣпно, получилъ драгоценные дары отъ Государя: серебряную посуду для своего дома, множество золотой и серебряной парчи Персидской, бархата, атласа и другихъ шелковыхъ тканей для всей свиты, дорогіе каменья, золотыя щипы, жемчужныя ожерелья, красивыхъ коней со всѣмъ уборомъ, всякаго рода мягкую рухлядь и 10,000 рублей деньгами, сумму незначительную въ сравненіи съ дарами. Вшествіе Принца въ Москву было царское. Но онъ худо себя велъ; его удалили, какъ опальнаго, въ городъ Угличъ, — мѣсто убіенія мнимаго Дмитрія Іоанновича, — гдѣ при хорошемъ хозяйствѣ, онъ могъ имѣть до 4,000 рублей дохода ежегодно.

Въ 1600 году прибылъ изъ Польши Великій посоль. Левъ Сапѣга, нынѣ Канцлеръ Литовскій, заключившій миръ на 20 лѣтъ; онъ долго, противъ воли, жилъ въ Москвѣ, т. е. съ Августа мѣсяца до конца Великаго поста 1601 года, по случаю Борисовой болѣзни. Принимая отпускную грамоту, Сапѣга цѣловалъ Царскую руку. Въ сей день Борисъ явился въ пріемной палатѣ на Царскомъ тронѣ, съ короною на головѣ, со скиптромъ въ десницѣ; держава лежала предъ нимъ, сынъ сидѣлъ подлѣ него по лѣвую сторону; Члены Совѣта и Окольнічіе зани-

мали мѣста кругомъ всей палаты на скамьяхъ, въ одеждѣ изъ драгоцѣнной парчи, обшитой жемчугомъ, въ высокихъ шапкахъ черныхъ лисихъ; по обѣимъ сторонамъ Государя стояли по два молодыхъ Боярина ⁷⁸⁾, одѣтыхъ въ бархатные бѣлые кафтаны, обложенные кругомъ на полфута шириною горностаемъ, въ высокихъ бѣлыхъ шапкахъ, съ двумя огромными золотыми цѣпами, висящими на груди крестообразно: каждый изъ нихъ держалъ дорогія сѣкиры изъ Дамасской стали, подъятыя на плечо, какъ бы для удара,—величіе неизъяснимое! Пространная палата, гдѣ проходятъ послы, наполнена лавками, на коихъ сидятъ другіе Дворяне, также одѣтые въ парчевыя платья—иначе не лзя явиться во Дворецъ. Во время шествія посла, они сидятъ неподвижно, наблюдая столь глубокое молчаніе, что зала кажется пустою. Такъ принимаются послы обыкновенно.—Сапѣга обѣдалъ въ присутствіи Царя, вмѣстѣ съ своею свитою до 300 человекъ. Всѣ они были угощаемы на золотой посудѣ, которой весьма много — разумью блюда, о тарелкахъ и салфеткахъ нечего и упоминать: самъ Царь ихъ не употребляетъ;—ѣли весьма хорошую рыбу, но худо приготовленную: это случилось постомъ, когда не вкушаютъ ни яиць, ни маела, ни молока; поживъ довольно за здравіе обоихъ Вѣнценосцевъ, Сапѣга отправился съ добрыми и честными дарами.

По старинному обычаю, Царскіе пиры бываютъ весьма роскошны; прислуживаютъ 200 или 300 Дворянъ 79), одѣтыхъ въ кафтаны изъ золотой и серебряной Персидской парчи, съ длинными воротниками, висящими по спинѣ на добрыхъ полфута и унизанными жемчугомъ. На головѣ у нихъ по двѣ шапки; одна круглая, вышитая жемчугомъ, безъ полей, похожая на суповую миску безъ ручекъ; другая высокая изъ чернаго лисьяго мѣха; ее надѣваютъ сверху первой; а на грудь вѣшаютъ большія золотыя цѣпи. Число Дворянъ сихъ соразмѣрно числу гостей. Они подносятъ яства Государю и держатъ оныя до тѣхъ поръ, пока онъ потребуетъ того или другаго блюда. Пиръ бываетъ такимъ образомъ: когда Царь сядетъ за столъ и послы, или другія званныя особы, также займутъ свои мѣста, — Дворяне въ вышеупомянутомъ уборѣ подходятъ по два въ рядъ къ Царскому столу, дѣлаютъ низкій поклонъ и удаляются попарно, одни за другими, въ кухню за яствами, которыя подносятъ потомъ Государю; но прежде, нежели подадутъ кушанья, разставляютъ по всѣмъ столамъ въ серебряныхъ кувшинахъ водку; ее наливаютъ въ небольшія чарки и пьютъ предъ обѣдомъ; — на столахъ кромѣ хлѣба, соли, уксуса и перца, нѣтъ болѣе ничего, ни тарелокъ, ни салфетокъ. — Между тѣмъ, какъ угощаемыя особы пьютъ водку, Царь разсылаетъ

каждому изъ нихъ въ особенности ломоть хлѣба, называя громко того, кому назначаетъ онъ: тотъ встаетъ—и ему подносятъ хлѣбъ, съ сими словами: *Царь Господарь и Великій Князь*** всея Руссии жалуеть тебѣ* 80); онъ беретъ хлѣбъ съ низкимъ поклономъ и садится; также подносятъ и прочимъ. Потомъ, когда Царь тѣмъ же порядкомъ раздастъ главнымъ особамъ по одному блюду съ кушаньемъ, на всѣ столы подаютъ яства въ великомъ изобиліи. За симъ Царь посылаетъ каждому отдѣльно кубокъ, наполненный виномъ Испанскимъ съ тѣми же словами и обрядами, какъ выше сказано. Когда обѣдъ зайдетъ за половину и Царь разошлетъ гостямъ снова по большой чашѣ съ какимъ нибудь краснымъ медомъ (онъ бываетъ разныхъ сортовъ); тогда приносятъ и ставятъ по столамъ огромныя серебряныя ведра съ бѣлымъ медомъ, который черпаютъ ковшами. По мѣрѣ того, какъ одни сосуды опоражниваются, подаютъ другіе съ напитками, болѣе или менѣе крѣпкими, по желанію пирующихъ. За симъ Царь посылаетъ каждому гостю третью чашу съ крѣпкимъ медомъ или ароматнымъ виномъ; а по окончаніи обѣда четвертую и послѣднюю, наполненную *паточнымъ* медомъ 81), напиткомъ весьма вкуснымъ, легкимъ и, какъ вода ключевая, прозрачнымъ. Въ заключеніе — жалуеть блюдо кушанья каждому изъ пирующихъ для

домашнихъ ; приче́мъ яства , даримыя особа́мъ наиболѣе приближеннымъ , Государь сначала самъ отвѣдываетъ. Какъ при семъ случаѣ , такъ и въ продолженіе всего пира , повторяются тѣ же слова , о коихъ выше упомянуто. Кромѣ гостей , Царь посылаетъ по одному блюду на домъ каждому Дворянину и вообще всѣмъ лицамъ , кои пользуются его милостію. Сіи , такъ называемыя *подати* , раздаются не только во время праздника , но и всякой день непременно.

Если Государь , послѣ торжественнаго пріема , не намѣренъ угощать посла , согласно обычаю , во Дворцѣ , то посылаетъ обѣдь къ нему слѣдующимъ образомъ : знатный Дворянинъ въ парчевой одеждѣ , съ вышитымъ воротникомъ , въ шапкѣ унизанной жемчугомъ , отправляется верхомъ объявить послу Царское милостивое слово и вмѣстѣ съ нимъ обѣдать ; 15 или 20 служителей идутъ вокругъ его лошади ; за ними слѣдуютъ попарно : двое Стрѣльцовъ съ скатертями , сложенными свиткомъ ; двое съ солонками ; двое съ уксусомъ въ склянкахъ ; двое съ парюю ножей и парюю ложекъ драгоценныхъ ; шесть человекъ съ хлѣбомъ ; потомъ съ водкою ; за ними несутъ съ дюжину серебряныхъ сосудовъ , въ три шопина каждый ⁸²⁾ , наполненныхъ разными винами , наиболѣе крѣпкими , Испанскимъ , Канарскимъ и другими ; послѣ того , столько же огромныхъ покаловъ Нѣмецкой работы. Далѣе

кушанья: холодное (подаваемое сначала), горячее, жареное и пирожное — все въ большихъ серебряныхъ блюдахъ; а въ случаѣ особеннаго Царскаго благоволенія, вся посуда бываетъ золотая. Потомъ — до 18 или 20 огромныхъ оловянныхъ ковъ. 83) съ медомъ разныхъ сортовъ: ихъ поднимаютъ по два человѣка; за ними идутъ человѣкъ 12, каждый съ пятью или шестью большими ковшами. Шествіе заключаютъ двѣ или три телѣги съ медомъ и пивомъ для прислуги. Всѣ припасы несутъ Стрѣльцы, весьма опрятно одѣтые. Я видѣлъ человѣкъ 300 или 400, которые въшеписаннымъ порядкомъ несли кушанья и напитки для одного обѣда: видалъ также, что въ одинъ день посылали три обѣда разнымъ посламъ, одному болѣе, другому менѣе, но всегда съ тѣми же обрядами, какъ выше сказано.

Въ 1601 году начался достопамятный трехлѣтній голодъ: мѣра хлѣба возвысилась въ цѣнѣ отъ 15 су до 3 рублей, т. е. до 20 ливровъ. Въ сіи три года случились злодѣйства почти невѣроятныя; казалось обыкновеннымъ, если мужъ бросалъ жену и семейство, если жена умерщвляла мужа, мать своихъ дѣтей — и съѣдали ихъ. Я самъ видѣлъ ужасное дѣло: четыре женщины, мои сосѣдки, бывъ оставлены мужьями, рѣшились на слѣдующій поступокъ: одна пошла въ рынокъ и, сторговавши возъ дровъ, завала крестьянина на свой дворъ, обѣщая отдать

ему деньги; но лишь только онъ сложилъ дрова и явился въ избѣ для полученія платы, женщины удавили его и спрятали тѣло въ погребъ, чтобы не повредилось: сперва хотѣли съѣсть лошадь убитого, а потомъ приняться за трупъ. Когда же преступленіе обнаружилось, онъ признались, что умерщвленный крестьянинъ былъ уже третьею жертвою!—Голодъ свирѣпствовалъ съ такою силою, что, кромѣ умершихъ въ другихъ городахъ, въ одной Москвѣ погибло отъ него болѣе 120,000 людей; ихъ похоронили за городомъ на трехъ кладбищахъ, иждивеніемъ Государя, повелѣвшаго выдавать даже саваны для погребенія. Столь великая смертность въ Москвѣ произошла отъ того, что Царь Борисъ приказалъ раздавать ежедневно милостыню всѣмъ бѣднымъ обитателямъ столицы, каждому по московкѣ, т. е. около 7 денаріевъ. Услышавъ о таковой щедрости Государя, жители окрестные устремились въ Москву, хотя нѣкоторые изъ нихъ еще имѣли средства кормиться; прибывъ же въ столицу съ пустыми руками, не могли содержать себя означенною милостынею, не смотря на то, что въ каждый большій праздникъ и воскресенье получали по деньгѣ, т. е. вдвое; посему, терзаемые голодомъ, одни умирали на улицахъ, другіе дорогою на возвратномъ пути: наконецъ Борисъ, узнавъ, что со всего Государства народъ двинулся въ столицу на явную

смерть, оставляя города и села, повелѣлъ раздачу денегъ прекратить. Тогда открылось зрѣлище неописанное: по дорогамъ лежали мертвые и умирающіе отъ холода и голода. Сумма, выданная Борисомъ для бѣдныхъ, невѣроятна: не говоря о Москвѣ, во всей Россіи не было города, куда бы онъ не посылалъ денегъ болѣе или менѣе для раздачи народу. Я знаю, что въ Смоленскѣ отправлено было съ однимъ изъ моихъ знакомыхъ 20,000 рублей. Къ чести сего Царя, должно замѣтить, что онъ охотно раздавалъ щедрыя милостыни и награждалъ Духовенство, которое также было ему предано. Голодъ весьма уменьшилъ и силы и доходы Государственные.

Въ началѣ Августа 1602 года, посѣтилъ Россію Герцогъ Іоаннъ, братъ Христіерна, Короля Датскаго, съ намѣреніемъ жениться на Царской дочери. Онъ принятъ былъ съ великими почестями, по Русскому обычаю; въ свитѣ его находилось около 200 человекъ, а почетная стража состояла изъ 24 Стрѣльцовъ и 24 Алебарщиковъ. Черезъ три дня послѣ пріѣзда, Герцогъ представлялся въ Золотой палатѣ Государю, который принялъ его ласково, называя сыномъ, и посадилъ рядомъ съ Царевичемъ Феодоромъ. По окончаніи аудіенціи, гость обѣдалъ вмѣстѣ съ Его Величествомъ: случай безпримѣрный! по Русскимъ обычаямъ, никто, кромѣ Го-

сударевыхъ сыновей, не можетъ сидѣть за Царскимъ столомъ. Послѣ угощенія, Герцогъ, щедро одаренный, удалился въ назначенный ему домъ. Дней чрезъ 15 онъ сдѣлался боленъ, какъ думаютъ, отъ неумѣренности, и вскорѣ умеръ. Царь посѣтилъ его трижды во время болѣзни, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ; долго сокрушался и прогнѣвался на всѣхъ медиковъ. Не дозволивъ бальзамировать усопшаго, — что несогласно съ Русскою вѣрою, — Борисъ велѣлъ схоронить его въ Нѣмецкой церкви, версты двѣ за городомъ; все Дворянство провождало гробъ и присутствовало на похоронахъ. Три недѣли Царь и Вельможи носили трауръ. Чрезъ нѣсколько недѣль скончалась сестра его, вдова Царя Θεодора Иоанновича: она погребена въ Дѣвичьемъ монастырѣ.

Между тѣмъ недовѣрчивость и подозрѣнія безпрестанно тревожили Бориса: онъ удалялъ неоднократно Шуйскихъ, наиболѣе для него опасныхъ, хотя одинъ изъ нихъ женатъ былъ на Царской свояченицѣ; пыталъ многихъ людей невинныхъ только за то, что они посѣщали иногда Шуйскихъ, даже и въ то время, когда сіи послѣдніе были въ милости. Ни одинъ медикъ не дерзалъ, подъ опасеніемъ ссылки, пользоваться Вельможъ, безъ именнаго приказанія Государя (во всей Россіи никогда не было другихъ аптекъ и лекарей, кромѣ Царскихъ). Наконецъ съ 1600 года, когда разнеслась молва о

Димитрій Іоанновичъ ⁸⁴⁾, Борисъ занимался ежедневно только изтязаніями и пытками: рабъ, клеветавшій на своего господина въ надеждѣ сдѣлаться свободнымъ, получалъ отъ Царя награжденіе; а господина его, или главнаго изъ служителей дома подвергали пыткамъ, дабы исторгнуть признаніе въ томъ, чего они никогда не дѣлали, не слышали и не видали. Димитріеву мать вывели изъ ея монастыря и удалили отъ Москвы верстъ за 600. Въ столицѣ весьма немногіе изъ знатныхъ семействъ спаслись отъ подозрѣній тирана, по наружности милосердаго: ибо во все время своего царствованія, до появленія Димитрія въ Россіи, онъ не казнилъ и десяти челоуѣкъ всенародно, кромѣ нѣкоторыхъ мошенниковъ, пойманныхъ изъ шайки до 500 челоуѣкъ; но тайно терзалъ весьма многихъ особъ, иныхъ наказывалъ заточеніемъ, другихъ умерщвлялъ ядомъ и безчисленное множество утопилъ. При всемъ томъ не нашель отрады.

Въ 1604 году обнаружилось то, чего онъ столько опасался: Димитрій Іоанновичъ, сынъ Царя Іоанна Васильевича, убіенный, какъ думали, въ городѣ Угличѣ, отъ Подольскихъ предѣловъ вступилъ въ Россію съ 4,000 воиновъ. Ему покорились одна за другою крѣпости Черниговъ, Путивль, Рылъскъ, Кромы, Карачевъ и многія инья, послѣ кратковременнаго сопротивленія; со стороны же Татаріи: Царевъ-городъ, Борисовъ,

Бѣлгородъ, Ливны и другія мѣста. Увеличивъ такимъ образомъ свои силы, онъ осадилъ построенную на горѣ крѣпость Новгородъ Сѣверскій, гдѣ начальствовалъ Пётръ Ѳедоровичъ Басмановъ. Сей Воевода оборонялся такъ упорно, что Димитрій не могъ овладѣть Новгородомъ. Между тѣмъ, Царское войско 15 Декабря верстѣ на десять приблизилось къ его отряду. Князь Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій, главный вождь Борисовъ, ожидалъ еще подкрѣпленія; но 20 числа дѣло завязалось. Послѣ двухъ или трехъ часовъ битвы, непріятели разошлись безъ важнаго урона; только Димитрій при семъ случаѣ упустилъ изъ рукъ побѣду, отъ явной неопытности своихъ Капитановъ въ военномъ искусствѣ: во время схватки, три Польскіе отряда бросились на одинъ Русскій батальонъ столь стремительно, что опрокинули его на правое крыло и потомъ на главный корпусъ; вся Царская рать поколебалась и въ смятеніи обратила врагамъ тыль; уцѣлѣло одно лѣвое крыло. Если бы въ сію минуту другіе 400 всадниковъ ударили во флангъ, или въ другой батальонъ, уже полуразстроенный: то нѣтъ сомнѣнія, что четыре Польскіе отряда разбили бы все Русское войско. Главный вождь Мстиславскій, сбитый съ коня, получилъ три или четыре раны въ голову, и дружина Стрѣльцовъ едва спасла его отъ плѣна. Казалось, у Россіянъ не

было рукъ для сѣчи, хотя число ихъ простиралось отъ 40 до 50,000. Послѣ сей битвы, оба войска ничего не дѣлали до Рождества Христова; Царскіе же Воеводы послали въ Москву нѣсколько плѣнниковъ и въ числѣ ихъ Капитана Польской кавалеріи, Домараскаго.

28 Декабря Димитрій Іоанновичъ снялъ осаду Новагорода, не имѣя надежды взять его, и удалился въ страну Сѣверскую, весьма плодородную, гдѣ Поляки большою частію его оставили. Не теряя бодрости, онъ собралъ воиновъ, сколько могъ, Русскихъ, Польскихъ, Казаковъ, и присоединилъ къ нимъ довольно земледѣльцевъ, коихъ пріучилъ владѣть оружіемъ. Борисъ, имѣя запасное войско близъ Кромъ, усиливалъ ежедневно главную рать свою, которая преслѣдовала Димитрія, но такъ медленно, что, казалось, не имѣла охоты къ сраженію: цѣлый мѣсяцъ блуждала по лѣсамъ и дубравамъ, и наконецъ снова приблизилась къ отряду непріятельскому. Димитрій, узнавъ, что войско Борисово тѣснится въ одной деревнѣ такъ, что не можетъ двигаться, рѣшился ночью напасть на оное врагъ сплехъ и приказалъ тамошнимъ жителямъ, знавшимъ всѣ выходы, зажечь село; но дозоры замѣтили поджигателей—и Россіяне изготовились къ битвѣ. На разсвѣтъ 21 Января 1605 года, войска сразились. Послѣ небольшой стычки, когда началась съ обѣихъ сторонъ пушечная паль-

ба, Димитрій приказалъ своей главной конницѣ спуститься въ лощину и отрѣзать Царскую рать отъ деревни. Замѣтивъ сіе, Мстиславскій двинулъ впередъ правое крыло, съ двумя отрядами иноземцевъ, и предупредилъ непріятеля. Но предводитель дружины Польской не оробѣлъ: панъ или пропалъ! думалъ онъ, и съ десяткомъ хоругвій бросился на правое крыло Россіянъ съ такою яростію, что послѣ нѣкотораго сопротивленія иноземцевъ, оно разбѣжалось — и между тѣмъ, какъ главная рать Царская стояла неподвижно, въ какомъ—то безчувственномъ оцѣпенѣніи,—Полякъ повернулъ вправо къ селу, гдѣ находилась большая часть Русской пѣхоты съ нѣсколькими орудіями. Допустивъ непріятеля весьма близко, она дала залпъ изъ 10 или 12,000 ружей и такъ встрѣтила Поляковъ, что объятые ужасомъ, они поворотили коней въ совершенномъ разстройствѣ. Прочіе Поляки, пѣшіе и конные, думая, что дѣло выиграно, понеслись во весь духъ къ деревнѣ; увидѣвъ же своихъ въ безпорядкѣ бѣгущихъ,—спѣшили удалиться, но уже поздно: ихъ преслѣдовали 5 или 6,000 всадниковъ, на пространствѣ 7 или 8 верствъ. Димитрій потерялъ почти всю свою пѣхоту, 15 знаменъ и штандартовъ, 13 орудій, оставивъ на мѣстѣ 5 или 6,000 убитыми, кромѣ пленныхъ. Изъ числа послѣднихъ измѣнившіе Борису были повѣшаны среди войска; а прочихъ вмѣстѣ

съ знаменами, трубами и барабанами торжественно водили по столицѣ 85).

Димитрій съ остальными силами удалился въ Путивль, гдѣ оставался до Мая мѣсяца; Полководцы же Борисовы осаждали Рыльскъ, покорившійся Димитрію, но въ 15 дней ничего не сдѣлавъ, сняли осаду и хотѣли распустить на нѣсколько мѣсяцевъ свое войско, весьма утомленное. Борисъ, свѣдавъ о семъ, запретилъ строго увольнять воиновъ. И такъ, послѣ кратковременнаго отдохновенія въ Сѣверской землѣ, Мстиславскій и Князь Василій Ивановичъ Шуйскій, присланный ему въ товарищи, двинулись къ другой рати, которая, услышавъ о поражении Димитрія, осадила Кромы. Соединенныя войска остановились при семъ городѣ, и занимались дѣлами, достойными одного смѣха, до самой кончины Бориса Феодоровича, умершаго апоплексією въ субботу, 23 Апрѣля того же года.

Прежде продолженія нашей повѣсти, замѣтимъ, что Россіяне вовсе не терпятъ поединковъ, во—первыхъ потому, что ходятъ всегда безоружные, исключая военнаго времени, или путешествія; во—вторыхъ потому, что оскорбленный словами или другимъ образомъ вѣдается судомъ, который опредѣляетъ виновному наказаніе, именуемое *безчестіемъ*. Оно обыкновенно зависитъ отъ воли обиженнаго: иногда виновнаго сѣкутъ *батоужемъ*, т. е. обнаживъ спи-

ну до рубахи, кладутъ его на землю ничкомъ; два челоуѣка держатъ его за голову и за ноги, а другіе въ присутствіи Судьи, истца и постороннихъ лицъ, дерутъ ему спину прутьями толщиною въ палецъ, до тѣхъ поръ, пока Судья скажетъ: стой! Иногда же уличенный въ оскорбленіи другаго платитъ обиженному окладъ, получаемый симъ послѣднимъ отъ Государя, и сверхъ того женъ его вдвое: кому даютъ отъ казны 15 рублей ежегодно, тому и безчестія 15 рублей, да женъ его 30, слѣдовательно всего 45 рублей. Такъ поступаютъ всегда, соразмѣрно жалованью. За инья обиды, виновнаго сѣкутъ среди города кнутомъ и взыскавъ означенную пеню, отправляютъ его въ ссылку. Въ случаѣ же поединка между иностранцами (что видѣлъ я въ 6 лѣтъ однажды), кто ранитъ другаго—вызвавшаго, или вызваннаго, все равно—тотъ наказывается, какъ преступникъ уголовный, и ничѣмъ оправдать себя не можетъ; еще болѣе: не взирая на жесточайшую брань, запрещено бить поносителя даже рукою, подъ опасеніемъ вышеупомянутаго взысканія; если же сіе случится, причемъ другой и самъ ударитъ, а потомъ дѣло дойдетъ до жалобы: тогда обоихъ наказываютъ тѣлесно, или денежною пенею въ казну, для того, чтобы оскорбленный, говорятъ Россіяне, самовольною расправою не присвоивалъ себѣ власти правосудія, которое одно имѣетъ право

разбирать и преслѣдовать преступленія. И потому судъ, въ случаѣ споровъ, обидъ и оскорбленій, бываетъ гораздо скорѣе и строже, нежели въ другихъ дѣлахъ. Сей обычай наблюдаютъ весьма тщательно не только мирные жители городовъ, но и воины во время походовъ, разумѣя о Дворянствѣ: за безчестіе простолюдина и гражданина платится не болѣе 2 рублей. Справедливо и то, что Россіяне не любятъ придирается къ словамъ: они весьма просты въ обхожденіи и всякому говорятъ — *мы*; а прежде были еще проще. Если имъ случалось иногда слышать что либо сомнительное, или несправедливое, то вмѣсто словъ: *Ваше мнѣніе* или *извините*, или другихъ учтивыхъ выраженій, они отвѣчали на отръзъ: *ты лжешь*. Такъ говорилъ даже слуга своему господину. Самъ Іоаннъ Васильевичъ, названный Мучителемъ, не гнѣвался за подобныя грубости. Но теперь, познакомясь съ иноземцами, Россіяне отвыкаютъ отъ прежней дерзости въ разговорѣ, бывшей обыкновенною лѣтъ за двадцать или за тридцать 86).

По смерти Бориса, вдовствующая Государыня и Феодоръ Борисовичъ, сынъ умершаго, немедленно отозвали Князей Мстиславскаго и Шуйскаго, поручивъ главное начальство надъ войскомъ, еще невѣдавшимъ о кончинѣ Государя, Петру Феодоровичу Басманову. Сей Воевода, начальствовавшій въ Новѣгородѣ Сѣверскомъ, во

время осады сей крѣпости. Димитріемъ, прибыль въ армію съ товарищемъ, 27 Апрѣля, и привель воиновъ къ присягѣ въ вѣрности и повиновеніи Θεодору Борисовичу. Новый Царь ласковыми грамотами убѣждалъ ихъ елужить ему столь же вѣрно, какъ и покойному отцу его. Борису Θεодоровичу, обѣщая наградить каждаго щедро, по прошествіи шестинедѣльнаго траура.

17 Мая Князь Василій Ивановичъ Голыцынъ и Петръ Θεодоровичъ Басмановъ, со многими иными, передались Димитрію Іоанновичу, связавъ двухъ другихъ. Воеводъ, Ивана Годунова и Михайла Салтыкова. Прочіе Воеводы и воицы обратились въ бѣгство къ Москвѣ, оставивъ все орудія и снаряды въ окопахъ. Города и крѣпости ежедневно покорялись Димитрію, шедшему отъ Путивля, съ шестью отрядами Польской кавалеріи, числомъ до 600 всадниковъ, съ нѣсколькими Казаками Донскими и Днѣпровскими и малымъ числомъ Россіянъ. Прибывъ къ покорившейся арміи, онъ приказалъ немедленно распустить недѣли на двѣ или на три тѣхъ воиновъ, которые имѣли помѣстья подъ Москвою, другихъ же отправилъ къ столицѣ съ повелѣніемъ пресѣчь подвозъ съѣстныхъ припасовъ; а самъ между тѣмъ подвигался къ ней медленно съ двухтысячнымъ отрядомъ и разсылалъ ежедневно грамоты къ Дворянству и простому народу, обѣщая милость покорнымъ, угрожая Бо-

жѣимъ и Царскимъ гнѣвомъ строптивымъ и мятежнымъ. Народъ, получивъ одну изъ сихъ грамотъ, собрался на площади предъ Дворцемъ. Тщетно Мстиславскій, Шуйскій, Бѣльскій и другіе хотѣли укротить волненіе: прочитавъ грамоту всенародно, Москвитяне съ воплями ворвались во Дворецъ, заключили Царицу, вдову Борисову съ ея сыномъ и дочерью; взяли подъ стражу Годуновыхъ, Сабуровыхъ, Вельяминовыхъ — ближайшихъ родственниковъ — и все, что могли найти, разграбили.

Димитрій Іоанновичъ былъ въ Туль за 100 верстъ отъ Москвы, когда получилъ извѣстіе о волненіи Москвитянъ. Онъ отправилъ Князя Василія Голицына для приведенія ихъ къ присягѣ; между тѣмъ, всѣ Вельможи стремились къ нему на встрѣчу до самой Тулы. 20 Іюня погибла вдовствующая Царица съ сыномъ своимъ Θεодоромъ. Носилась молва, что они сами приняли ядъ; но думаютъ, что ихъ задушили. Къ дочери Борисовой приставили стражу, родственниковъ ея сослали въ разныя мѣста, а тѣло Бориса Θεодоровича, по просьбѣ Вельможъ, вырыли изъ Архангельскаго собора, гдѣ погребаются Государи, и похоронили въ другой церкви.

Наконецъ, 30 Іюня, Димитрій Іоанновичъ вступилъ въ столицу. Приказавъ немедленно Мстиславскому, Шуйскому, Воротынскому, Масальскому и другимъ привезти Государыню,

свою матушку, изъ монастыря, удаленнаго отъ Москвы на 600 веретъ, онъ встрѣтилъ ее за версту отъ города; поговоривъ съ сыномъ около четверти часа, въ присутствіи всѣхъ Вельможъ и гражданъ, она сѣла въ колесницу, а Царь и Бояре провождали ее пѣшкомъ до самаго Дворца; здѣсь она жила до того времени, какъ изготовили ей монастырь, въ коемъ погребена супруга Царя Θεодора Иоанновича, сестра Борисова.—Въ послѣдній день Іюля, Димитрій короновался, но безъ пышныхъ обрядовъ: только вся дорога отъ Дворца до церкви Богоматери и Архангельскаго собора, была устлана по червленой ткани Персидскою парчею ⁸⁷). Когда Государь прибылъ во храмъ Богоматери, Патріархъ, ожидавшій его со всѣмъ Духовенствомъ, совершилъ Божественную службу съ разными обрядами; потомъ принесли изъ Казны корону, скипетръ и державу, и все это вручили Димитрію. По выходѣ отсюда въ Архангельскій соборъ, бросали на дорогу золотыя небольшія монеты, цѣною въ пол-экую, въ экую и въ два экую, нарочно приготовленныя для сего случая (въ Россіи во все не дѣлаютъ золотой монеты). Изъ Архангельскаго собора Димитрій возвратился во Дворецъ, гдѣ былъ столъ, доступный всякому, кто могъ за онымъ помѣститься. Таковъ обычай при коронаціи.

Чрезъ нѣсколько времени, въ присутствіи

выборныхъ Чиновъ изъ всѣхъ сословій, Князя Василя Шуйскаго судили и признали виновнымъ въ оскорбленіи Величества. Царь повелѣлъ отрубить ему голову, а двухъ братьевъ его сослать въ заточеніе. Въ четвертый день послѣ приговора, Шуйскаго вывели на площадь народную, и когда уже положили его на плаху, объявлено прощеніе, по ходатайству Царской матери, Поляка Бучинскаго и другихъ особъ ⁸⁸); преступника наказали только, вмѣстѣ съ братьями, ссылкой; но онъ вскорѣ былъ призванъ ко Двору. Никогда Димитрій не поступалъ такъ неблагоразумно, какъ въ семъ случаѣ: помиловавъ Шуйскаго, онъ погубилъ самого себя.

Въ то же время Царь отправилъ въ Польшу посломъ Аѳанасія Ивановича Власьева, для исполненія, какъ думаютъ, тайнаго договора, заключеннаго съ Воеводою Сендомирскимъ: Димитрій далъ слово жениться на его дочери, въ благодарность за содѣйствіе при завоеваніи Государства, какъ скоро, съ помощію Божіею, онъ вступитъ на престолъ отца своего, Іоанна Васильевича. Аѳанасій вель сватовство столь удачно, что въ Краковѣ совершилось торжественное обрученіе въ присутствіи самого Короля Польскаго. Между тѣмъ, Димитрій учредилъ Иноземную стражу изъ сотни Стрѣлковъ, охранявшихъ особу его, подъ моимъ начальствомъ, и двухъ сотенъ Аллебардщиковъ, дотолѣ неизвѣст-

ныхъ въ Россіи 89). Бояре, не смѣвшіе въ правленіе Борисово заключать брачныхъ союзовъ, получили отъ Димитрія разрѣшеніе. Мстиславскій женился на двоюродной сестрѣ Царской матери, которая два дня сряду пиновала на свадьбахъ: Василій Шуйскій, освобожденный изъ заточенія и столь же милостиво принятый при Дворѣ, какъ и прежде, успѣлъ обручиться съ дѣвицею, также изъ рода Нагихъ 90); свадьбѣ его надлежало быть чрезъ мѣсяць послѣ Царской. Только и слышно было о пирахъ и бракахъ; всѣ радовались и веселились; Димитрій мало по малу давалъ чувствовать Россіянамъ, сколь счастливъ народъ свободный, управляемый милосердымъ Государемъ. Ежедневно разъ или два онъ посѣщалъ Царицу, мать свою. Сей Государь иногда, казалось, слишкомъ ласково обходился съ Вельможами, которые воспитывались и выросли въ такомъ униженіи и страхѣ, что при Царѣ почти не смѣли сказать слова безъ приказанія; впрочемъ, въ случаѣ надобности, онъ умѣлъ являть величіе и достоинство, свойственныя Государю; весьма былъ разуменъ и столько смысленъ, что среди Членовъ своего Совѣта казался учителемъ среди школьниковъ. — Не взирая на сіе, открылись тайные замыслы: схваченъ былъ одинъ Дьякъ или Секретарь; его пытали въ присутствіи Петра Ѳедоровича Басманова, главнаго любимца Димитріева, но не могли исторгнуть

у него признанія и открытъ начальника заговора—Василія Шуйскаго, какъ свѣдали послѣ. Дьяка сего сослали 91).

Между тѣмъ въ предѣлы Россіи вступила Царская невѣста съ своимъ отцемъ, братомъ, зятемъ, по имени Вишневецкимъ, и многими другими Вельможами. 20 Апрѣля Михайло Игнатьевичъ Татищевъ, Бояринъ, доселѣ весьма любимый Государемъ, впалъ въ немилость за дерзкое слово, сказанное Димитрію въ защиту Князя Василія Шуйскаго, во время ихъ спора о жареной телятинѣ, поданной на столъ, вопреки Русскимъ обычаямъ. Въ день пасхи Татищевъ получилъ прощеніе, по ходатайству Петра Ѳедоровича Басманова, хотя всѣ догадывались, даже и самъ Димитрій,—Государь впрочемъ неподозрительный,— что Татищевъ задумалъ какое-то коварное дѣло; ибо никогда прежде онъ такъ не поступалъ, какъ дней за 15 до своей опалы. Возвращеніе Татищева было ошибкою столь же важною, какъ и помилованіе Шуйскаго: всѣ знали его злое сердце, не забывавшее никакой обиды.

Въ концѣ Апрѣля, Димитрій получилъ извѣстіе о волненіи Казаковъ, собравшихся до 4,000 между Казанью и Астраханью. Всѣ вообще Казаки, о коихъ мы доселѣ говорили, сражаются пѣше: ихъ не должно смѣшивать съ тѣми наѣздниками, которые, подъ именемъ Ка-

заковъ , обитая въ Подоліи и Чермной Россіи , подъ властію Короля Польскаго , нерѣдко воюють въ Трансильваніи, Валахіи, Молдавіи и другихъ земляхъ. Казаки, упоминаемыя въ семъ сочиненіи, какъ одѣяніемъ, такъ и вооруженіемъ, искони сходствуютъ съ Татарами и только съ недавняго времени употребляютъ ружья, обороняясь единственно саблями. Свирѣпствуя по Волгѣ, они распустили молву, что съ ними находится юный Принцъ, именемъ Царь Петръ,— истинный сынъ (по ихъ словамъ) Царя Θεодора Іоанновича и сестры Бориса Θεодоровича, родившійся около 1588 года и тайно подмѣненный дѣвочкою (умершею на 3 году, какъ выше сказано). Если бы Казаки говорили правду, то Царю Петру было бы 16 или 17 лѣтъ; но имъ хотѣлось только подъ симъ предлогомъ вольнѣе грабить Царскія области, по неудовольствію на Димитрія, не давшаго имъ такой награды, какой они желали. Впрочемъ Государь послалъ къ Самозванцу письмо, увѣдомляя, что если онъ истинный сынъ Θεодора Іоанновича, то пожаловалъ бы въ Москву, и что для продовольствія его въ дорогѣ дано будетъ приказаніе; если же онъ обманщикъ, то удался бы отъ Русскихъ предѣловъ. Между тѣмъ, какъ гонцы скакали къ нему и отъ него, несчастный Димитрій былъ умерщвленъ; Впрочемъ до моего отъѣзда изъ Россіи, Казаки взяли и разграбили

три Волжскія крѣпости, захватили нѣсколько орудій и военныхъ снарядовъ, наконецъ разсѣялись: сильнѣйшая толпа удалилась въ Татарскія степи, другіе овладѣли крѣпостью на пути между Казанью и Астраханью, въ надеждѣ грабить купцовъ, отправлявшихъ въ Астрахань свои товары, или по крайней мѣрѣ брать съ нихъ хорошіе окупы. Въ Архангельскѣ же я узналъ, что волненіе утихло и что Казаки смирились.

Димитріева невѣста торжественно вступила въ Москву 12 Мая, въ пятницу, съ такимъ великолѣпіемъ, какого прежде Россіяне не видавали: ея колесницу везли 10 Ногайскихъ лошадей, всѣ бѣлыя съ черными пятнами, какъ тигры и леопарды, столь сходныя одна съ другою, что не лзя было различить ихъ. Ее провождали Польскіе всадники, богато одѣтые, на лихихъ коняхъ, и отрядъ гайдуковъ, назначенныхъ въ тѣлохранители. Въ свитѣ находились многіе Вельможи. Царица остановилась въ монастырѣ, гдѣ обитала мать Государева, и жила тамъ до 17 Мая, когда заняла во Дворцѣ свою половину. На другой день она была коронована, съ тѣми же обрядами, какъ и Димитрій. Ее вели подъ руки—справа посоль Король Польскаго, Кастелянъ Малаговскій, слѣва супруга Мстиславскаго; по выходѣ же изъ церкви, за правую руку велъ ее самъ Димитрій, а лѣвую поддерживалъ Василій Шуйскій. Въ праздникъ этого

дня участвовали одни Россіяне. 19 Мая совершилось брачное торжество, въ присутствіи всѣхъ Поляковъ, исключая посла, который былъ недоволенъ тѣмъ, что Царь не хотѣлъ посадить его за своимъ столомъ. Хотя по Русскимъ обычаямъ, никакой посолъ не можетъ обѣдать вмѣстѣ съ Государемъ; однакожь Малаговскій не переставалъ твердить Димитрію, что Король Польскій удостоилъ Русскаго посла чести сидѣть при обрученіи за столомъ Королевскимъ. Въ субботу и воскресенье Малаговскій пировалъ во Дворцѣ за особеннымъ столомъ, подлѣ Царскаго.

Въ сіе время Димитрій, увѣдомленный и своимъ тестемъ, Воеводою Сендомирскимъ, и Секретаремъ, и Басмановымъ, и другими лицами о умыслѣ на жизнь свою, повелѣлъ взять нѣкоторыхъ людей подѣ стражу; впрочемъ, казалось, не очень вѣрилъ извѣту. Наконецъ 27 Мая (по новому стилю, какъ и въ прочихъ мѣстахъ сего сочиненія,—Россіяне слѣдуютъ старому), когда менѣе всего помышляли объ опасности, насталъ пагубный день для Царя Димитрія Іоанновича: въ 6 часовъ утра его умертвили безчеловѣчно, побивъ въ то же время, какъ полагаютъ, 1705 Поляковъ, разсѣянныхъ по домамъ въ дальнемъ одинѣ отъ другаго разстояніи. Заговорщиками начальствовалъ Василій Ивановичъ Шуйскій. Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ

былъ убитъ въ сѣняхъ предъ Царскими покоями; первый ударъ нанесъ ему тотъ самый Тащицевъ, которому онъ недавно исходатайствовалъ свободу; погибли также нѣкоторые Стрѣльцы изъ числа тѣлохранителей. Царица, Димитріева супруга, ея отецъ, братъ, зять и всѣ спасшіеся отъ яростной черни, были заключены, какъ плѣнники, въ отдѣльныхъ домахъ. А Димитрія, мертваго, нагаго, убійцы влекли мимо жилища его матери, на площадь народную, гдѣ Василій Шуйскій долженствовалъ потерять голову; тамъ положили трупъ его на столъ длиною въ аршинъ, такъ, что съ одного конца висѣла голова, а съ другаго ноги: тѣло же Петра Басманова помѣстили подъ столомъ. Въ семъ положеніи они были предметомъ всеобщаго любопытства около трехъ дней, до избранія Государемъ начальника заговора, Василя Ивановича Шуйскаго. Хотя Русскій престолъ не избираемый, а наследственный, но какъ Димитрій былъ послѣднимъ въ родѣ и никого отъ Царской крови не оставалось, то Шуйскій получилъ корону чрезъ происки и хитрые ковы, подобно Борису Феодоровичу. Новый Царь приказалъ зарыть Димитрія за городомъ подлѣ большой дороги. Въ первую ночь по убіеніи сего Государя, насталъ жестокій морозъ, который продолжался 8 дней и повредилъ весь хлѣбъ на поляхъ, деревья, даже траву луговую. Для пре-

кращенія сего бѣдствія, доселѣ неслыханнаго, по челобитгю приверженцевъ Шуйскаго, тѣло Дмитрія чрезъ нѣсколько дней вырыли изъ могилы, сожгли и обратили въ прахъ. Но ропоть со всѣхъ сторонъ раздавался, одни плакали, другіе стонали, немногіе веселились. Въ Думѣ, въ народѣ, во всемъ Государствѣ возникли раздоры и новыя измѣны; въ областяхъ свирѣпствовали мятежи; и долго было неизвѣстно, чѣмъ они кончатся. Польскаго посла держали въ тѣсномъ заключеніи; всѣхъ получившихъ отъ покойнаго какую либо милость—сослали. Наконецъ вдовствующую Царицу, супругу Дмитрія, крѣпко стерегли въ домѣ отца ея, вмѣстѣ съ придворными дамами и другими Польшками.

Желая прекратить волненіе умовъ и ропоть народный, Царь Василій Шуйскій послалъ брата своего Дмитрія, Михайла Татищева и другихъ клевретовъ въ Угличъ, съ повелѣніемъ отрыть тѣло или кости убіеннаго лѣтъ за 17, по ихъ мнѣнію, истиннаго Дмитрія, сына Іоанна Васильевича. Посланные обрѣли (по ихъ словамъ) тѣло невредимое, въ одеждѣ столь свѣжей, какъ въ день погребенія (въ Россіи обыкновенно хоронятъ въ томъ платѣ, какое находилось на убитомъ), даже самыя орѣхи, бывшіе въ рукѣ Царевича, оказались совершенно цѣлыми. Вынутое изъ могилы, оно совершало, по ихъ

извѣстію, многія чудеса какъ въ Угличѣ, такъ и на пути къ столицѣ. При торжественномъ внесеніи въ Москву, его провождали Патріархъ, Духовенство, со всѣми мощами, Царь Василій Шуйскій, Царица, мать Димитрія, и все Дворянство. Шуйскій повелѣлъ объявить убіеннаго Святымъ; но не успокоилъ народа, и двукратно едва не былъ сверженъ съ престола, не смотря на то, что онъ 20 Іюня короновался.

Отославъ въ Польшу многихъ незначительныхъ Поляковъ, особенно служителей, Царь удержалъ въ Россіи главнѣйшихъ особъ, въ надеждѣ принудить Короля Польскаго къ миролюбію; Воеводу же Сендомирскаго, страдавшаго тяжкою болѣзнію, и дочь его, Царицу, отправилъ въ Угличъ ⁹²⁾, приказавъ держать ихъ подъ стражею.

Димитрій Іоанновичъ, сынъ Царя Іоанна Васильевича, прозваннаго Мучителемъ, погибъ на 25 году; роста онъ былъ средняго, вовсе безъ бороды, крѣпкаго, сильнаго сложенія, цвѣтомъ смугловатый, съ бородавкою подлѣ носа, подѣ правымъ глазомъ; имѣя умъ быстрый и проницательный, душу добрую, милосердную, характеръ весьма вспыльчивый, но только на минуту, онъ пылалъ честолюбіемъ, уважалъ людей съ душою благородною и хотѣлъ прославиться въ потомствѣ; въ концѣ Августа 1606 года, онъ думалъ послать во Францію на Англій-

скомъ корабль Секретаря своего, въ намѣреніи привѣтствовать Короля Французскаго и съ нимъ познакомиться: Димитрій часто разговаривалъ со мною о Его Величествѣ съ великимъ уваженіемъ. Христіанство много потеряло гибелью сего Государя, если только онъ умеръ, хотя смерть его кажется несомнительною. Говорю такъ потому, что я не видалъ его трупа своими глазами, бывъ тогда боленъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ мятежа, пронесся слухъ, что умертвили не Димитрія; что онъ, узнавъ за нѣсколько часовъ до разсвѣта о намѣреніи заговорщиковъ, велѣлъ занять свое мѣсто другому человѣку, на него похожему, а самъ скрылся изъ Москвы — не отъ страха (такъ я думаю, если только молва справедлива), ибо онъ успѣлъ бы разрушить заговоръ, — но въ намѣреніи узнать, кто болѣе всѣхъ ему преданъ: Димитрій могъ прибѣгнуть къ столь опасному средству для открытія истинныхъ приверженцевъ, чтобы отклонить подозрѣніе о своей недовѣрчивости къ подданнымъ. Эта молва не умолкала до самаго отъѣзда моего изъ Россіи, 14 Сентября 1606 года. Тогда я полагаю, что ее распускали какіе нибудь новые злоумышленники, въ надеждѣ воспламенить въ народѣ ненависть къ Василю Ивановичу Шуйскому, начальнику возмущенія, и тѣмъ удобнѣе достигнуть своей цѣли. То же думаю и теперь, осно-

ываясь на доказательствахъ , ниже сего приведенныхъ. Россіяне же, увѣряя въ спасеніи Дмитрія отъ смерти, рассказываютъ, что едва миновала полночь, по Царскому повелѣнію взяты были изъ малой Дворцовой конюшни три коня Турецкіе, которые въ послѣдствіи неизвѣстно куда дѣвались; что Шуйскій, допрашивая того, кто отпустилъ коней, замучилъ виновнаго до смерти; что хозяинъ дома, гдѣ открылся Дмитрій въ первый разъ по удаленіи изъ Москвы, разговаривалъ съ Царемъ, и даже принесъ собственноручное письмо его, въ коемъ онъ, будто бы, укоряя Россіянь въ неблагодарности, въ забвеніи его щедротъ и милосердія, угрожалъ виновнымъ продолжительною местию. Кромѣ того, на улицахъ находили неоднократно подметныя письма, въ коихъ было сказано, что Дмитрія узнавали во многихъ мѣстахъ, гдѣ онъ бралъ почтовыхъ лошадей. Въ Августѣ же мѣсяцѣ появились вновь подобныя письма, увѣрявшія, что заговорщики обманулись и что Дмитрій не замедлитъ повидаться съ ними въ первый день новаго года.

Скажу мимоходомъ, что рассказывалъ мнѣ Французскій купецъ, Бертранъ де Кассанъ, видѣвшій на площади трупъ Дмитрія: *я не думалъ, говорилъ онъ, чтобы Царь былъ съ бородою, которой прежде я не замѣтилъ (въ самомъ дѣлѣ Дмитрій не имѣлъ оной); на лицѣ же*

убіеннаго остались ясныя знаки густой бороды, уже обритой; да и волосы у него были длиннѣе, чѣмъ мнѣ казалось, когда я видѣлъ Царя наканунѣ его смерти. Кромѣ сего, по свидѣтельству Секретаря Димитріева, родомъ изъ Польши, Станислава Бучинскаго, былъ молодой Русскій Вельможа, весьма любимый и жалуемый Царемъ, съ коимъ онъ много сходствовалъ, исключая только того, что имѣлъ небольшую бороду: этого Господина, по словамъ Россіянъ, нигдѣ не находили, и не знали, что съ нимъ сдѣлалось.

Еще мнѣ рассказывалъ одинъ Французъ, поваръ Воеводы Сендомирскаго, что Царица, вдова Димитрія, свѣдавъ о носившейся молвѣ, удостовѣрилась въ спасеніи своего супруга, и убѣжденная въ истинѣ этого событія, съ тѣхъ поръ казалась веселѣе прежняго.

Черезъ нѣсколько времени по избраніи Шуйскаго, открылся бунтъ въ пяти, или шести главныхъ городахъ на предѣлахъ Татаріи: мятежники схватили Воеводу и побили часть войска; впрочемъ, еще до отъѣзда моего, въ Іюль мѣсяцѣ, раскаялись и получили отъ Московскаго Двора прощеніе, оправдавшись тѣмъ, что они были обмануты молвою о спасеніи Царя Димитрія. Въ то же время Вельможи, негодуя на избраніе Шуйскаго Государемъ безъ ихъ согласія, едва не свели его съ престола. Наконецъ

все успокоилось, и Шуйскій былъ коронованъ 20 Іюня.

Послѣ вѣнчанія, возникли опять тайныя козни противъ сего Государя, въ пользу (какъ я думаю) Князя Ѳедора Ивановича Мстиславскаго, которому, при избраніи Царя, многіе предлагали престоль, и если бы всѣ Чины были созваны, ему вручили бы скипетръ: ибо онъ происходилъ отъ самаго знатнаго поколѣнія. Впрочемъ сей Князь, какъ говорятъ, отказывался отъ короны и рѣшился постричься въ монахи, если на него падетъ жребій. За нимъ была двоюродная сестра матери Димитріевой, изъ рода Нагихъ: и потому весьма вѣроятно, что возвести Мстиславскаго на престоль замыслили женины родственники, вопреки его собственному желанію. — Главнымъ зачинщикомъ сего заговора былъ обвиненъ знатный Бояринъ Петръ Никитичъ Шереметевъ, изъ дома Нагихъ, находившійся въ отсутствіи; его судили только по извѣту свидѣтелей; — потомъ сослали и, какъ я слышалъ, на дорогѣ отравили.

Въ то же время на воротахъ многихъ Вельможъ и иностранцевъ ночью было написано, что Царь Василій Шуйскій повелѣваетъ народу разграбить дома сихъ измѣнниковъ. Въ намѣреніи исполнить это повелѣніе, собрались толпы черни, пріученной къ добычѣ прежними перемѣнами и согласной, въ надеждѣ грабежа,

имѣтъ еженедѣльно новаго Государя: — ее съ трудомъ усмирили. Черезъ нѣсколько времени послѣ того, въ воскресный день, именемъ Шуйскаго, но безъ его вѣдома, созвали жителей Москвы на Дворцовую площадь подѣ предлогомъ, что Царь желаетъ говорить съ ними. Случайно я находился тогда подлѣ Государя, шедшаго къ обѣднѣ: узнавъ о созваніи народа, онъ весьма удивился и приказалъ изслѣдовать, кто дерзнулъ на такой поступокъ; между тѣмъ, не трогаясь съ мѣста, въ присутствіи многихъ людей, устремившихся со всѣхъ сторонъ, Шуйскій началъ плакать и, укоряя окружавшихъ въ непостоянствѣ, говорилъ, что имъ ненужно было выдумывать коварныхъ средствъ, если хотятъ отъ него избавиться; что избравъ его Царемъ, имѣютъ власть и низложить его, если онъ имъ неугоденъ, и что онъ оставитъ корону безъ сопротивленія. Потомъ, отдавъ имъ Царскій жезлъ и шапку, продолжалъ: *если такъ, выбирайте, кого хотите!* но въ ту же минуту снова принялъ жезлъ и сказалъ: *мы уже надѣлись сіи козни: то меня хотите умертвить, то Вельможъ и самыхъ иноземцевъ, по крайней мѣрѣ думаете ограбить ихъ; если вы признаете меня Царемъ, я требую казни виновныхъ!* Тогда всѣ окружавшіе Государя воскликнули, что они клялись ему въ вѣрности и повиновеніи, хотятъ умереть за него и просятъ наказать преступ-

никовъ. Между тѣмъ, народу уже вѣрно было разойтись по домамъ; причемъ поймали пятерыхъ злоумышленниковъ. Думаютъ, что если бы Шуйскій вышелъ изъ Дворца, или вся чернь собралась бы на площади, ему не миновать бы участи Димитрія. Спустя нѣсколько дней, означенные пять человекъ были наказаны, по Русскому обычаю, кнутомъ всенародно и сосланы. Въ приговорѣ объявлено, что Мстиславскій, обвиняемый въ зломъ умыслѣ, оправдался, и что вся вина падаетъ на Петра Шереметева.

Василію Шуйскому угрожала новая опасность во время перенесенія въ Москву тѣла истиннаго, по его словамъ, Димитрія, умерщвленнаго за 17 лѣтъ: говорятъ, что Царя хотѣли побить камнями, когда онъ, вмѣстѣ съ Патриархомъ и Духовенствомъ, вышелъ за городъ на встрѣчу гробу; но Бояре успѣли укротить чернь прежде, чѣмъ она успѣла собраться.

Въ то же время открылся бунтъ въ Княжествѣ Сѣверскомъ, уже присягнувшемъ, по сказанію Россіянъ, новому Государю: 7 или 8,000 человекъ приняли оружіе, утверждая, что Димитрій живъ; но какъ мятежники не имѣли предводителей, то ихъ разсѣяли войска, посланныя Василіемъ Шуйскимъ, въ числѣ 50 или 60,000 человекъ, между которыми находились и всѣ иноземные воины; о чемъ я узналъ въ Архангельскѣ. Избѣгнувшіе пораженія удали-

лись въ Путивль, одинъ изъ главныхъ городовъ области Сѣверской. Говорятъ, что и сей городъ покорился и что виновниками смятенія были Поляки, собравшіеся на предѣлахъ Россіи и Подоліи: они распустили молву, что Димитрій здравствуетъ въ Польшѣ.—Вотъ все, что случилось до 14 Сентября 1606 года, въ подтвержденіе молвы о мнимомъ спасеніи Димитрія 9⁵).

Въ заключеніе скажу свои мысли въ отвѣтъ на мнѣніе тѣхъ людей, которые признаютъ Димитрія Іоанновича не сыномъ Іоанна Васильевича Мучителя, а обманщикомъ.

Россіяне, повѣривъ словамъ Бориса Θεодоровича, Государя весьма тонкаго и коварнаго, также рассказамъ и другихъ непріятелей Димитрія, говорятъ, что онъ былъ обманщикъ, Разстрига (т. е. монахъ, выгнанный изъ монастыря), Гришка или Григорій Отрепьевъ, и что истинный Димитрій Іоанновичъ умерщвленъ на 8 году въ Угличѣ, за 17 предъ симъ лѣтъ, о чемъ говорили мы выше.

Другіе же, предполагая въ себѣ болѣе проницательности, также иноземцы, знавшіе Димитрія, увѣряютъ, что онъ былъ не Россіянинъ, а Полякъ, Трансильванецъ, или иной иноплеменникъ, избранный только орудіемъ для исполненія замысла другихъ особъ.

Въ отвѣтъ на первое возраженіе, я уже объяснилъ, для чего Борисъ Θεодоровичъ, пра-

вившій Государствомъ при Царѣ Θεодорѣ Іоанновичѣ, сослалъ Димитрія, вмѣстѣ съ матерью, въ Угличь. Изъ моего сочиненія очевидно всякому, что Θεодоръ, и по простотѣ своей, и по малолѣтству брата, неопаснаго пятилѣтняго младенца, не думалъ удалять его: это сдѣлано коварнымъ Борисомъ 94). Посему весьма вѣроятно, что мать и знатнѣйшіе Бояре, напримѣръ, Нагіе, Романовы, угадывая, чего желаетъ Борисъ, употребили всѣ способы къ избавленію младенца отъ гибели. Спасти же Царевича они иначе не могли, по моему мнѣнію, какъ подмѣнивъ его и воспитавъ тайно, доколѣ настанетъ лучшее время, или разрушатся планы Бориса Θεодоровича.—Сей цѣли они достигли, какъ не лзя лучше: кромѣ вѣрныхъ соучастниковъ, никто не вѣдалъ о подлогѣ; Царевичъ воспитывался тайно; по смерти же брата своего Θεодора, когда избрали Царемъ Бориса, вѣроятно удалился въ Польшу, вмѣстѣ съ Разстригою, одѣвшись монахомъ, чтобы перейти Русскую границу 95): тамъ вступилъ онъ въ службу къ Польскому Вельможѣ, Вишневецкому, зятю Воеводы Сендомирскаго; наконецъ перешелъ къ сему послѣднему и открылся. Воевода представилъ его Польскому Двору, гдѣ онъ получилъ нѣкоторое вспоможеніе.—Изъ вышесказаннаго очевидно, что въ Угличѣ умерщвленъ былъ не Царевичъ, а занявшій его мѣсто.

Россіяне называютъ Димитрія Разстригою,—но дѣло состоитъ въ томъ: вскорѣ по воцареніи Бориса Феодоровича, одинъ монахъ,—Секретарь Патріаршій,—именемъ Гришка Отрепьевъ, котораго Борисъ называлъ Разстригою, бѣжалъ въ Польшу: этотъ случай возбудилъ подозрѣніе въ Борисъ; онъ развѣдывалъ до самой смерти, чтобы сіе значило. Но въ монашескомъ платьѣ, какъ я знаю за достовѣрное, убѣжали двое: Разстрига и другой человекъ—доселѣ безымянный. Борисъ разослалъ гонцовъ по всѣмъ предѣламъ Государства, съ повелѣніемъ стеречь всѣ дороги и задерживать всякаго, даже съ пропускнымъ видомъ, объявивъ, что два Государственные преступника намѣрены скрыться въ Польшу. На всѣхъ путяхъ къ границѣ учредили заставы, какъ бы отъ моровой язвы, и три или четыре мѣсяца никто не могъ ѣздить изъ города въ городъ.

Кромѣ сего, дознано и доказано, что Разстригѣ было отъ 35 до 38 лѣтъ; Димитрій же вступилъ въ Россію 23 или 24-лѣтнимъ юношею и привелъ съ собою Разстригу, котораго всякъ могъ видѣть: его братья живы и теперь, имѣя помѣстья близъ Галича. Этотъ Разстрига, до побѣга изъ Россіи, слылъ негодеемъ и горькимъ пьяницею, за что Димитрій удалилъ его на 250 верстъ отъ столицы въ Ярославль. Тамъ находится домъ Англійской компаніи; одинъ изъ

жившихъ въ семь домъ, въ то время, когда умертвили Димитрія, сказывалъ мнѣ, что Разстрига, услышавъ о смерти Царя и о восшествіи Шуйскаго на престоль, признавалъ Димитрія истиннымъ сыномъ Іоанновымъ, коего онъ вывелъ изъ Россіи; божился, клялся въ справедливости словъ своихъ, называлъ себя Гришкою Отрепьевымъ, Разстригою, и говорилъ, что никто не можетъ сего опровергнуть. Вотъ собственное признаніе Отрепьева! — и немногіе изъ Россіянъ мыслятъ иначе. Черезъ нѣсколько времени, Василій Шуйскій, возведенный на Царство, приказалъ его отыскать; что же съ нимъ сдѣлалось послѣ, я не знаю. — Сего довольно для отвѣта на первое возраженіе 96).

Разсмотримъ второе: многіе иноземцы, именуя Димитрія Полякомъ, или Трансильванцемъ, который рѣшился на обманъ или самъ собою, или по замыслу другихъ людей, въ доказательство своего мнѣнія приводятъ то, что онъ говорилъ по Русски неправильно, осмѣивалъ Русскіе обычаи, наблюдалъ Русскую вѣру только для вида: однимъ словомъ, говорятъ они, всѣ пріемы и поступки обличали въ немъ Поляка.

Но если онъ былъ Полякъ, нарочно воспитанный для потрясенія Бориса, то надлежало бы наконецъ узнать: кто избралъ его своимъ орудіемъ? Притомъ, для сей цѣли, безъ сомнѣнія, не лъзя было употребить какогонибудь бродягу:

замѣчу мимоходомъ, что изъ 500 человекъ не сыщется ни одинъ способный къ исполненію того, что предпринялъ двадцати трехъ-лѣтній Димитрій. И чего могли надѣяться замышлявшіе возвести на Русскій престолъ обманщика, въ то время, когда Россіяне не сомнѣвались въ убіеніи Царевича, когда Борисъ Θεодоровичъ царствовалъ счастливѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ, уважаемый народомъ, страшный для всякаго, когда мать Димитрія и многіе изъ родственниковъ ея могли засвидѣтельствовать истину? Вѣроятно ли, чтобы Король Польскій дозволилъ помогать обманщику? А подданные, безъ его свѣденія, конечно не рѣшились бы на столь важное дѣло, которое, въ случаѣ неудачи, навлекло бы долговременную, бѣдственную войну Государству. Но если бы Король согласился содѣйствовать коварному умыслу, то Димитрій вступилъ бы въ Россію не съ малочисленною толпою: Король послалъ бы съ нимъ какихъ нибудь знатныхъ Вельможъ, для руководства, и снабдилъ бы его денежною казною; тогда Поляки не оставили бы Димитрія, отступившаго отъ Новагорода Сѣверскаго, тѣмъ болѣе, что онъ еще имѣлъ въ своихъ рукахъ до 15 городовъ и ежедневно усиливалъ свое войско.—Говорить же, что все сіе предпринялъ самъ собою обманщикъ, который, назвавъ себя Димитріемъ, имѣлъ не болѣе 21 года и для сей цѣли гораздо преж-

де научился Русскому языку, даже чтению и письму,—есть мнѣніе нелѣпое. Кромѣ того, что Самозванецъ на всѣ вопросы, безъ сомнѣнія предложенные при первомъ его появленіи, долженъ былъ отвѣчать умно и удовлетворительно, гдѣ могъ иноплеменникъ узнать Русскій языкъ? ибо Россія не такая свободная страна, куда всякъ воленъ приходить, учиться языку, вывѣдывать то и другое и потомъ удаляться: въ этомъ Государствѣ, почти недоступномъ, все дѣлается съ такою тайною, что весьма трудно угадать истину, если не видишь ее собственными глазами. И потому мнѣ кажется невѣроятнымъ, чтобы Самозванецъ могъ исполнить свой замыселъ безъ содѣйствія другихъ; если же имѣлъ соучастниковъ, то они должны были обнаружиться или при жизни, или по смерти его. Наконецъ, бывъ Полякомъ, онъ поступалъ бы иначе съ своими единоземцами; да и самъ Воевода Сендомирскій не поспѣшилъ бы дать ему какого либо обѣщанія, не свѣдавъ обстоятельно его рода и племени. Думать, что сей Воевода не зналъ, кто былъ его зять, — вовсе невѣроятно, какъ увидимъ въ послѣдствіи.

Иные говорятъ, что онъ воспитанъ и приготовленъ Иезуитами: но гдѣ же его отечество? Доказано выше, что онъ не могъ родиться въ Польшѣ и тѣмъ менѣе въ другой странѣ, кромѣ Россіи. Если же признать его Россіяниномъ,

то надобно открыть, гдѣ именно взяли его Іезуиты: ибо они, до воцаренія Димитрія, никогда въ Россіи не являлись; немногіе пріѣзжаютъ съ послами, но за ними такъ строго смотрятъ, что имъ невозможно увезти кого либо изъ Государства. Іезуиты имѣли средства похитить какого нибудь младенца только въ то время, когда Баторій, лѣтъ за 30, вторгнулся въ Россію, или когда Царь воевалъ съ Королемъ Шведскимъ; однакожь вѣроятно ли, чтобы въ Россіи не осталось родственниковъ увезеннаго? Да и не лзя было воспитывать его столь тайно, чтобы кто либо изъ Поляковъ и наконецъ Воевода Сендомирскій не удостовѣрились въ обманѣ.—По крайней мѣрѣ, Димитрій не могъ не вѣдать своего рода.

Если же онъ воспитывался у Іезуитовъ, то безъ сомнѣнія долженъ былъ знать языкъ Латинскій: но я увѣряю, что Димитрій не умѣлъ на ономъ говорить, и еще менѣе читать или писать, какъ я докажу подписью имени его, весьма нетвердою 97). Кромѣ сего, тогда онъ оказалъ бы Іезуитамъ гораздо болѣе милости: въ Россіи явилось бы ихъ не трое—и то съ Польскими войсками, не имѣвшими другихъ Патеровъ. Одинъ изъ нихъ, послѣ Царскаго вѣнчанія, отправился въ Римъ, по просьбѣ товарищей.

Возражаютъ еще: Димитрій нечисто объ-

яснялся по-Русски; но и это несправедливо: слышавъ, какъ онъ разговаривалъ на Русскомъ языкѣ вскорѣ по прибытіи въ Россію, я нашель выраженія его столь правильными, какъ не лзя лучше; только для прикрасы онъ примѣшивалъ иногда Польскія поговорки. Я видалъ самыя письма о разныхъ предметахъ, писанныя со словъ Дмитрія, еще до пришествія его въ Москву: ни одинъ Русскій не могъ найти въ нихъ ошибокъ. Неточное же произношеніе нѣкоторыхъ словъ ни мало не доказываетъ, чтобы сей Государь былъ иноземецъ, если вспомнимъ, сколь долго, съ юныхъ лѣтъ, онъ не видалъ Отечества.

Приводятъ въ свидѣтельство еще то, что онъ осмѣивалъ Русскія обыкновенія и только для вида наблюдалъ обряды религіи. Это не удивительно, когда знаемъ обычаи и нравы Россіянъ: сей народъ грубъ и необразованъ, весьма невѣжливъ, лукавъ, вѣроломъ, не уважаетъ ни законовъ, ни совѣсти, зараженъ развратомъ sodomскимъ и множествомъ другихъ постыдныхъ пороковъ. Если Борисъ Θεодоровичъ, коренный Россіянинъ, — въ чемъ никто не будетъ сомнѣваться, — ненавидѣлъ не подданныхъ, а пороки ихъ, и произвелъ нѣкоторое преобразование въ обычаяхъ: то могъ ли Дмитрій, знавшій отчасти большою свѣтъ, жившій нѣсколько времени въ Польшѣ, сторонѣ свободной, среди знатныхъ Вель-

можъ , довольствоваться только желаніемъ просвѣщенія и образованности своему народу?

Онъ нестрого наблюдалъ обряды религіи : я знаю многихъ Россіянъ, также поступавшихъ, между прочими , Посника Дмитрія , который , бывъ въ Даніи посланникомъ Бориса Феодоровича и узнавъ тамъ отчасти истинную религію 98), по возвращеніи въ Отечество, шутилъ явно, въ кругу пріятелей, надъ невѣжествомъ Москвитянъ. Почему же Дмитрій не могъ презирать народнаго суевѣрія , тѣмъ болѣе , что онъ владѣлъ здравымъ смысломъ , любилъ читать Св. Писаніе и, бывъ въ Польшѣ, вѣроятно слыхалъ сужденія о разныхъ вѣроисповѣданіяхъ , вразумившія его въ догматы религіи, принятые всѣми Христіанами? Впрочемъ , я возражаю только на слова; а въ самомъ дѣлѣ найдется весьма немногo какъ иноземцевъ, такъ и Россіянъ , которые замѣтили бы въ поступкахъ его достаточный поводъ къ обвиненію въ семь случаевъ : ибо онъ вообще исполнялъ обряды Русской церкви, хотя и рѣшился, какъ я знаю, основать Университетъ.—Наконецъ, бывъ Полякомъ, онъ не досаждалъ бы никому изъ своихъ единоплеменцевъ, и ни Борисъ , ни Василій Шуйскій не упустили бы изъ рукъ своихъ столь завиднаго скиптра, если бы съ достовѣрностію могли доказать , что Дмитрій былъ иноплеменникъ 99).

Нѣкоторые изъ Россіянъ говорятъ : кто бы

ни былъ Димитрій, но Воевода Сендомирскій не зналъ его истиннаго происхожденія. Если сіе справедливо и если Димитрій былъ не сынъ Іоанновъ, то вѣроятно ли, что бы Сендомирскій столь поспѣшно вступилъ съ нимъ въ родство, уже свѣдавъ объ измѣнѣ Шуйскаго, уличеннаго вскорѣ по прибытіи Димитрія въ Москву? А рѣшившись выдать свою дочь за человека неизвѣстнаго, Воевода, безъ сомнѣнія, присовѣтовалъ бы зятю не распускать пришедшихъ съ нимъ Поляковъ и Казаковъ, которыхъ Димитрій могъ бы удержать при себѣ, не возбудивъ подозрѣнія: ибо всѣ предшественники его старались привлечь въ свою службу сколь можно болѣе иностранцевъ;—но этого не было сдѣлано: Царь оставилъ при себѣ только сотню всадниковъ. Равнымъ образомъ, Сендомирскій привелъ бы гораздо болѣе войска съ своею дочерью, и нашелъ бы средства расположить Поляковъ въ совокупности, а не разсѣялъ бы ихъ въ отдаленныхъ мѣстахъ столицы — на произволъ Росіянъ. Притомъ же, по совершеніи брака, когда уже носилась всеобщая молва объ измѣнахъ, Польскій Вельможа заставилъ бы Димитрія совѣтами, просьбами, убѣжденіями принять мѣры предосторожности, коими легко можно было предупредить всѣ умыслы.

Для очевиднаго доказательства въ обманѣ, противники Димитрія должны были открыть

истинныхъ его родителей: враги же сего Государя были столь дѣятельны и при жизни, и по смерти его, что, при извѣстномъ въ Россіи порядкѣ суда и расправы, имъ легко было добратъся до истины. Притомъ, чувствуя себя виновнымъ, Димитрій старался бы всѣми средствами понравиться Россіянамъ, зная довольно, что Борисъ ничѣмъ не могъ такъ поддержать себя на престолѣ, какъ называя его еретикомъ. Посему онъ не привелъ бы въ Москву никого изъ своей свиты и вступилъ бы въ родство, по обычаю всѣхъ предшественниковъ своихъ, съ какимъ нибудь Русскимъ домомъ, въ коемъ могъ найти опору, не забывъ, что Борисъ навлекъ на себя негодованіе народа намѣреніемъ породниться съ Государемъ иноземнымъ. Но Димитрій презиралъ сіи средства, и его самоувѣренность доказываетъ, что онъ могъ быть сыномъ только Вѣнценосца; его краснорѣчіе восхищало Россіянь; въ немъ блистало какое-то неизъяснимое величіе, дотолѣ неизвѣстное Вельможамъ Русскимъ и тѣмъ менѣе простому народу, гдѣ должны были скрываться его родители, если бы онъ не былъ сыномъ Іоанна Васильевича¹⁰⁰). Самое намѣреніе овладѣть престоломъ доказываетъ справедливость его дѣла: съ ничтожными силами, онъ идетъ въ обширную Державу, никогда столь не процвѣтавшую, какъ въ то время, — бороться съ Государемъ хитрымъ,

грознымъ для подданныхъ , который былъ въ родствѣ съ главнѣйшими Русскими Вельможами, изгналъ, уморилъ всѣхъ людей подозрительныхъ, пользовался расположеніемъ всего Духовенства , милостями , благодѣянiями привлекалъ сердца всего народа , находился въ дружбѣ со всѣми сосѣдами и 8 или 9 лѣтъ царствовалъ спокойно. Наконецъ , не лзя также забыть и матери Димитрія , и многихъ ея родственниковъ , которые, въ случаѣ обмана, могли бы оный обнаружить.

Размышляя, сверхъ того , о положеніи Димитрія , оставленнаго почти всѣми Поляками,— чему приписать довѣренность, съ которою предался онъ въ руки 8 или 9,000 Русскихъ поселянъ ; еще сомнительныхъ преданностию , и рѣшился итти на встрѣчу стотысячному войску ? Неудача въ битвѣ не лишаетъ его бодрости: слабыя силы его разсѣяны, немногія пушки со всѣми снарядами въ рукахъ непріятеля,— но онъ отступаетъ, окруженный 30 или 50 воинами, въ городъ Рыльскъ , недавно покорившійся , не бывъ увѣренъ въ приверженности его жителей; оттуда въ Путивль, городъ обширный и богатый, и живетъ тамъ четыре мѣсяца , ни мало не измѣняя , среди несчастій , мужеству своему, не страшась Бориса, который и явно, и скрытно старался погубить его желѣзомъ, ядомъ, или поймать живаго. Увѣряя народъ ложными

свидѣтельствами, что Димитрій есть обманщикъ, Борисъ не хотѣлъ однако допросить матери его всенародно, чтобы узнать истинное его происхожденіе; вмѣсто сего объявилъ: что если бы онъ родился и отъ Іоанна Васильевича, то и тогда не имѣлъ бы права на корону, какъ еретикъ и незаконнорожденный ¹⁰¹, т. е. сынъ отъ 7 брака (что противно обычаю); но это вовсе не идетъ къ дѣлу. Не лзя также забыть, какое милосердіе изъявлялъ онъ каждому и особенно Василю Шуйскому: сего послѣдняго уличили въ измѣнѣ, доказали самыми лѣтописями и поступками предателя въ разсужденіи Бориса, что ни онъ, ни предки его никогда не служили вѣрно Русскимъ Государямъ; даже всѣ приближенные убѣждали Димитрія казнить его, какъ неусыпнаго возмутителя тишины общественной, — говорю, что видѣлъ я своими глазами, что слышалъ своими ушами;—но Димитрій его помиловалъ, хотя зналъ, что никто, кромѣ рода Шуйскихъ, не дерзалъ помышлять о коронѣ; простилъ и иныхъ недруговъ, бывъ чуждъ подозрѣнія.

Если справедливо, что Димитрій былъ Самозванецъ, и что въ этомъ увѣрились не задолго до убіенія его, то для чего не заключили виновнаго въ темницу, или не вывели на городскую площадь, гдѣ могли бы уличить его предъ всѣмъ народомъ въ обманъ, не убивая преступника безъ

отвѣта и не подвергая всего Государства бѣдствіямъ раздоровъ? Могъ ли народъ повѣрить его преступленію безъ другихъ доказательствъ, кромѣ свидѣтельства 4 или 5 человекъ — главныхъ заговорщиковъ? И для чего Василий Шуйскій съ единомышленниками выдумалъ клевету, въ намѣреніи сдѣлать Дмитрія ненавистнымъ народу? ибо они торжественно читали письма, въ коихъ было сказано, что Дмитрій хотѣлъ большую часть Россіи отдать Королю Польскому и тестю своему, Воеводѣ Сендомирскому, замышлялъ раздробить Государство, отправилъ сокровища въ Польшу ¹⁰²); даже назначилъ, будто бы, день (второй по смерти его, т. е. воскресенье), когда намѣрень былъ вывести весь народъ и Дворянство за городъ, подъ предлогомъ повеселить своего тестя и показать ему свои пушки, а въ самомъ дѣлѣ тайно приказалъ Полякамъ истребить всѣхъ Россіянъ картечью, разграбить ихъ дома и зажечь городъ, пославъ и въ Смоленскъ подобное повелѣніе ¹⁰³). Разсѣивали много и другихъ несправедливыхъ слуховъ. Къ сему присовокупили, какъ выше сказано, что тѣло истиннаго осьмилѣтняго Дмитрія, чрезъ 17 лѣтъ по его убіеніи, найдено въ совершенной цѣлости; почему Шуйскій—въ надеждѣ убѣдить народъ — повелѣлъ признать его Святымъ ¹⁰⁴).

Въ заключеніе скажу: простая истина , изложенная удовлетворительно , могла бы сдѣлать Самозванца ненавистнымъ каждому; Димитрій же, чувствуя себя виновнымъ , повѣрилъ бы доносамъ о заговорахъ и измѣнахъ, противъ его особы замышляемыхъ , и весьма легко успѣлъ бы устранить ихъ. Но какъ извѣстно , что ни при жизни , ни по смерти его , не могли доказать обмана ; что Борисъ, узнавъ о появленіи своего врага , терзался совѣстью и тиранствовалъ; что противники Димитрія думаютъ весьма несогласно о его происхожденіи , и что самъ онъ изъяслялъ всегда рѣшительную смѣлость и другія качества , свойственныя не обманщику, а Государю, соединенныя съ довѣрчивостію и самонадѣянностію:—сообразивъ все вышесказанное , я убѣжденъ , что онъ былъ истинный Димитрій , сынъ Царя Іоанна Васильевича Мучителя.

К О Н Е Ц Ъ

ЗАПИСКАМЪ МАРЖЕРЕТА.

ДЕ-ТУ.

Яковъ де-Ту — *Jacques Auguste de Thou* (*Thuanus*)—Президентъ Парижскаго Парламента, жившій въ концѣ XVI и въ началѣ XVII столѣтій (1553—1617), наперсникъ Генриха III, сотрудникъ Генриха IV, другъ Сюлли, Монтаня, Скалигера, принадлежитъ къ числу тѣхъ мужей знаменитыхъ, коими гордится Франція: родившійся въ бурныя времена фанатизма, онъ провелъ всю жизнь свою въ трудахъ тяжелыхъ, неимовѣрныхъ: мирилъ непримиримыя партіи, предупреждалъ злые умыслы, облегчалъ страданія бѣднаго народа, водворялъ правосудіе, тамъ, гдѣ не было инаго права, кромѣ права сильного, инаго чувства, кромѣ слѣпаго изуверства. Франція въ XVI столѣтіи находилась въ такомъ положеніи, что самому добродѣтельному мужу трудно было явиться правымъ предъ судомъ потомства: ни Генрихъ IV, ни Сюлли не остались безъ упрека; но де-Ту не помрачилъ наслѣдственной славы своего рода: рѣдкій смертный соединялъ въ себѣ столь прекрасныя качества умственныя и душевныя. Познаніе свѣта и людей, пріобрѣтен-

ное въ путешествіяхъ по Франціи, Германіи, Итали, Нидерландамъ, глубокая ученость, плодъ непрестанныхъ занятій науками, тонкій, нѣжный вкусъ, образованный чтеніемъ классическихъ писателей Древности, пламенная любовь къ истинѣ, красотѣ, добродѣтели, и какое-то возвышенное чувство, какое-то неизъяснимое благородство въ дѣлахъ и мысляхъ, коимъ плѣняются насъ Греки и Римляне, все сіе соединялось въ одномъ человѣкѣ и образовало изъ него почти идеальный, величественный характеръ, едва ли не безпримѣрный въ кругу Министровъ и Царедворцевъ.

Довольно было бы и сихъ достоинствъ для безсмертія въ потомствѣ; но де-Ту съ славою мудраго Министра, благороднѣйшаго человѣка, заслужилъ славу и великаго Писателя: свидѣтель большей части достопамятныхъ событій своего времени, онъ уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, исполненный опытности, рѣшился описать ихъ для потомства, съ утѣшительною мыслію облагородить человѣчество, вселить любовь къ добродѣтели, омерзеніе къ пороку, и на смертномъ одрѣ смѣло могъ сказать, что перомъ его руководила святая истина, недоступная ни

злюбъ , ни ласкательству. Сочиненіе его , подъ заглавіемъ : *Исторія моего времени* *), содержитъ повѣствованіе о важнѣйшихъ происшествіяхъ всей Европы съ 1544 года по 1607, гражданскихъ, церковныхъ, ученыхъ. Исторію Франціи Авторъ рассказываетъ отчасти по собственнымъ наблюденіямъ , отчасти основываясь на Государственныхъ актахъ и достовѣрныхъ извѣстіяхъ современниковъ очевидцевъ; о событіяхъ же прочихъ Государствъ онъ почерпалъ свѣденія изъ Архивовъ , посольскихъ донесеній , договоровъ, изъ частныхъ сочиненій печатныхъ и рукописныхъ , изъ писемъ и преданій изустныхъ ; читалъ все, что только можно было читать ; спрашивалъ всякаго , кто только могъ сообщить ему свѣденія; не щадилъ никакихъ трудовъ для раскрытія истины ; не вѣрилъ слѣпо ни показаніямъ самовидцевъ, ни собственнымъ впечатлѣніямъ; съ строгою разборчивостію, взоромъ судьи безпристрастнаго , искалъ правды, проникалъ въ самыя тайныя побужденія, и, со-

*) Jacob. August. Thuanii *historiarum sui temporis libri cxxxviii.* Parisiis, 1604—1609. Лучшее, полнѣйшее изданіе—Лондонское, 1733 года, въ 7 томахъ, in fol. Лучшій Французскій переводъ напечатанъ въ Гагъ, 1740 года, въ xi томахъ, in 4°.

ставивъ въ умѣ истинную, живую картину, произносилъ судъ—ужасный для порока, утѣшительный для добродѣтели. Не говоримъ о слогѣ и искусствѣ повѣствованія: Цицеронъ назвалъ бы де-Ту своимъ другомъ, Тацитъ—братомъ.

Обозрѣвая всю Европу, де-Ту неоднократно обращалъ взоръ и на Россію, гдѣ Іоаннъ IV, Борисъ Годуновъ и Димитрій Самозванецъ доставляли обильную пищу его очаровательному искусству; описавъ древнее состояніе нашего Отечества до половины XVI вѣка, нравы и обычаи народа, образъ правленія, религію, онъ изобразилъ подробно царствованіе Іоанна IV, въ особенности войну Ливонскую, дѣла Годунова и Лжедимитрія, почерпая свѣденія отчасти изъ писателей намъ извѣстныхъ, Герберштейна, Гваньини, Гейденштейна, Гревенбруха, Маржерета, Фидлера, отчасти изъ рукописей, доселѣ неизданныхъ, изъ записокъ Петра Патерсона Упсальскаго, жившаго въ Москвѣ при Димитріи Самозванцѣ, изъ писемъ Іезуитовъ, и изъ преданій изустныхъ.

Разсказывая о Россіи, де-Ту не измѣнялъ своему постоянному правилу, коимъ заслужилъ имя Историка первокласнаго и коему такъ ча-

сто измѣняли бытописатели знаменитые: боготворить истину и добродѣтель. Слышать о себѣ сужденія такого Историка для насъ, безъ сомнѣнія, любопытно; но онъ имѣетъ и другое право на наше вниманіе: отъ него узнаемъ многіе случаи, только ему извѣстные. Не бывъ никогда въ Россіи, де-Ту успѣлъ однако получить о ней свѣденія, большею частію достовѣрныя, отъ самовидцевъ, въ особенности отъ Петра Патерсона и Маржерета, который, возвратясь во Францію въ 1606 году, сообщилъ ему многія подробности о Самозванцѣ, не упомянувъ объ оныхъ въ своихъ запискахъ.

Желая дополнить любопытное сочиненіе Маржерета, въ пріятной надеждѣ доставить публикѣ симъ удовольствіе, я перевелъ съ Латинскаго языка, на коемъ писалъ де-Ту, изъ 135 главы его Исторіи, Сказанія о Годуновѣ и Лжедмитріи, не касаясь извѣстій его объ Іоаннѣ Грозномъ и древнемъ состояніи Россіи, не согласныхъ съ цѣлію моего предпріятія—издать сочиненія о *Димитріи Самозванцѣ*. Впрочемъ все, что ни говоритъ безсмертный Историкъ Франціи о нашемъ Отечествѣ, заслуживаетъ нашего вниманія, если не всегда достовѣрностію,

по крайней мѣрѣ неподражаемымъ искусствомъ повѣствованія, которое можетъ служить намъ урокомъ.

Н. У.

СКАЗАНІЯ
ПРЕЗИДЕНТА ДЕ-ТУ
О
ДИМИТРІИ САМОЗВАНЦЪ.

Источники,

ИЗЪ КОИХЪ АВТОРЪ ПОЧЕРПАЛЪ СВѢДЕНІЯ:

Рукописное донесеніе Петра Паперсона Упсальскаго. Герардъ Гревенбрухъ. Письма Іезуитовъ. Записки Якова Маржереша. Сочиненіе Констамина Фидлера 105).

Достопамятное событіе потрясло въ 1605 году Московское Государство и на нѣсколько лѣтъ оставило обильную пищу внутреннимъ неустройствамъ, которыя въ послѣдствіи колебали сію Державу, объемлющую сѣверныя страны Европы и Азіи. Много разныхъ бѣдствій испытала она предъ началомъ всеобщаго волненія: никогда въ сѣверной Европѣ не было столь лютаго глада, столь губительной язвы, какъ за два года до войны, воспламененной въ Россіи

Димитріємъ; тогда находили матерей, готовыхъ сожрать своихъ малютокъ, и съ трудомъ удерживали ихъ отъ сего злодѣйства. Мясомъ сыновей, убитыхъ голодомъ, питались родители вездѣ, безнаказанно, послѣ того, какъ они переѣли всѣхъ кошечъ, крысъ и другихъ нечистыхъ животныхъ. Голодъ разорвалъ всѣ узы любви, погасилъ всѣ чувства природы и благопристойности. За мѣру пшеницы, стоившую не болѣе 12 су, платили 19 талеровъ. Но уже не хлѣбъ,—мясо человѣческое лежало на рынкахъ; туда свозили трупы кто только могъ: родные продавали родныхъ, отцы и матери сыновей и дочерей, мужья своихъ женъ ¹⁰⁶).

Многіе думали, что Богъ каралъ сими бѣдствіями тиранство Бориса Годунова; другіе же, устремляя взоръ въ будущее, видѣли въ нихъ предзнаменованіе того злополучія, которое грозило погубить цвѣтущую Державу Московскую, опасную всѣмъ сосѣдамъ, предавъ ее въ жертву десятилѣтнимъ неустройствамъ и нашествіямъ иноплеменниковъ, доколѣ не успокоилась она подъ властью нынѣ царствующаго Государя, Михаила Ѳеодоровича.

По смерти Ѳеодора Іоанновича, въ 1598 году, Борисъ, при помощи искуснаго притворства, или коварства, овладѣлъ престоломъ. Кромѣ Ѳеодора, Принца слабоумнаго и изувѣрнаго, болѣе способнаго, по словамъ собственнаго отца

его, трезвонить на колокольнѣ, чѣмъ править кормиломъ Государства, Іоаннъ имѣлъ еще другаго сына отъ благородной дѣвицы, именемъ Димитрія: онъ родился за два года до смерти отца, т. е. въ 1582 году, и воспитывался за 100 миль отъ столицы, въ городѣ Угличѣ. Еще при жизни Θεодора неограниченный самовластитель, Борисъ, обзрѣвая всѣ преграды преступнымъ замысламъ своимъ, вскорѣ убѣдился, что безсиліе Θεодора будетъ ему бесполезно, если смерть Димитрія не лишитъ царскаго поколѣнія всей надежды господствовать въ Россіи. Въ слѣдствіе сего, онъ рѣшился погубить Царевича; подкупилъ окружающихъ его и устроилъ ковъ слѣдующимъ образомъ: въ Россіи весьма часто случаются пожары, отъ того, что всѣ строенія тамъ деревянныя; какъ скоро покажется огонь, звонятъ въ большой колоколь и народъ спѣшитъ загасить пламя: въ такихъ случаяхъ Царевичъ обыкновенно выходилъ изъ своихъ покоевъ; Борисъ принялъ мѣры, разставилъ убійцъ; Димитрія подстерегли, когда онъ сходилъ съ крыльца, и закололи.

Быстро разнеслась молва по всему городу о смерти Царевича: народъ пересталъ гасить огонь, бросился ко Дворцу, прекратилъ жалобные вопли и предалъ смерти встрѣчавшихся служителей, что бы сею местию отклонить отъ себя всякое подозрѣніе, и всю вину въ гибели

Царевича возложить на Дворцовую стражу; но тщетно: Борисъ, желая очистить себя отъ всякаго участія въ семь дѣлъ, поступилъ съ жителями Углича весьма безчеловѣчно: богатѣйшихъ гражданъ казнилъ мучительною смертію; иныхъ предалъ безчестнымъ пыткамъ и страданіямъ,—чтобы открыть истинныхъ виновниковъ Димитріевой смерти, какъ будто они были неизвѣстны; самъ оплакивалъ умершаго, казалось, искренними слезами, а Дворецъ приказалъ сжечь, чтобы не оставалось и слѣдовъ мрачнаго злодѣйства.

Люди, бывшіе тогда въ Москвѣ и описавшіе это происшествіе, рѣшительно говорятъ, что въ Угличѣ погибъ истинный Димитрій; другіе же рассказываютъ совсѣмъ иное, въ намѣреніи изъяснить случившійся въ послѣдствіи событія: они говорятъ, что мать Царевича, свѣдавъ чрезъ своихъ друзей о преступномъ замыслѣ Борисовомъ, спасла сына отъ смерти, подмѣнивъ его отрокомъ, весьма похожимъ на Царевича и возрастомъ и наружнымъ видомъ; что сей отрокъ умерщвленъ въ постелѣ, а не на крыльцѣ, между тѣмъ, какъ истинный Димитрій отведенъ былъ въ безопасное убѣжище; и что тѣло мнимаго Царевича, для лучшаго утаенія подлога, немедленно положили въ гробъ и предали землѣ безъ всякой пышности, въ присутствіи одного только Дворецкаго, родомъ Нѣмца, изобрѣвшаго вышеозначенную хитрую мѣ-

ру, а въ народѣ между тѣмъ разгласили, будто бы Димитрій умеръ отъ язвы ¹⁰⁷).

Какъ бы то ни было, чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого происшествія, на предѣлахъ Россіи и Польши явился человекъ, похожій на Димитрія тѣмъ, что одна рука была у него короче другой, а на лицѣ находилась бородавка: оба сіи признака имѣлъ и истинный Царевичъ. Впрочемъ отличаясь быстротою ума, присутствіемъ духа, щедростію, привѣтливостію, сей юноша казался достойнымъ быть Царскаго рода. Сперва онъ открылся отцамъ Іезуитамъ, имѣвшимъ великую въ Польшѣ власть, и далъ имъ слово употребить всѣ мѣры къ соединенію церкви и къ утвержденію въ Россіи Божественной вѣры, если они помогутъ ему овладѣть прародительскимъ престоломъ. Іезуиты сначала хранили сіе предложеніе въ глубокой тайнѣ, и прежде всего старались убѣдить Римскаго Первосвященника помочь имъ въ дѣлѣ столь выгодномъ, для утвержденія вѣры и святаго престола, какъ собственною его властію, такъ и ходатайствомъ предъ Королемъ и Польскими Вельможами. Между тѣмъ познакомили просителя съ Георгомъ Мнишкомъ, Воеводою Сендомирскимъ, сильнѣйшимъ изъ Вельможъ Королевскихъ; съ нимъ заключенъ былъ тайный договоръ, въ слѣдствіе коего Царевичъ, по вступленіи на пре-

столь, обязался жениться на дочери Сендомирскаго, уже плѣннвшею его взоры.

Сложивъ съ себѣ клобукъ, онъ нѣсколько времени скрывался въ Ливоніи, научился тамъ изрядно языку Латинскому и даже могъ написать собственною рукою довольно складное письмо къ Святѣйшему Папѣ Клементу VIII ¹⁰⁸). Въ послѣдствіи, представленный Сигизмунду Воеводою Сендомирскимъ и зятемъ его Вишневецкимъ, онъ произнесъ, какъ рассказываютъ, предъ Королемъ сильную рѣчь, слѣдующаго содержанія: »Вспомни, Государь! говорилъ Димитрій, что ты »родился плѣнникомъ въ темницѣ, откуда извелъ »тебя милосердый промыслъ Всемогущаго. Раз- »мысли о человѣчествѣ и помощи несчастному, »угнетенному тѣмъ же злополучіемъ!« Отецъ Сигизмундовъ, Іоаннь, былъ заключенъ подозрительнымъ братомъ своимъ Ерикомъ въ безславную темницу: въ семъ заточеніи родился Сигизмундъ, отъ супруги Іоанновой Екатерины, изъ поколѣнія Ягеллонова.

Опираясь на благосклонность Короля, на золото Воеводы Сендомирскаго, на усердную помощь Іезуитовъ, Димитрій собралъ въ Польшѣ десять тысячъ воиновъ ¹⁰⁹), снабдилъ ихъ всѣмъ нужнымъ и направилъ путь въ Россію. Тамъ онъ склонилъ на свою сторону десять тысячъ Казаковъ, людей жившихъ войною, грабежемъ, и богатыхъ надеждою на великую награду по-

велъ въ прародительскую, по словамъ его, Державу. Переправясь черезъ Днѣпръ, онъ подступилъ къ пограничной крѣпости, Чернигову, и требовалъ, чтобы жители сего города сдались ему, какъ законному наследнику Русскаго престола: они покорились, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, благодаря усердію Ивана Татова, Борисова зложелателя ¹¹⁰⁾. Потомъ, слѣдуя совѣту Казацкаго Атамана Корелы, знаменитаго чернокнижника, онъ осадилъ весьма многолюдный городъ Путивль, гдѣ начальствовалъ Михайло Салтыковъ ¹¹¹⁾, имѣвшій до восьми тысячъ Волжскихъ Казаковъ: сей Воевода сначала оборонялся упорно; на послѣдокъ, убѣжденный Корелю, сдалъ Путивль Димитрію, и самъ покорился ему.

Между тѣмъ Борисъ вооружилъ сто тысячъ воиновъ; но до начатія военныхъ дѣйствій, отправилъ пословъ къ Сигизмунду и Польскому Сенату, напоминалъ о союзѣ и перемиріи между обоими народами, убѣждалъ свято сохранять оное, требовалъ выдачи живымъ или мертвымъ мнимаго Димитрія, незаконнорожденнаго сына Поповскаго, безчестнаго колдуна и чародѣя; просилъ особенно, чтобы ему не давали никакой помощи, угрожая местию, если Поляки вздумаютъ оскорбить столь могущественнаго Государя, каковъ Царь Россійскій. Не надѣясь на угрозы, послы тайно убѣждали каждого Вельможу

Польскаго отклонить Короля и Сенатъ отъ вспоможенія обманщику; однако ни въ чемъ не могли успѣть: Папа и Иезуиты утвердили Короля и согласныхъ съ нимъ Поляковъ въ намѣреніи помочь Димитрію, надѣясь чрезъ то упрочить дружбу и вѣчный миръ съ Москвою, уничтожить расколъ и возстановить въ Россіи вѣру праотцевъ ¹¹²).

Наконецъ войско Борисово встрѣтилось съ Димитріевымъ въ концѣ Января 1605 года при Новгородѣ (Сѣверскомъ); главный вождь Димитріевой рати, Воевода Сендомирскій ¹¹³), надѣясь на вѣрный успѣхъ и ожидая, что враги передадутся Царевичу, дерзко устремился въ средину Россіянъ, вѣрныхъ Борису и единодушныхъ; но послѣ кратковременной битвы, окруженный со всѣхъ сторонъ многочисленнымъ непріателемъ, былъ разбитъ на голову и обратился въ бѣгство; потомъ собравъ толпы, спасшіяся отъ пораженія, ушелъ въ Кармоговію ¹¹⁴) и Путивль, а оттуда въ Польшу.

Димитрій, оставшись съ малочисленною дружиною, нашелъ убожище въ пограничной крѣпости Рыльскѣ; тамъ всѣ его оставили, но самъ себѣ онъ не измѣнилъ. Были при немъ два Богослова, изъ ордена Бернардиновъ ¹¹⁵): ихъ водилъ съ собою Димитрій, чтобы казаться набожнымъ и благочестивымъ; утомленные воинскими трудами и безпокойными походами, они

спѣшили удалиться во-своеси; но два другіе монаха, братья Іезуиты, Николай Сѣраковскій и Андрей Ловичъ, виновники похода, были постояннѣе: ободряли врожденное мужество его безпрестанными увѣщаніями, и собственнымъ примѣромъ побуждали его къ довершенію начатаго дѣла.

Димитрій находилъ, по словамъ его, сильнѣйшую опору въ своей совѣсти: обыкновенно предъ началомъ битвы, онъ молился усердно, такъ, чтобы всѣ его слышали, и воздѣвъ руки, обративъ глаза къ небу, восклицалъ: »Боже правосудный! порази, сокруши меня громомъ небеснымъ, если обнажаю мечъ неправедно, своекорыстно, нечестиво; но пощади кровь Христіанскую! Ты зришь мою невинность: по-»соби мнѣ въ дѣлѣ правомъ! Ты же, Царица небесная! будь покровомъ мнѣ и моему воин-»ству!» Если дѣйствительно такъ было и если сей человекъ, зная ложь своихъ рѣчей, не боялся обманывать съ такою увѣренностію: ему надлежало быть самымъ безстыднымъ плутомъ; если же онъ, повѣривъ молвъ неосновательной, дѣйствительно считалъ себя Царевичемъ: не лзя не подивиться, какъ жестоко играла имъ Судьба, въ урокъ смертнымъ: прилаекала его, обрадовала престоломъ и—низринула въ бездну.

Уже часть войска Борисова подступила къ Рыльску; тамъ расположился Димитрій съ сво-

имъ отрядомъ на высокомъ холмѣ, откуда могъ повелѣвать обширною равниною; въ началѣ Марта произошло кровопролитное сраженіе, въ которомъ участвовала одна конница; побѣда, по удивительной игрѣ счастья, увѣнчала побѣжденныхъ: при первомъ натискѣ на врага, несравненно сильнѣйшаго, Поляки тысячу человекъ побили, двѣсти взяли въ плѣнъ, а остальныхъ обратили въ бѣгство. Ударъ былъ такъ стремителенъ, что бѣгущіе всадники Борисовы, разорвали ряды своей пѣхоты и оставили ее въ жертву непріятелю. Побѣдоносный Димитрій съ великою добычею возвратился въ Путивль. При первомъ извѣстіи объ этомъ событіи, пять окрестныхъ городовъ съ ихъ округами покорились Димитрію, изъ ненависти ли къ прежнему Государю, или изъ одного желанія переменъ,— не извѣстно; въ одной изъ сихъ крѣпостей, въ Бѣлгородѣ, побѣдитель нашелъ 150 большихъ орудій, а Воеводы оныхъ выданы ему какъ плѣнники. Черезъ нѣсколько дней присягнули ему Елецъ и Лихвинъ, гдѣ схватили знаменитаго чародѣя Гинска Отіопела ¹¹⁶). Вскорѣ покорилося ему обширное Княжество Сѣверское съ восьмью крѣпостями.

Разсказываютъ, что Димитрій весьма благо-разумно пользовался столь неожиданнымъ успѣхомъ: болѣе всего заботился о вспомоствованіи Кромамъ, окруженнымъ непріятельскимъ

войскомъ ; но узнавъ изъ перехваченныхъ писемъ, что осажденные имѣютъ средства къ упорному сопротивленію, перемѣнилъ свое намѣреніе, не считая нужнымъ отваживаться на битву сомнительную, которая могла бы лишитъ его плодовъ побѣды.

Между тѣмъ, какъ онъ спокойно ждалъ въ Путивлѣ, чѣмъ кончится его дѣло, Борисъ разставлялъ ему разныя сѣти, обѣщая подданнымъ забыть прошедшее и щедро наградить ихъ, если выдадутъ ему Димитрія живымъ или мертвымъ. Къ сему присовокупилъ самое опасное для Димитрія средство, грамоту Архипопа (такъ называютъ Русскіе Патріарха ¹¹⁷), который отлучилъ всѣхъ приверженцевъ его отъ церкви. Димитрій, узнавъ отъ плѣнниковъ о ковѣ Борисовомъ и удостовѣрившись въ ономъ письмами, найденными въ ихъ сапогахъ ¹¹⁸), не только оставилъ виновниковъ безъ всякаго наказанія, но простилъ ихъ и вручилъ имъ къ Архипопу весьма ласковое письмо, коимъ увѣщавалъ Святителя не забывать своей обязанности и не вмѣшивать религіи въ дѣло неправое. Говорятъ, что онъ писалъ и къ Борису, совѣтовалъ ему одуматься и оставить престоль, неправильно присвоенный, дозволяя избрать монастырь, какой ему понравится, съ весьма выгодными условіями для него и семейства его. Борисъ отвергъ сіе предложеніе съ негодованіемъ.

Все сіе случилось въ то время, когда при Дворѣ Московскомъ находились послы Датскій и Шведскій, которые, пользуясь вторженіемъ Поляковъ въ Россію, старались заключить съ Москвитянами союзъ, въ надеждѣ повредить Сигизмунду. Рассказываютъ, что Борисъ, разгоряченный споромъ съ сими послами, незапно упалъ въ изнеможеніи; кровь хлынула изъ носа, рта и ушей: онъ умеръ въ исходѣ Апрѣля. Одни приписываютъ смерть его апоплексіи, другіе отравѣ. Какъ бы то ни было, не вдругъ прекратилась семилѣтняя власть его надъ Россією: при первой вѣсти о кончинѣ сего Государя, народъ собрался многочисленною толпою и возвелъ на престолъ вдову его и сына. Вельможи присягнули имъ въ вѣрности; а тѣло Борисово похоронили въ церкви, гдѣ покоятся Московскіе Государи ¹¹⁹⁾, впрочемъ безъ пышныхъ обрядовъ. При семъ случаѣ еказалъ краснорѣчивое надгробное слово (напечатанное въ Кенигсбергѣ) Рижскій Ливонецъ Константинъ Фидлеръ, братъ Каспара Фидлера, служившаго Московскому Государю ¹²⁰⁾.

Между тѣмъ, Петръ Басмановъ, ознаменовавшій себя великимъ дѣломъ въ правленіе Борисово, отпращенъ былъ къ войску съ неограниченною властію. Въ то время, подъ Кромами стоялъ ближній родственникъ Борисовъ, Иванъ Годуновъ, осаждая сей городъ. И та, и другая

сторона, и осажденные и осаждающие, явили опыты рѣдкаго мужества, какъ при жизни Бориса, такъ и по кончинѣ его. Десять разъ Москвитяне ходили на приступъ, и десять разъ были отражаемы упорствомъ осажденныхъ.

Опасаясь, чтобы Кромскіе жители не были подавлены силою непріятеля, Димитрій послалъ на помощь имъ избранную дружину, подъ начальствомъ Запорскаго; неувѣренный въ успѣхъ сраженія, Запорскій употребилъ хитрость, чтобы посѣять ужасъ и недоумѣніе въ станъ враговъ: для виду отправилъ къ осажденнымъ письмо, коимъ увѣдомлялъ ихъ, что вблизи находятся 40,000 вспомогательнаго войска, и совѣтовалъ имъ быть твердыми. Это письмо вручилъ онъ простодушному человѣку, который, бывъ самъ обманутъ, обманулъ и другихъ. Запорскій постарался, чтобы сей посланный шелъ по дорогѣ, занятой непріятелями, и чтобы они схватили его; такъ и случилось: пойманный Москвитянами и преданный пыткамъ, онъ подтвердилъ все, что было сказано въ письмѣ, ибо самъ вѣрилъ оному, и тѣмъ произвелъ въ станъ враговъ страшное волненіе, почти мятежъ. Годуновъ, оставивъ при крѣпости 2200 всадниковъ и приказавъ имъ никого не допускать къ осажденнымъ, самъ, съ главнымъ войскомъ, пошелъ на встрѣчу непріятелю. Запорскій, стараясь подкрѣпить молву, распространившуюся въ непріа-

тельскомъ лагерѣ, устроилъ къ бою свою дружину, и чтобы отрядъ его казался многочисленнѣе, велѣлъ сѣсть на коней всѣмъ своимъ служителямъ; сверхъ того, разослалъ въ разныя стороны нѣсколько человекъ, которые страшнымъ крикомъ должны были увѣдомить о приближеніи мнимаго вспомогательнаго войска.

Годуновъ сначала ударилъ стремительно; мужество Польскихъ копѣйщиковъ остановило Россіянъ, а всеобщая молва о приближеніи вспомогательнаго войска, заставила ихъ помышлять о покорности Дмитрію. Прежде всѣхъ передался ему Петръ Басмановъ, столь знаменитый при Борисѣ Годуновѣ; онъ перешелъ къ Запорскому съ нѣсколькими тысячами воиновъ, и обратясь къ приверженцамъ Борисовымъ, закричалъ изо всей силы, что Дмитрій есть законный наследникъ Московскаго престола, и что каждый истинный сынъ Отечества долженъ присягнуть ему. Тутъ все взволновалось; многіе, оставивъ знамена Годунова, изъявили готовность послѣдовать примѣру Басманова. Къ нему присоединились и Бояре; избранные изъ числа ихъ пять сотъ человекъ ¹²¹⁾ немедленно были посланы къ Дмитрію, находившемуся въ Путивлѣ: онъ принялъ ихъ благосклонно и привелъ къ присягѣ. Это случилось 23 Мая 1605 года. Иванъ Годуновъ, по отозваніи въ Москву Борисомъ Годуновымъ товарищей его, Мстиславскаго и Шуй-

скаго , оставшійся главнымъ вождемъ Царскаго войска, обратился въ бѣгство: его догнали и заключили въ оковы, за то , что онъ не хотѣлъ ударить челомъ Димитрію и признать его Царевичемъ. Въ станѣ Борисовомъ найдено 70 орудій, изъ коихъ нѣкоторыя были такой величины , что два человѣка насилу могли охватить одно орудіе.

Измѣна войска взволновала столицу: народъ съ восторгомъ произносилъ имя Димитрія ; а вдову умершаго Государя съ сыномъ и дочерью отдали подъ стражу: мать, устрашенная ненавистью ли народа , или скорымъ пришествіемъ Димитрія, приняла отраву; она хотѣла отравить и дочь и сына , чтобы избавить ихъ отъ насмѣшекъ побѣдителя. Сынъ выпилъ смертную чашу, и погибъ ; но дочь спаслась отъ смерти, принявъ противудіе. Такъ рассказываютъ приверженцы Димитрія; другіе же повѣствуютъ, что по его приказанію отравили мать и сына, а дочери даровали жизнь , готовя ее въ наложницы Димитрію ¹²²). Говорятъ, что Нѣмцы, служившіе въ войскѣ Борисовомъ, наиболѣе содѣйствовали сему перевороту , переманивъ съ собою многихъ недоброжелателей Годунова.

Чрезъ два дни послѣ освобожденія Кромъ отъ осады , Димитрій , по единодушному желанію Бояръ, отправился въ путь къ Москвѣ; оставивъ Кромъ , онъ занялъ Тулу и далъ здѣсь

войску двое сутокъ для отдохновенія ; оттуда перешель въ Орель ¹²³). Вездѣ встрѣчали его многочисленныя толпы народа , желавшаго видѣть новаго Государя. Наконецъ , совершивъ двадцать переходовъ , онъ вступилъ въ столицу 20 Іюня , гдѣ Москвитяне съ радостію привѣтствовали его именемъ Царя Русскаго , Великаго Князя Московскаго, обладателя многихъ странъ, Царя Казанскаго и Астраханскаго (оба сіи Государства присоединилъ къ Россіи Іоаннъ Васильевичъ). Ему предшествовали Польскіе всадники , вооруженные, по ихъ обычаю, копьями, съ трубами и литаврами ; за ними слѣдовали нѣсколько сотъ стрѣльцовъ , среди коихъ шесть коней везли Димитріеву колесницу. Далѣе, вели верховыхъ лошадей Великаго Князя, въ драгоцѣнной сбруѣ, подъ парчевыми чепраками. Въ слѣдъ за колесницею , шли молодые святители съ хоругвями , на коихъ были изображены лики Св. Угодниковъ или Евангеліе. Попы несли иконы Пресвятой Богородицы и Чудотворца Николая, патрона Москвитянъ. Толпу ихъ заключалъ Патриархъ, или Митрополитъ, впереди коего находились 4 свѣщеносца; нѣсколько вдали отъ него, ѣхалъ Димитрій , одинъ , на бѣломъ иноходцѣ , сопровождаемый свитою знатнѣйшихъ Бояръ. Слѣдуя за Духовенствомъ , Великій Князь вступилъ въ священный храмъ Богоматери и сотворивъ тамъ молитву , отправился въ соборъ Св.

Архангела Михаила, гдѣ погребенъ отецъ его. Узнавъ, что здѣсь лежало и Борисово тѣло, Дмитрій приказалъ вырыть оное изъ могилы и похоронить за городомъ, въ бѣдной часовнѣ¹²⁴). А проѣзжая мимо собственнаго Борисова дома, велѣлъ тотчасъ разрушить оный, какъ вертепъ злаго чародѣйства. Рассказываютъ, что въ подземельи сего дома находилась статуя таинственнаго вида, съ горящею въ рукѣ лампадою, обсыпанная внизу значительнымъ количествомъ пороха: увѣряютъ, что еслибъ масло догорѣло, лампада упала бы съ огнемъ на землю, порохъ вспыхнулъ бы и поднявъ на воздухъ весь домъ, разрушилъ бы сосѣдственныя зданія; къ счастью, говорятъ, замыселъ былъ открытъ и статую сокрушили до гибельнаго взрыва. Борисъ обвинялъ въ чародѣйствѣ Дмитрія; Дмитрій уличалъ въ томъ же Бориса. Въ Россіи и теперь во всемъ видятъ колдовство и жалуются на чародѣевъ.

Послѣ сего, новый Государь вступилъ въ Царскій Дворецъ и съ жаромъ принялся за кормило правленія. Очевидно удаляя отъ себя Русскихъ Вельможъ, онъ удостоивалъ своей довѣренности однихъ Поляковъ, иноземцевъ, ненавистныхъ Москвитянамъ. Вотъ главная ошибка его! по мнѣнію многихъ людей: ибо если онъ и имѣлъ причины однихъ подозрѣвать, а другихъ жаловать, при всемъ томъ надобно было выждать

время для обнаруженія своихъ мыслей; надлежало сперва утвердиться на престолѣ, чтобы тѣмъ лучше исполнить свои намѣренія. вмѣсто сего, увлекаемый пылкимъ желаніемъ нетерпѣливой воли и внушеніями совѣтниковъ, имѣвшихъ надъ нимъ слишкомъ много власти, онъ — въ цвѣтъ лѣтъ, отъ излишней поспѣшности, погрузилъ и себя и свое счастье въ бездну злополучія.

Въ первые дни своего царствованія, Димитрій принималъ отъ Вельможъ присягу на вѣрность и наказывалъ мятежниковъ. Болѣе 70 благородныхъ семействъ, бывшихъ въ родствѣ съ Борисомъ, или державшихъ его сторону, сосланы за предѣлы Государства, для того, чтобы имущества ихъ, какъ онъ говорилъ, раздать чужеземцамъ, въ особенности Полякамъ, и приманить ими въ Россію новыхъ поселенцевъ. Вотъ первое сѣмя всеобщей злобы къ сему Государю, породившее такіе же плоды, какъ въ недавнее время и въ Венгерскомъ Государствѣ, гдѣ Матей, воспользовавшись неудовольствіемъ Магнатовъ, огорченныхъ презрѣніемъ, вырвалъ Королевство изъ рукъ брата своего, Императора Римскаго ¹²⁵). Начавъ правленіе строгостію, Димитрій явилъ примѣръ великодушія, простивъ Федора Романовича Шуйскаго ¹²⁶), знатнѣйшаго изъ Бояръ, въ намѣреніи примириться съ недовольными подданными. Это великодушіе погу-

было его: по неисповѣдимому суду Божію, тотъ, кого избавилъ онъ отъ заслуженной казни, тотъ самый отмстилъ ему за невинныя жертвы его несправедливости. Когда всѣ Бояре, ласкательствуя Царю, падали къ стопамъ его, одинъ Шуйскій, недовольный новымъ правленіемъ и опасаясь гибельныхъ слѣдствій, былъ непреклоненъ; раздражалъ Дмитрія упорствомъ и презирая опасность, распускалъ о немъ молву неблагопріятную; говорилъ, что Царь есть прищлецъ, бродяга, что онъ замышляетъ съ злодѣями Россіи, т. е. Поляками, разрушить святыя храмы, и что открывъ въ нее путь иноземцамъ, хочетъ истребить древнее дворянство Русское. — Дмитрій, одаренный искусствомъ убѣжденія, оправдалъ себя въ совѣтѣ Вельможъ помощію многорѣчія, и вооружилъ ихъ ненавистью къ виновнику клеветы: Шуйскій былъ схваченъ, преданъ суду и за дерзкія слова приговоренъ къ смерти. 6 Іюля его вывели на мѣсто казни: когда онъ палъ на колѣни, и совершивъ всенародно молитву, ожидалъ отъ палача удара; Дмитрій присланною грамотою остановилъ казнь и даровалъ виновнику жизнь.

Все дѣлалось по желанію Дмитрія; одни Псковитяне, постоянные въ упорствѣ, не признавали его власти: Дмитрій посылалъ имъ грамоты, обѣщалъ забыть все прошедшее; наконецъ сконилъ ихъ къ покорности; Воеводу так-

же—и всѣхъ простилъ. Доселѣ правленіе его было счастливо и утѣшительно; народъ торжественно возсылалъ къ небу мольбы о здравіи его; имя же Борисово проклинали. Немедленно выбили монету въ воспоминаніе новаго Государя и для всеобщаго употребленія. Рассказываютъ писатели, преданные Дмитрію, что въ то время, когда всѣ ожидали отъ него счастья въ будущемъ, найдены были въ Государственной казнѣ ненавистныя сокровища ¹²⁷⁾, несмѣтное количество золота и серебра на нѣсколько милліоновъ, также двѣнадцать мѣръ жемчуга и драгоценныхъ каменьевъ: все это частію расточено имъ при жизни, частію роздано изъ тщеславія, и все вмѣстѣ съ нимъ исчезло.

Днемъ коронаванія назначено было 1 Сентября, когда Россіяне, подобно древнимъ Іудеямъ, начинаютъ новый годъ: Дмитрій для многихъ причинъ ускорилъ торжество, и короновался въ концѣ Іюля. А чтобы подкрѣпить свое право на корону, пригласилъ въ Москву мать Царевича, заключенную повелѣніемъ Бориса, послѣ мнимой смерти сына ея, въ небольшомъ монастырѣ, далеко отъ столицы. Для сего посланы были за нею знатнѣйшіе сановники; самъ онъ выѣхалъ къ ней на встрѣчу, съ притворнымъ уваженіемъ, едва завидѣлъ ее издали, скочилъ съ лошади, прошелъ значительное пространство пѣшкомъ и со слезами бросился въ

ея объятія. Послѣ того, съ открытою головою, провожалъ колесницу своей матери до самаго замка; отсюда Царица чрезъ нѣсколько времени переселилась со всѣми женщинами своими въ монастырь, куда обыкновенно удаляются благороднѣйшія вдовы и дѣвицы ¹²⁸). Въ продолженіе всего этого времени, любопытные замѣтили, что мать истиннаго Дмитрія отвѣчала Царю подобными же ласками, искренними или притворными, неизвѣстно: впрочемъ перенесенная изъ печальнаго уединенія въ кругъ радости и веселія, она не могла смотрѣть безъ восторга даже и на Самозванца, коему обязана была такимъ благодѣяніемъ.

По вступленіи Дмитрія на престолъ и по окончаніи торжественныхъ обрядовъ, Патеръ Николай Кнермоковскій, изъ ордена Іезуитовъ, привѣтствовалъ его краснорѣчивымъ словомъ; Сенатъ также приносилъ ему поздравленіе. Царь отвелъ Іезуитамъ обширный дворъ, недалеко отъ Дворца, гдѣ они могли свободно священнодѣйствовать по Римскому обряду; уже тогда, подстрекаемый усерднымъ желаніемъ ихъ, онъ обнаружилъ бы тайныя мысли души своей, если бы не остановилъ его Шуйскій, который, помышляя о престолѣ, искалъ удобнаго случая исполнить свой замыселъ.

Полагаясь на обманчивую тишину внутреннюю и внѣшнюю, Дмитрій началъ заботиться

о наградѣ Поляковъ за добрыя услуги, о утверженіи съ Польшею мира, о бракѣ и наследникѣ для укрѣпленія своего престола. Въ слѣдствіе сего, отправлено было въ Польшу почетнѣйшее посольство, состоявшее изъ 300 дворянъ, подъ начальствомъ главнаго Казначея царскаго, Аѳанасія Ивановича Власьева; который, 14 Ноября прибывъ въ Краковъ, явился къ Сигизмунду и объяснилъ ему цѣль своего прибытія. Власьевъ говорилъ Королю, что Государь его, рѣшившись пріобрѣсть благоеклонность Поляковъ, дабы ихъ силами оградить себя отъ легкомысленныхъ и подозрительныхъ Москвитянъ, не сомнѣвается въ радости Короля и всего Польскаго Сената о восшествіи его, сверхъ всякаго чаянія и ожиданія, на древній престолъ прародительскій; что обязанный симъ успѣхомъ во первыхъ благости Всевышняго, а во вторыхъ содѣйствію Короля и всѣхъ Вельможъ Королевскихъ, онъ никогда не забудетъ ихъ благодаренія; что, сверхъ того, размышляя о средствахъ къ распространенію имени и закона Христіанскаго, онъ съ великою горестію слышитъ о безнаказанномъ, долготѣнемъ опустошеніи Королевствъ и земель Христіанскихъ ненавистнымъ тираномъ Турецкимъ, который, къ сожалѣнію, и прежде терзалъ и теперь ежедневно терзаетъ нѣкогда столь цвѣтущее Венгерское Королевство, хотя въ семъ и не лзя обвинять непобѣдима-

го Императора Рудольфа, отметившаго мужественно, по мѣрѣ силъ своихъ, проклятому губителю; что Государь Московскій не можетъ не сокрушаться, не проливать горькихъ слезъ при одной мысли о нечестивомъ оскверненіи святыхъ мѣстъ, ознаменованныхъ стопами Спасителя, Его жизнію, чудесами, Его драгоценною кровію освященныхъ, нынѣ же попираемыхъ лютыми, безбожными изувѣрами; что Царь, для освобожденія сихъ странъ, намѣреваясь соединить свои силы съ могущественнымъ Королемъ Польскимъ и другими Христіанскими Вѣноносцами, не пощадитъ ни своей казны, ни собственной крови; а между тѣмъ желая упрочить съ Королемъ вѣчный миръ, проситъ дозволенія сочетаться бракомъ съ природною Польскою, Анною Мариною, дочерью Воеводы Сендомирскаго Георга Мнишка, который имѣетъ полное право на сей знакъ благодарности за ласковый пріемъ его, Димитрія, еще бѣднаго странника, и за содѣйствіе ему, не безъ опасности собственной жизни, и казною и войскомъ овладѣть прародительскою Державою 129).

Король, принявъ посла благосклонно, отвѣтствовалъ, что онъ съ особеннымъ доброжелательствомъ слышитъ столь благодарныя и лестныя мысли Царя Московскаго; за пріятное же привѣтствіе посылаетъ взаимный поклонъ, моля Всевышняго о благоденствіи Димитріевоу Державою 129).

жавы;—весьма радуется столь удачному приобретению имъ Русскаго престола, законнаго наследства его; съ удовольствіемъ слышитъ, какую горестъ возбуждаютъ въ Димитріи успѣхи Турковъ, и охотно соглашается на предлагаемый союзъ, безъ рѣшительнаго впрочемъ обязательства, котораго безъ согласія всѣхъ Вельможъ и Польскаго Сената дать не можетъ. Относительно же намѣренія Государя Московскаго сочетаться бракомъ съ дочерью Воеводы Сендомирскаго, Король не только изъявилъ на оное согласіе, но и съ величайшею охотою принялъ такое предложеніе, моля Всевышняго освятить сей союзъ, во славу Его имени, въ утвержденіе вѣчнаго мира между обоими столь могущественными народами. Въ слѣдствіе сего, въ осьмой день по пріѣздѣ посла, совершилось обрученіе: священнодѣйствовалъ Епископъ Краковскій, Кардиналъ Бернарды Маціовскій; невѣста, отецъ ея и посоль Московскій были угощаемы великолѣпнымъ пиршествомъ; за столомъ сидѣли представители и другихъ Государей, также и Персидскій посланникъ. Рассказываютъ, что Димитрій прислалъ невѣстѣ и отцу ея, вмѣсто свадебныхъ закусокъ, подарокъ, цѣною въ 200,000 злотыхъ.

Царская невѣста, съ родителемъ своимъ, шуриномъ, посломъ Московскимъ и бывшими при ней женщинами, медленно подвигалась

къ Москвѣ , сопровождаемая многочисленною свитою: всѣ желали видѣть отдаленныя страны, брачное веселіе , могущество Русскаго Государя и сокровища, расточаемыя для всеобщей радости. Тогда же отправились въ Россію многіе купцы Италіанскіе и Нѣмецкіе , съ надеждою корысти; но жестоко обманулись : большею частію они погибли на Московской свадьбѣ ; немногіе избѣжали смерти безъ потери имущества. О продолжительности пути можно судить изъ того, что гости, отправясь въ концѣ Января , не прежде 26 Апрѣля пріѣхали въ Москву, и еще не успѣвъ оглядѣться, погибли. Въ седьмой день по пріѣздѣ невесты, Петръ Басмановъ, любимецъ Царя , и знатнѣйшіе Бояре ввели ее въ Царскій дворецъ , при звукѣ трубъ ; тамъ принялъ ее женихъ съ величайшими ласками, а благороднѣйшія жены и дѣвицы принесли ей почтительныя поздравленія. Исполняя обыкновеніе Русскихъ , она вскорѣ удалилась отсюда въ монастырь , жилище Царской матери , и оставалась тамъ до свершенія брачнаго союза. Наконецъ, въ четвертый день, когда все было готово для торжественнаго обряда , ее ввели опять въ Царскія палаты , великолѣпно убранныя ; вечеромъ была всеобщая , а на другой день—свадьба, которую совершилъ Русскій Патріархъ. Царицу короновали съ торжественными обрядами ; женихъ , принявшій титуло

Императора, приказаль нести предъ собою скипетръ, державу и мечъ, а предъ невѣстою Императорскую корону на парчевой, краснаго цвѣта, подушкѣ. Стѣны храма были обиты драгоценною красною тканью съ золотою бахрамою. Отсюда молодые супруги, имѣя на головахъ короны, съ великою пышностію, при громѣ трубъ, барабановъ, отправились во Дворецъ, гдѣ они провели ночь въ обыкновенныхъ при такихъ случаяхъ увеселеніяхъ.

Но тяжкія заботы томили душу Димитрія. Его безпокоили извѣстія о заговорѣ, составленномъ мѣсяцевъ за шесть до свадьбы и уже готовомъ вспыхнуть. Для огражденія себя, онъ прибѣгнулъ къ чужеземной помощи; когда же узналъ, что народъ негодуетъ на довѣренность его къ иностранцамъ болѣе, чѣмъ къ Русскимъ, считая сей поступокъ новостью безпримѣрною, ибо никто изъ прежнихъ Царей не употреблялъ иноземной стражи, Димитрій неблагоразумно поспѣшилъ распустить не только тѣлохранителей, но и всѣхъ воиновъ иноземныхъ, при немъ находившихся, въ надеждѣ угодить симъ народу. Но тѣ, не получивъ при увольненіи большею частію заслуженной награды, и негодуя на такую неблагодарность, удалились на предѣлы Государства съ Поляками, такъ же уволенными, и тамъ долгое время злодѣйствовали неслыханнымъ образомъ; что не мало раздражало Россі-

янь, уже недовольныхъ Великимъ Княземъ и подстрекаемыхъ нѣкоторыми Боярами, изъ коихъ одни подозрѣвали Царскій родъ Димитрія, другіе не одобряли его намѣреній и обычаевъ, а иные съ негодованіемъ смотрѣли на милость его къ Полякамъ и чужестранцамъ. Отъ сего ежедневно появлялись одни за другими мятежныя скопища; Димитрій старался смирить недовольныхъ; но безпрестанные допросы людей подозрительныхъ, тѣлесныя наказанія, ссылки, пытки, смертныя казни только раздражали умы и довели народъ до явнаго неповиновенія. Предчувствуя близкую опасность, Царь, въ позднемъ раскѣянніи объ увольненіи войска иностраннаго, набралъ новыхъ тѣлохранителей изъ Нѣмцевъ и Ливонцевъ, присокупивъ къ онымъ три сотни Французовъ, Англичанъ и Шотландцевъ. Сотнею Французовъ начальствовалъ уроженецъ Сенскій ¹³⁰⁾, Яковъ Маржереть, коего въ послѣдствіи мы видѣли. Они были вооружены протазанами и носили бархатную одежду, вышитую золотомъ. Сотникомъ Англичанъ былъ Матвѣй Кнотсенъ, Шотландцевъ Албертъ Ланта ¹³¹⁾. Оружіемъ тѣхъ и другихъ были алебарды; одѣвались же по праздникамъ въ кафтаны бархатныя, а по буднямъ въ красныя, суконныя, весьма нарядныя. Симъ тѣлохранителямъ производилось жалованья болѣе, чѣмъ прочимъ войскамъ, со-размѣрно достоинству каждаго: но при насту-

плени опасности они были позднею и слабою опорю.

Не задолго предъ тѣмъ, прибылъ въ Москву Польскій посоль Александръ Гонсѣвскій Корвинъ, съ драгоценными дарами и съ письмомъ Королевскимъ къ Димитрію: Царь не хотѣлъ ни принять, ни распечатать письма, потому, что въ надписи не былъ онъ, названъ Императоромъ и Монархомъ. Оправдывая Короля, посоль наговорилъ Москвитянамъ много досаднаго: »Пусть Царь вашъ, сказалъ онъ, идетъ на Турковъ, и у Султана отниметъ титуло Императора!« Впрочемъ Димитрій искусно скрылъ свою досаду, помня прежнія услуги Поляковъ и ожидая отъ нихъ новыхъ, необходимыхъ. Время проходило въ забавахъ и увеселеніяхъ; а ропоть болѣе и болѣе усиливался; въ день, когда купечество, по старинному обычаю, должно было поднести Царю подарки, случился праздникъ, предпочитаемый суевѣрными Москвитянами самой Пасхѣ ¹⁵²⁾: они вознегодовали явно, увидѣвъ, что Императоръ и Императрица, имѣя на главахъ короны, сидѣли за пышнымъ Царскимъ столомъ, принимали свадебные дары и угощали какъ своихъ, такъ и чужеземцевъ, роскошнымъ пиромъ. Въ числѣ пировавшихъ находился и Польскій посоль, который до праздника объявилъ, что не будетъ участвовать въ ономъ, если ему не дадутъ мѣста за столомъ

Царскимъ, каковой чести удостоили въ Краковѣ посла Московскаго; Русскіе сначала рѣшительно отвергли такое требованіе; Димитрій наконецъ уступилъ. Много на этомъ праздникѣ было шума и соблазна; дѣло дошло было до драки, отъ гордости и высокомерія Поляковъ, обходившихся съ Россіянами, какъ съ побѣжденными. Въ слѣдующій день разсланы были по домамъ кушанья въ золоченыхъ блюдахъ тѣмъ особамъ, которыя на канунѣ поднесли подарки; а чтобы кто либо не счелъ сію честь вознагражденіемъ за оныя, велѣно было кушанья отдать, а блюда возвратить. Веселились еще нѣсколько дней, при звукахъ трубъ, при трескѣ литавръ, при громѣ пушекъ; построили даже для воинской потѣхи деревянную крѣпость и забавлялись подъ оною битвами.

Между тѣмъ безпрестанно обнаруживались признаки заговора, составленнаго еще до прибытія невѣсты, и доселѣ не приведеннаго въ дѣйствіе только потому, что Русскіе жаждали болѣе добычи и такъ были увѣрены въ успѣхѣ, что отъ медленности нисколько не опасались неудачи. Димитрій, прежде совершенно спокойный, сталъ теперь опасаться, совѣтовалъ Полякамъ быть осторожными и собралъ во Дворцѣ всѣхъ новыхъ тѣлохранителей своихъ. Наконецъ наступила пятница: Поляки приготовлялись къ защитѣ, Русскіе къ нападенію: ду-

мали, что народъ вооружается местию на однихъ Поляковъ и не тронетъ Государя. Вечеромъ Бояре приказали Москвитянамъ быть готовыми въ слѣдующее утро; никто не ожидалъ столь близкой опасности; Императрица даже велѣла приготовить къ воскресенью великолѣпное шествие. Заговорщики не хотѣли далѣе откладывать своего умысла, и въ субботу 17 Мая, рано утромъ, соединились. Къ нимъ пристали толпы дворянства и черни. Раздался мятежный крикъ: »смерть Димитрію и Полякамъ!« Одни, жадные добычи, бросаются въ жилища Поляковъ, осаждаютъ ихъ, грабятъ, рѣжутъ, бьютъ; другіе стремятся ко Дворцу, гдѣ встрѣчаютъ только немногихъ тѣлохранителей: медленность въ исполненіи заговора, распаливъ ярость злоумышленниковъ, разсѣяло опасенія Димитрія. Во Дворцѣ не было даже ни одного сотника. Маржеретъ былъ боленъ, какъ онъ самъ мнѣ рассказывалъ: болѣзнь спасла его отъ смерти. Мятежники дѣлали свое дѣло съ такою быстротою и съ такимъ бѣшенствомъ, что многіе Россіяне, одѣтые по-Польски, пали подъ ихъ ударами, не бывъ узнаны. Немногіе тѣлохранители, по кратковременномъ сопротивленіи, положили оружіе. Петръ Басмановъ, прибѣжавшій на шумъ полунагой,—чтобы укротить волненіе, былъ заколотъ однимъ изъ своихъ служителей ¹⁵⁵). Между тѣмъ Шуйскій, предводитель мятежниковъ,

держа въ одной рукѣ крестъ, а въ другой мечъ обнаженный, приказалъ бить въ набатъ въ большой колоколь, какъ будто по случаю пожара, а въ самомъ дѣлѣ, чтобы разбудить и выманить Дмитрія изъ внутреннихъ покоевъ; въ то же время разгласилъ по городу для воспламененія злобы народной, будто Поляки вооружаются и хотятъ истребить всѣхъ Россіянъ. Пробужденный шумомъ, Дмитрій вскорѣ замѣтилъ, что въ городѣ не пожаръ, а бѣдъ большая; схватилъ Турецкую саблю, бросился въ окно—и отъ сильнаго паденія вывихнулъ ногу, такъ, что едва могъ подняться; толпа окружила его, и по приказанію Шуйскаго отвела въ аудіенць-залу, гдѣ обыкновенно принимаются послы иноземные. Тамъ какой-то Бояринъ сталъ упрекать его въ измѣнѣ, обманѣ, злодѣйствѣ: Царь, всегда стремительный въ гнѣвѣ, взмахнулъ саблею, и однимъ ударомъ повергъ его на землю; потомъ обратился къ Вельможамъ и смиренно просилъ дозволенія поговорить съ народомъ, чтобы открыть истину; но Бояре не согласились. Такъ повѣствуютъ одни писатели; другіе рассказываютъ иначе: Дмитрій, говорятъ они, видя опасность, требовалъ, чтобы Шуйскій спросилъ вдову Іоаннову, жившую тогда въ Москвѣ, признаетъ ли она его сыномъ своимъ, соглашаясь немедленно погибнуть, если бы она отреклась отъ него. Сію жен-

щину Шуйскій немедленно вызвалъ изъ монастыря, находившагося не въ дальнемъ разстояніи—и она въ присутствіи Вельможъ, съ торжественною клятвою, объявила, что рожденный ею Димитрій, сынъ Іоанна Васильевича, давно уже погибъ отъ безчеловѣчнаго вѣроломства Борисова, и что она доселѣ таила истину: ибо видѣла всеобщую благосклонность народа къ обманщику; притомъ же не безъ удовольствія смотрѣла на того, кто отмстилъ за смерть истиннаго Димитрія, низверженіемъ лютаго злодѣя, думая, что самъ Богъ послалъ сего мстителя ¹³⁴). Тогда всѣ бросились на Самозванца и поразили его многими ударами. Такъ рассказано это событіе въ донесеніи Петра Патерсона Упсальскаго, бывшаго тогда въ Россіи.

Не то говорятъ другіе писатели, которые доселѣ еще сомнѣваются, былъ ли Димитрій обманщикъ: они упрекаютъ заговорщиковъ въ томъ, что не выслушали всенародно оправданій Димитрія, о чемъ сей Государь, недавно вступившій на престолъ, просилъ убѣдительно; коварно утаили всѣ его показанія и вмѣстѣ съ нимъ убили одного Нѣмца, тѣлохранителя, изъ опасенія, чтобы сей человекъ, бывшій при допросѣ, не разгласилъ словъ своего Государя ¹³⁵).

Изуродованное тѣло Димитрія, по грязной улицѣ выволокли на площадь, привязавъ къ ногамъ веревку ¹³⁶), и тамъ, покрытое нечистотою

и кровью, разложили для всенароднаго зрѣлища на столѣ, бросивъ подъ оный трупъ Басманова, который, однажды давъ слово быть вѣрнымъ, не измѣнилъ обѣщанію. Въ такомъ положеніи они оставались четверо сутокъ. Для большей насмѣшки, кинули на животъ убитаго Государя безобразную и безстыдную маску, найденную, какъ увѣряли, въ комнатахъ наложницъ его, а въ ротъ всунули дудку, употребляемую Польскими крестьянами, съ небольшою мѣдною монетою, въ награду за искусство музыканта, или, какъ другіе толковали, для заплаты привратнику при входѣ въ адъ... Такъ поступали съ мертвымъ тѣ люди, которые живому, вмѣстѣ съ Вельможами, кланялись благоговѣнно!

Мятежники приступили къ жилищу Воеводы Сендомирскаго; но какъ его охраняли воины, то оставивъ при домѣ карауль, они бросились къ дворамъ другихъ Поляковъ, изъ коихъ многіе храбро защищались отъ грабителей и хотя были подавлены числомъ, но дорого продавали свою жизнь. Одинъ только Вишневецкій, послѣ упорной битвы, въ коей пало много Россіянъ, рѣшился выставить бѣлое знамя, въ знакъ согласія на сдачу: ибо видѣлъ, что къ дому его подвезли пушки; въ то же время приказалъ разбросать предъ входомъ множество денегъ, и когда чернь кинулась подбирать ихъ, онъ съ мечемъ въ рукѣ открылъ себѣ путь, сразилъ мно-

гихъ на мѣстѣ и наконецъ сдался, на честное слово, подоспѣвшимъ изъ Дворца Боярамъ.

Злополучная невѣста, лишенная и безцѣнныхъ сокровищъ своихъ, и всѣхъ нарядовъ, безпокоилась только объ отцѣ и родственникахъ; теперь верхомъ блаженства для нея было сохранить одну жизнь и невредимо возвратиться въ отечество, откуда недавно пріѣхала она съ такою пышностію. Чуть дыша, въ слабой надеждѣ, безъ платья, безъ постели, едва прикрытая одною рубахою, она съ трепетомъ ожидала, когда затихнетъ ярость черни.

Не одни люди военные, прибывшіе въ Москву съ Димитріемъ, но и многіе купцы испытали злобу народа: Амвросій Челари, родомъ изъ Милана, потерялъ 30,000 червонцевъ, а потомъ и самую жизнь. Якову Вину отрубилъ голову собственною его саблею. Натанъ, купецъ Аугсбургскій, заплатилъ за свою жизнь 150,000 флориновъ, а Николай Львовскій 50,000. Немтескій, банкиръ Польскій, на канунѣ убійствъ, далъ Димитрію много жемчугу и разныхъ товаровъ драгоцѣнныхъ; а два купца Аугсбургскіе ссудили ему 200,000 флориновъ, и всего лишились. Марцелли потерялъ 100,000 флориновъ. Въ сей день погибло 1200 Поляковъ; многихъ спасли Бояре. Рускихъ пало 400. Наконецъ, по захожденіи солнца, мятежъ затихъ: ночью водворилась глубокая тишина во всемъ городѣ. Тру-

пы убіенныхъ трое сутокъ валялись въ грязи; бѣшенный народъ едва согласился похоронить ихъ на Нѣмецкомъ кладбищѣ.

По прекращеніи столь ужаснаго кровопролитія, Бояре составили совѣтъ, и первымъ предметомъ ихъ совѣщаній было избраніе новаго Государя: опасались новыхъ смятеній отъ безначалія. Шуйскій, замѣтивъ, что многіе къ нему были благосклонны, старался увеличить число своихъ приверженцевъ и оправдать себя въ прошедшемъ; для сего, какъ рассказываютъ, произнесъ слѣдующую рѣчь: «Бояре, товарищи и друзья любезные! ненависть къ лютому тирану довела меня до многихъ поступковъ, въ коихъ я раскаиваюсь и самъ себя виню; да послужатъ мнѣ оправданіемъ преданность къ Царскому роду и любовь къ Отечеству. Надѣюсь, что я довольно потрудился съ вами, дабы загладить свою ошибку. Богъ даровалъ Русскому Царству, величайшему изъ Государствъ Христіанскихъ, владѣтелей знаменитыхъ, древняго, непрерывнаго поколѣнія; преемникъ ихъ по праву наслѣдства, Іоаннъ Васильевичъ, не взирая на клевету многихъ людей, увеличилъ свою Державу обширнѣйшими Государствами и оставилъ по себѣ столько памятниковъ Царскаго величія, что каждыи, когда радуется слава Отечества, не можетъ не похвалить его великаго разума. Сей Государь нѣкогда поручилъ мнѣ за-

»ключить миръ съ Польскимъ Королемъ Стефа-
 »номъ: я исполнилъ его волю, и съ тѣхъ поръ
 »такъ усердно занимался дѣлами Отчества мир-
 »ными и военными, что никто не могъ требо-
 »вать отъ меня болѣе ревности, заботливости и
 »преданности престолу. По смерти Іоанна, Госу-
 »дарство разстроилось; Θεодоръ былъ слабъ и
 »къ довершенію несчастія бездѣтенъ, такъ, что
 »престоль управлялся уже не умомъ Государя,
 »а волею постороннею, волею того, кто воспре-
 »пятствовалъ ему развестись съ безплодною су-
 »ругою и взять себѣ другую, чего требова-
 »ли законы Государственные, кто, при помощи
 »зловѣвъ погубилъ Царскаго отрока, законнаго
 »преемника, кто наконецъ, по общему мнѣнію,
 »тайно отравилъ самого Θεодора — и пользуясь
 »случайнымъ родствомъ, овладѣлъ кормиломъ пра-
 »вленія — однимъ словомъ волею Бориса! Душа со-
 »дрогается при одномъ имени его ненавистномъ!
 »Какой плачь, какіе стоны, бѣдствія, злополучія
 »ознаменовали все время его правленія! Чтобы
 »избавить себя отъ ига лютаго тирана, я подалъ
 »руку Димитрію, не разбирая его рода и племе-
 »ни — (въ самозванствѣ его теперь никто не
 »сомнѣвается) — и когда вы спрашивали моего
 »мнѣнія, признать ли сего человѣка законнымъ
 »наслѣдникомъ, я далъ вамъ совѣтъ и убѣдилъ
 »васъ возвести его на престоль; но вскорѣ рас-
 »каялся: намъ грозило злополучіе ужаснѣйшее

»прежняго : я видѣлъ опасность прародитель-
 »ской вѣры, нарушеніе древнихъ законовъ , рас-
 »пространеніе чуждыхъ нравовъ, гибель свободы
 »отечественной; я видѣлъ , что иноземцы сѣли
 »намъ на шею , и смѣло , съ опасностію соб-
 »ственной жизни, не хотѣлъ воздавать сему ново-
 »му тирану почтенія , приличнаго Государю за-
 »конному. Горько подумать, что я обязанъ жизнью
 »тому, кто не имѣлъ права въ моей смерти, хотя
 »я былъ обязанъ ему , какъ разбойнику , кото-
 »рый могъ отнять у меня жизнь—и не отнялъ.
 »При всемъ томъ, эта мысль неосновательная
 »нѣсколько времени меня удерживала , когда я
 »болѣе думалъ о молвѣ, нежели о спасенія Госу-
 »дарства. Наконецъ любовь къ Отечеству вос-
 »торжествовала : видя васъ готовыми на все , я
 »предложилъ себя вождемъ вашимъ , заботаюсь
 »уже не о молвѣ , но о славѣ и благоденствіи
 »Россіи. Мы единодушно рѣшились на праведное,
 »спасительное дѣло — о еслибъ оно было не
 »столь убійственно ! — и Богъ , располагающій
 »судьбою Царствъ , одобрилъ наше предпріятіе
 »счастливымъ успѣхомъ. Теперь, когда мы свер-
 »гли съ своей выи свирѣпаго тирана, когда раз-
 »сѣялось ослѣпленіе Россіянъ , уловленныхъ его
 »чародѣйствомъ и обманомъ, теперь мы должны
 »избрать себѣ Государя : древнее поколѣніе Ца-
 »рей, къ несчастію , пресѣклось . . . поищемъ та-
 »кого мужа , который превосходилъ бы всѣхъ

знатностію рода, уважалъ бы, какъ святыню, законы и обычаи предковъ, имѣлъ бы всѣ добродѣтели, свойственныя Царскому сану, славился бы долговременною въ дѣлахъ опытностію, любилъ бы не пышность, не роскошь Царскую, но правосудіе и умѣренность, искалъ бы твердой опоры себѣ въ преданности своихъ подданныхъ, и богатый казною, считалъ бы имущества частныя неприкосновенными. Можетъ быть, вы подумаете, что такого властителя едва ли найти возможно, и что онъ существуетъ только въ моемъ воображеніи; но добрый гражданинъ долженъ желать наилучшаго Государя, по крайней мѣрѣ, такого, который бы народу казался наилучшимъ.»

По окончаніи сей рѣчи, приступили къ собранію голосовъ—и Царемъ всѣ Вельможи провозгласили Шуйскаго. Сначала онъ скромно отказывался отъ предлагаемой чести; наконецъ, поблагодаривъ избирателей, съ радостію согласился на единодушное желаніе ихъ. Это случилось 20 Мая.

Новый Царь прежде всего счелъ нужнымъ, для оправданія себя въ убійствѣ Димитрія, обнародовать грамоту, въ коей обвиняли мертваго въ томъ, что онъ, бывъ самымъ послѣднимъ въ Москвѣ монахомъ, выдалъ себя за сына Іоанна Васильевича; именовался же прежде Гришкою или Григоріемъ Отрепьевымъ и никогда не хо-

тѣмъ посѣтитъ прежняго монастыря своего, изъ опасенія быть тамъ узаннымъ; въ юношество прилежно учился, особенно Исторіи, былъ искусень въ музыкѣ и нѣсколько времени служилъ съ пользою Патріарху; но въ то же время занимался чародѣйствомъ, посредствомъ коего одержавъ многія побѣды, овладѣлъ престоломъ, къ безславію Русскаго имени. Упрекали его еще въ ереси, въ несоблюденіи постовъ, праздничныхъ дней и торжественныхъ обрядовъ Русской церкви, сверхъ того: въ данномъ Римскому Первосвященнику обѣщаніи искоренить вѣру предковъ; въ удостовѣреніе чего, обнародовали письма Папы, — неизвѣстно, истинныя или ложныя, — коими Его Святѣйшество убѣждалъ Дмитрія исполнить обѣтъ и дать Іезуитамъ храмы, коллегии и все необходимое. Къ сему присовокупили договоры, коими онъ отдавалъ тестю своему Воеводѣ Сендомирекому Смоленскъ, дочери его, своей женѣ, Новгородъ, а шурьямъ страну Сѣверскую. Обвиняли его еще въ замыслѣ истребить всѣхъ Русскихъ Вельможъ, а имѣнія ихъ отдать Полякамъ; для чего онъ приказалъ, подъ предлогомъ увеселенія народа воинскими потѣхами, привезти пушки, чтобы смирить столицу, и лишивъ Бояръ свободы, утвердить въ Государствѣ власть неограниченную. Кромѣ сего, Бояре и другіе люди жаловались, что онъ былъ

недоступень, что многіе, приходившіе къ нему съ просьбами, были отгоняемы неучтиво отъ дворцовыхъ дверей стражею, что онъ принималъ однихъ Поляковъ; если же и выслушивалъ просьбы Русскихъ, никогда ихъ не удовлетворялъ. Далѣе, упрекали мертваго въ расточительности и непомѣрной роскоши, для коей недостаточно было никакихъ сокровищъ, никакихъ богатствъ: говорили, что онъ приказалъ слить тронъ изъ серебра съ позолотою, по сторонамъ коего на ступеняхъ стояли по шести львовъ, чего прежде никогда не бывало, не упоминая уже о приказаніи его носить всегда предъ собою, какъ предъ Царемъ, скипетръ и корону. Осуждали его еще въ томъ, что покупкою драгоценныхъ каменьевъ и товаровъ иностранныхъ, также безмѣрными издержками на бродягъ, тунеядцевъ, шутовъ, музыкантовъ, и переводомъ значительныхъ суммъ въ Польшу, онъ истощилъ казну Государственную. Присовокупляли страшное преступленіе: говорили, что приказавъ убить жену и сына Бориса Годунова, дочери его онъ даровалъ жизнь, и растлилъ ее въ послѣдствіи; что часто, посѣщая монастырь, гдѣ жила невеста, осквернялъ его непристойными поступками, плясками и безстыдными пѣснями, оскорбляя взоры и слухъ благочестивыхъ инокинь и всего народа; и что многихъ монахинь сверхъ

того лишилъ цѣломудрія ; монаховъ же и другихъ людей набожныхъ неоднократно съкъ кнудомъ; а монастыри ограбилъ неслыханнымъ разореньемъ , взявъ у нихъ , подъ видомъ займа, значительныя суммы , съ намѣреніемъ никогда оныхъ не возвращать. На него же возлагали всю вину въ наглыхъ поступкахъ Поляковъ и другихъ чужеземцевъ ; также и въ опустошеніи Астрахани со всѣми ея гаванями, наполненными товарами, говоря, что разбойники разорили сію область по его повелѣнію, по крайней мѣрѣ съ его вѣдома. Въ заключеніе жаловались на буйство Поляковъ , которые вступили въ Россію , какъ бы въ землю покоренную ихъ оружіемъ , и столь были наглы, что жены самыхъ знатныхъ Вельможъ, не смѣли явиться на улицѣ, опасаясь ихъ необузданнаго сладострастія; что многія Боярыни были извлекаемы изъ домовъ, даже изъ объятія мужей; что Димитрій , получая непрестанныя жалобы на столь неслыханную дерзость, никогда не хотѣлъ явить примѣрнаго наказанія виновнымъ; что во все время его правленія, только одинъ былъ обвиненъ приговоромъ суда , и того Поляки , считая себя все дозволеннымъ , искитили изъ рукъ правосудія , убивъ палача ¹³⁷). Наконецъ для лучшаго убѣжденія въ обманъ, когда случился необычайный морозъ, истребившій вездѣ плоды, и чернь, уже

озлобленная убійствами, приписала это бѣдствіе гнѣву Божию, присудили вырыть тѣло бѣднаго Димитрія, погребенное за городомъ, сожгли оное и развѣяли прахомъ. Доселѣ не рѣшено, былъ ли онъ Димитрій, или обманщикъ.

К О Н Е Ц Ъ.

П Р И М Ъ Ч А Н І Я .

ПРИМЪЧАНІЯ.

1) Авторъ принимаетъ здѣсь слово *Ски-вы* въ смыслѣ варваровъ: ниже увидимъ, что онъ имѣлъ довольно правильныя понятія о народахъ сосѣдственныхъ Россіи.

2) *Saint-Jean-de-Laune*, или *de-Lône*, небольшой городокъ въ Бургундіи, на рѣкѣ *Сонъ*, въ 6 миляхъ отъ *Дижона*: жители онаго прославились въ Исторіи упорною защитою въ 1636 году, отъ 80,000 войска Нѣмецкаго, Испанскаго и Лотарингскаго. *Вогренанъ* сражался за *Генрига IV*.

3) О пребываніи *Маржерета* въ Россіи сохранилось въ Московскомъ Архивѣ слѣдующее любопытное письмо *Князя Пожарскаго* къ иностранцамъ *Эшону*, *Гилю* и другимъ, желавшимъ вступить въ Русскую службу:
„Великихъ Государствъ Россійскаго Царствія Бояре и Воеводы, и по избранію Московскаго Государства всякихъ чиновъ людей, въ нынѣшнее настоящее время того многочисленнаго войска у рашныхъ и у земскихъ дѣлъ *Спольникъ* и Воевода *Князь Дмитрій Пожарскій* съ поварищи. Объявляемъ *Ондрейну*

Фрейгеру вольному господину города Оладор-
 еа, Аршору Яспону изъ Турнала, Якову Ги-
 лю, начальнымъ надъ войскомъ и инымъ Ка-
 пишанамъ, которые съ вами. Прислали еспе
 къ намъ съ Капишаномъ съ Яковомъ Шавомъ
 грамоту за своими руками; а въ грамотѣ
 своей къ намъ писали еспе, что объявляете
 намъ свое доброе радѣнье прямымъ сердцемъ,
 будто вы о нѣкоторыхъ мѣрахъ, тому ужъ
 6 мѣсяцевъ, писали въ грамотѣ къ Петру
 Гамельшуну, чтобъ онъ до насъ донесъ, что
 вы хопите вѣрно служиши въ шѣхъ мѣрахъ,
 что учинилося межъ насъ и Польскихъ и
 Литовскихъ людей, и намъ бы не спраши-
 тися: Государи ваши Короли великихъ лю-
 дей, вѣдомыхъ иноземцевъ, ратныхъ боль-
 шихъ Капишановъ и солдашовъ, въ которыхъ
 нѣшь такихъ, который бы къ службѣ не
 пригодился, велѣли сбиралися, и уже на го-
 товѣ; пролько тому дивитесь, что намъ Ка-
 пишанъ Гамельшонъ того не объявилъ и ва-
 шего радѣнья и службы по ся мѣста не ска-
 залъ, и вы положили на то: нѣчто будетъ
 то ваше письмо до Петра не дошло, или
 Петръ до насъ не донесъ, что вамъ о томъ
 онъ насъ висьма нѣшь, и въ томъ вы спа-
 ли неправы большому въ Амборху (въ Гам-
 бургѣ) Якову Мержерешу; а Яковъ Мерже-
 решъ послалъ же съ грамотами изъ Амборха
 къ Архангельскому городу на Николинъ день,
 Мая 9 число, шоежъ службу и радѣнье объ-

являя, и вы погожь чаєте, чпо и шѣ не дошли; и шолько намъ ваше радѣнье любобудеть, и о помъ бы намъ опвѣшъ учиниши вамъ по нынѣшней лѣпней дорогѣ, чшобъ мочно припши корабленнымъ ходомъ. А нынѣ ты, Ондреянъ, съ своими большими и съ Капшаны имянно къ намъ идеше вскорѣ, для договора наемнаго войска иноземцевъ, шолько намъ любобудеть; да швои же люди идущъ въ Англійскихъ и въ Нидерландскихъ корабляхъ, а приспавашъ будущъ къ берегу сея осени, и намъ бы съ шобою о воинскихъ людяхъ договоръ учинишъ, чшобъ вамъ, прося у Бога милосши, одного лѣша съ недруги управишся; а вы шо дѣлаете на славу Государямъ своимъ и Опечеству своему, не бояся смерти, надѣяся на правду, а въ правдѣ Богъ помогаетъ, и рады вы прошивъ нашихъ непріятелей, видѣчи нашу правду, бишся до смерти, и однолично еси изгошовился къ намъ ишши моремъ и сухимъ пушемъ на Николинъ день, шолько съ шобою нынѣ о шомъ договоръ учинимъ.“

„И мы Государямъ вашимъ Королямъ, за ихъ жалованье, что они о Московскомъ Государствѣ радѣющъ и людямъ веляшъ сбирився намъ на помочъ прошивъ Польскихъ и Липовскихъ людей, челомъ бьемъ и ихъ жалованье рады выславляши; а и прежде сего Великіе Государи наши Цари и Великіе Князи Россійскіе съ Государи вашими, ни съ

которыми Короли въ недружбѣ не бывали. А васъ, Ондреяна Фрейгера вольнаго господина во Флодорѣ, да Артора Яспона изъ Турнала, да Якова Гиля, начальниковъ надъ войскомъ, за ваше доброхотство, что вы хошите Россійскому Государству помочь чинити, сами служити и людей воинскихъ на наемъ призывати и битися хошите до смерти, похваляемъ и нашею любовью прошивъ вамъ, гдѣ будетъ возможно, воздавати хошимъ; а пому удивляемся, что вы о помѣдѣль въ совѣтѣ съ Францужениномъ съ Яковомъ Мержерешомъ, а Якова Мержереша мы всѣ Московскаго Государства Бояре и Воеводы знаемъ достаточно и вѣдаемъ про него подлинно:“

„Блаженныя памяти при Великомъ Государѣ Царѣ и Великомъ Князѣ Борисѣ Федоровичѣ всея Русіи выѣхалъ пошъ Яковъ и съ иными иноземцы, съ Дьякомъ съ Аванасьемъ Власьевымъ, изъ Цесарскія области къ Царю и Великому Князю Борису Федоровичу всея Русіи, на его Государское имя служити; и блаженныя памяти Великій Государь Царь и Великій Князь Борисъ Федоровичъ всея Русіи, его пожаловалъ своимъ Царскимъ жалованьемъ, помѣстьемъ и опчины и денежнымъ жалованьемъ, и былъ онъ у иноземцевъ въ Роммиспрахъ; а послѣ Царя и Великаго Князя Бориса Федоровича всея Русіи, какъ учинился на Россійскомъ

Государствѣ Великій Государь Царь и В. К. Василій Ивановичъ всея Руси, и Яковъ Мержерешъ Великому Государю Царю и Великому Князю Василью Ивановичу всея Руси, билъ челомъ, чинобъ его оппустилъ къ родству его во Францовскую землю, и Царь и Великій Князь Василій Ивановичъ всея Руси, по своему милосердому обычаю, пожаловавъ его своимъ Царскимъ жалованьемъ, во Францовскую землю опуститъ велѣлъ. И какъ, за нашъ грѣхъ, въ Россійскомъ Государствѣ при Царѣ Васильи, нѣкошорый воръ, по умышленью Польскихъ и Липовскихъ людей, назвался блаженныя памяти Царя и В. К. Ивана Васильевича всея Руси сыномъ, Царевичемъ Димитріемъ Углицкимъ, въ прежняго вора въ Разспригино мѣсто, будшо онъ ушелъ съ Москвы живъ, и споялъ пошъ воръ подъ Москвою, и пошъ Яковъ Мержерешъ къ тому вору приспалъ и былъ съ шѣмъ воромъ, и Московскому Государству много зло чинилъ и кровь Хреспьянскую проливалъ, вмѣстѣ съ Польскими и съ Липовскими людьми и Московскаго Государства съ измѣнники. А какъ Польскій Жигмоншъ Король присылалъ подъ Москву Гепмана Польскаго Спанислава Желковскаго, и пошъ Яковъ опять пришелъ съ Гепманомъ; а послѣ Гепмана, оспался въ Московскомъ Государствѣ съ Сшароспою Велижскимъ съ Александромъ Гасевскимъ, въ Нѣмецкой ро-

шѣ у Поляка у Петра Борковскаго въ поручикахъ. И какъ Польскіе и Липовскіе люди крешное свое цѣлованье преступили, оплоша Московскихъ Боярь, царствующій градъ Москву разорили, выжгли и людей сѣкли, и попъ Яковъ Мержерешъ, вмѣстѣ съ Польскими и съ Липовскими людьми, кровь Крешьянскую проливалъ и злѣе Польскихъ людей, и въ осадѣ съ Польскими и съ Липовскими людьми въ Москвѣ ошъ насъ сидѣлъ, и награвився Государскія казны, дорогихъ узорочей несчетно, изъ Москвы пошелъ въ Польшу въ нынѣшнемъ во 120 году (1611), въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, съ измѣнники Московскаго Государства, что былъ Бояринъ, съ Михайломъ Салпыковымъ съ поварищи. И про то намъ подлинно вѣдомо, что Польскій Жигимонтъ Король тому Якову Мержерешу за то, что онъ съ Польскими и съ Липовскими людьми Московское Государство разорялъ и кровь Хрешіанскую проливалъ, велѣлъ быти у себя въ Радѣ.“

„И мы тому удивляемся: такое Яковъ Московскому Государству зло учинилъ, съ Польскими и съ Липовскими людьми кровь Крешьянскую проливалъ, да и злѣе Польскихъ и Липовскихъ людей чинилъ, и у Короля за то жалованье получилъ, въ Радѣ его Король учинилъ; а нынѣ бѣ ему намъ прошивъ Польскихъ и Липовскихъ людей помогаши! И намъ ся мнишь, что Яковъ хочешь въ Мо-

сковское Государство быти, по умышленію Польскаго Короля и Польскихъ и Липовскихъ людей, чшобъ ему зло которое, по умышленью Польскаго Жигимонта Короля и Пановъ Радъ, Московскому Государству учинити; о томъ мы стали въ опасеньи, для того и къ Архангельскому городу на береженье ратныхъ многихъ людей опускаемъ, чшобъ Польскаго Жигимонта Короля умышленьемъ, какое лихо Архангельскому городу не учинилось.“

„Да и наемные намъ люди иныхъ Государствъ нынѣ не надобешъ: по ся мѣспа были намъ Польскіе люди сильны пошому, что за грѣхъ нашъ Государство Московское было врозни, Сѣверскіе города были особѣ, а Казанское и Аспараханское Царства и Понизовные города были особѣ; а во Псковѣ былъ воръ, назвался Государскимъ именемъ, и Псковъ и Иванъ-городъ были съ нимъ вмѣспѣ; а иные города и люди многіе были съ Польскими и Липовскими людьми. А нынѣ все Россійское Государство, видѣвъ Польскихъ и Липовскихъ людей неправду и узнавъ воровскихъ людей заводъ, избрали всѣми Государствы Россійскаго Царствія, мы Бояре и Воеводы, и чашники, и дворяне большіе, и спряпчіе, и дворяне изъ городовъ, и приказные люди, и дѣши боярскіе, и спрѣльцы, и Казаки и всякихъ чиновъ служилые люди, и госпи, и торговые

и всякіе посадскіе жилецкіе люди, также розныхъ Государствъ Цари и Царевичи, которые служили прежнимъ Государямъ въ Россійскомъ Государствѣ, и Царства Казанскаго и Аспараханскаго, и иныхъ Низовныхъ городовъ Князи и Мурзы, и Ташарове, и Черемиса, и Чуваши, и Липва, и Нѣмцы, которые служатъ въ Московскомъ Государствѣ, за разумъ, и за правду, и за родство, и за храбрость, къ ратнымъ и къ земскимъ дѣламъ Спольшника и Воеводу Князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго Стародубскаго; да и тѣ люди, которые были въ воровствѣ съ Польскими и Липовскими людьми и спояли на Московское Государство, видя Польскихъ и Липовскихъ людей неправду, отъ Польскихъ и Липовскихъ людей отстали, и спали съ нами единомышленно прошивъ Польскихъ и Липовскихъ людей, и бои намъ съ Польскими и съ Липовскими людьми были многіе, и многихъ Польскихъ и Липовскихъ людей побиваемъ, и города, которые были за Польскими и Липовскими людьми, очищаемъ къ Московскому Государству, и что гдѣ сберется съ земли какихъ доходовъ, и мы то даемъ нашимъ ратнымъ людямъ, стрѣльцамъ и Казакамъ; а сами мы, Бояре, и Воеводы, и чашники, и спольшники, и дворяне и дѣти Боярскіе, служимъ и бьемся за святыя Божьи церкви и за православную нашу Крестьян-

скую вѣру и за свое Отечество безъ жалованья. А до Польскихъ и до Липовскихъ людей, за ихъ неправду и крешпопреспупленье, праведный гнѣвъ Божій до самихъ доходишь: въ Польской и въ Липовской землѣ, на Волыни и на Подольи, воевали Турскіе и Крымскіе люди безъ выходу, Волынь и Подолье до конца запусшошили, и нынѣ Турскіе и Крымскіе воинскіе люди въ Польской и въ Липовской землѣ воююшъ, и впередъ, по нашей ссылкѣ, Крымскіе люди Польскую и Липовскую землю хошашъ воевати и до конца пусшошили; и мы чаемъ милосердаго въ Троицѣ славимаго Бога нашего милосши, оборонимся опъ Польскихъ и опъ Липовскихъ людей и сами, Россійскимъ Государствомъ, и безъ наемныхъ людей. А только будешъ, за грѣхъ нашъ по какимъ случаямъ, Польскіе и Липовскіе люди учнушъ намъ спавишся сильны, и мы тогда пошлемъ къ вамъ о рапныхъ людяхъ на наемъ своихъ людей, наказавъ имъ подлинно, сколько имъ людей наймывати и договоръ велимъ учиниши, по чему какимъ рапнымъ людямъ на мѣсяцъ, или на чешвершъ году найму дашь; а нынѣ намъ наемные люди не надобешъ, и договору о нихъ чиниши нечего, и вамъ бы къ намъ не ходиши и себѣ своимъ проходомъ убышковъ не чиниши. А о помъ бы вамъ къ намъ любовь объявиши, о Яковѣ о Маржерешъ къ намъ опишати: какими обычай Яковъ Мар-

жерешъ изъ Польскія земли у васъ объявил-ся, и въ какихъ онъ мѣрахъ нынѣ у васъ въ каковѣ чести? А мы чаяли, что за его неправду, что онъ, не памятуя Государей нашихъ жалованья, Московскому Государству зло многое чинилъ и кровь Крестьянскую проливалъ, ни въ какой землѣ ему, опричь Польши, мѣста не будетъ.—Писанъ на спану у Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ, лѣта 7120 (1612), Августа мѣсяца.

4) Въ посвященіи Генриху IV (стр. 7.) Авторъ говоритъ: „я имѣлъ средства научиться Русскому языку.“ Въ Указашелѣ къ III части Сказаній совр. о Дим. Самоз. объяснено, какъ писалъ Авторъ собственныя имена наши; здѣсь же приведемъ нѣсколько выраженій, по коимъ можно судить о степени свѣденій его въ Русскомъ языкѣ: *Prosti mene Pojaloi*—проси меня, пожалуй; *Boch tibi prosti*—Богъ тебя просишь; *Christus vos Christ*—Хришошь воскресъ; *As isten vos Christ*,—во истину воскресъ; *Kleby est samnoi*—хлѣба ешь со мной; *Dorotney Schalovec*—дородный человекъ; *Bolschoi prichod*—Большой приходъ. *Pomiesnej pricas*—Помѣстный приказъ. *Conusnei prikas*—Конюшенный приказъ. *Roschodnoy Casna*—Расходная казна. *Dengi, Polusques*—Деньги полушки. *Conusnej Baiari*—Конюшенный Бояринъ. *Petigorsquis Chercassi*—Пятигорскіе Черкассы. *Zar hospodar u veliquei Knes: N.*

fsia Russia ialoet tebe, Царь Господарь и Великій Князь Н. всея Руссiи жалуешь тебѣ. Изъ сего видно, что Маржеретъ писалъ Русскія слова довольно правильно, по крайней мѣрѣ понятно, и кажется разумѣлъ нашъ языкъ; есть въ его книгѣ и грубыя, не многія впрочемъ, ошибки, на примѣръ: *vos Christ* — воскресь, *bas Mannof* (однажды, на стр. 122, въ другихъ мѣстахъ вездѣ *Basmannof*) Басмановъ; *Knes, Vacile, Juannevits, Galitchin*—Князь Василій Ивановичъ Галицынъ; но сіи промахи, по всѣмъ признакамъ, должно приписать шипографіи.

5) По исчисленію Гасселя, Россія въ началѣ XVII вѣка заключала въ себѣ 154.894 квадр. мили. *Hassel's Ephemeriden на 1826 годѣ.*

6) Баронъ Майербергъ, бывшій въ Россіи въ 1661 году, пишетъ, что все пространство между Вязмою и Можайскомъ, на 130 верстѣ, покрыто было дремучимъ лѣсомъ, въ которомъ находилась одна только деревушка. *Iter in Moscoviam Bar. Mayerberg... стр. 98.* То же свидѣтельствоуетъ сочинитель Мавѣспія о трехъ посольствахъ Графа Карлиля съ 1663 по 1665 годъ: „Проѣхавъ по Россіи, говоришь онъ, по мѣстамъ, наиболее заселеннымъ, мы видѣли только лѣса безконечные.“ *La relation des trois Ambassades de M. le Comte de Carlisle... 2 изд. 1672.*

7) „Русскій городъ Архангель, означае-
мый на ландкартахъ обыкновенно подъ име-
немъ Св. Михаила Архангела, построень въ
недавнее время, тамъ, гдѣ рѣка Двина раз-
дѣляется на два прошока. Прежде корабли
приспавали къ монастырю Св. Николая, въ
гавани того же имени, бывшей въ лѣвомъ
рукавѣ Двины. Но какъ въ послѣдствіи сей
рукавъ обмелѣлъ отъ наноснаго песку, а пра-
вый сдѣлался глубже, то прежнюю гавань
оставили и устроили новую въ правомъ
прошокѣ—тамъ, гдѣ спойшь Архангель.“ А.
*Olearii Auszfúhrliche Beschreibung der kundbaren
Reyse nach Muscow und Persien 1671 стр.
150.*

Архангельскъ основанъ въ 1584 году при
Феодорѣ Иоанновичѣ, тамъ, говоритъ Карам-
зинъ, гдѣ былъ монастырь Св. Николая. *Ис.
Гос. Рос. VIII. 251. X. 70.*

8) Олеарій считашеть въ одной Нѣмец-
кой милѣ пять верстъ: слѣдовательно тог-
дашняя верста была болѣе нынѣшней 200
саженъ.

9) Дѣйствительно Царь Казанскій Еди-
геръ Магмешъ взявъ въ плѣнъ Иоанномъ, и
въ Москвѣ, по собственному желанію, при-
нялъ Христіанскую вѣру съ именемъ Симео-
на; на вопросъ Митрополиша: „не нужда ли,
„не страхъ ли, не мірская ли польза вну-

„шаепъ ему мысль крестисься?“ онъ оп-
вѣстивоваль рѣшительно: „нѣтъ! люблю
Иисуса и ненавижу Магомета!“ Только сей
Симеонъ, по свидѣльству современной лѣ-
тописи, умеръ задолго до прибытія Марже-
рета въ Россію, въ 1565 году. Маржеретъ
зналъ другаго Царя Симеона, о коемъ см.
ниже, примѣч. 50.

10) Въ Европѣ около двухъ столѣтій
вѣрили существованію Астраханскаго Баран-
ца, и всѣ почти иноземцы, писавшіе о Рос-
сіи до начала XVIII столѣтія, рассказываютъ
объ немъ болѣе или менѣе невѣроятныя по-
дробности; хотя ни одинъ изъ нихъ не ви-
далъ нашего мнимаго Зоофита. Герберштейнъ
пишетъ слѣдующее:

„Дмитрій Даниловичъ, мужъ спешенный
и досповѣрный (какого только можно най-
ти между варварами), рассказывалъ мнѣ уди-
вительный и едва ли вѣроятный случай:
опецъ его, бывъ некогда посланъ Великимъ
Княземъ къ Царю Заволжскому, видѣлъ въ
спранѣ между Волгою и Яикомъ некоторое
сѣмя, похожее на дынное, только болѣе и
круглѣе: зарытое въ землю, оно производи-
ло нѣчто похожее на ягненка, вышиною въ
пять ладоней; это растение Русскіе называ-
ютъ Боранецъ (Boranetz), потому, что оно
имѣетъ голову, глаза, уши и все прочее,
какъ ягненокъ, лишь только родившійся, и

пришомъ весьма нѣжную шкуру, которою въ шѣхъ краяхъ обыкновенно подшиваютъ шапки. Многіе изъ Русскихъ увѣряли, что они видѣли сіи шкурки. Сверхъ того, Дмитрій рассказывалъ, что въ эпомъ распеніи, ежели только можно назвать его распеніемъ, естъ и кровь, но безъ мяса, вмѣсто коего находяшъ машерію, весьма похожую на мясо раковое; копыша же у него не роговыя, какъ у ягненка, а покрыты волосами, на подобіе рога; шебель идетъ отъ пупка, или изъ середины брюха; живешъ же оно до шѣхъ поръ, когда съѣстъ кругомъ себя праву, и корень самъ собою отъ недосапка пици завянешъ. Это распеніе, присовокупилъ Дмитрій, чрезвычайно вкусно и сладко; отъ сего волки и другія хищныя животныя весьма охотно ѣдятъ оное.“

„Я, съ своей стороны, хотя все сіе считалъ выдумкою, однакожь рѣшился упомянуть о Боранцѣ, пошому, что слыхалъ объ ономъ отъ людей ни мало не легкомысленныхъ, и теперь рассказываю объ эпомъ шѣмъ охотнѣе, что узналъ отъ весьма ученаго мужа Вильгельма Постелла слѣдующее: говорилъ ему нѣкто Михайль, переводчикъ Турецкаго и Арабскаго языковъ при Венеціанской Республикѣ, что онъ видѣлъ привозимыя изъ Тапарскаго города Самарканда и изъ восточныхъ странъ Каспійскихъ весьма нѣжныя шкуры, снимаемыя съ какого-то

распенія, въ тѣхъ спранахъ находящагося; что сими шкурами нѣкоторые Мусульмане подбиваютъ шапки для согрѣванія бритыхъ головъ своихъ, а иные кладутъ ихъ на голую грудь; и что самъ онъ, Михайль, такого распенія не видалъ, имени его не знаетъ, называютъ же его Самаркандскимъ.... Какъ сіе извѣстіе, заключилъ Поспелль, не разнорѣчишь съ словами другихъ лицъ, то я почти увѣренъ, что такое распеніе ни сколько не баснословно, во славу Творца Всемогущаго.“ (Commentarii Regum Moscoviticarum, 1600, p. 75).

„Намъ рассказывали, говоритъ Оларій, что за Самарою, между Волгою и Дономъ, распушь дыни или пыквы удивительнаго рода: онѣ величиною съ обыкновенную дыню, а наружнымъ видомъ похожи на ягненка, имѣя ясные признаки членовъ живошнаго; опъ сего по-Русски, называются *Боранцами* (Boranetz). Созрѣвая, сіи плоды перекашываются съ мѣста на мѣсто, по мѣрѣ длины стебля, идущаго какъ бы опъ пупа къ корню, и изсушаютъ подъ собою праву, или, по словамъ Россіянъ, *пожираютъ* ее. Когда плодъ созрѣетъ, стебель увядаетъ, а кожа дѣлается курчавою, какъ на ягненкѣ: ее можно, по мнѣнію Россіянъ, дубить и приготовить для зимней одежды. Въ Москвѣ намъ показывали нѣсколько небольшихъ лоскушковъ опъ поспелнаго покрывала, сшитаго,

будто бы, изъ овчины Боранца. Шерсть на нихъ мягка и курчава, какъ на ягненкѣ.“
Auszführliche Beschr. der kund. Reyse . . . стр.
155.

Многіе изъ другихъ иноземцевъ, бывшихъ въ Россіи въ XVI и XVII столѣтіяхъ, рассказываютъ о Боранцахъ въ такомъ же смыслѣ, какъ чиналь гдѣ—по нашъ Маржеретъ, напримѣръ Рейтенфельсѣ (*de rebus Moschoviticis . . . 1680, стр. 258*) и особенно Стрѣйсѣ (*The voyages of J. Struys through Moscovia . . . 1683 стр. 180*). Ученый Келдферѣ (въ началѣ XVIII ст.) первый началъ увѣрять, что овчины такъ называемыхъ Боранцевъ получающа не съ распеній, а съ ягншатъ, вынущихъ изъ машерней упробы еще до рожденія. (см. *Витсена стр. 288*). Впрочемъ источникъ этой сказки неизвѣстенъ.

11) Въ Аспрахани Англичане торговали съ Персіею весьма дѣятельно со временъ Іоанна IV, который въ 1567 и 1569 г. далъ важныя выгоды купцамъ Англійскимъ, по ходатайству посланника Елисаветы Антонія Дженкинсона: они могли ѣздить изъ Россіи въ Персію, имѣть селеніе на рѣкѣ Вычегдѣ, съ правомъ плавить тамъ желѣзную руду, и коншору въ Ярославль; вездѣ купечествовали свободно, безъ пошлинь, вездѣ строили жилища, лавки; чеканили для себя шалеры и судились только судомъ. Оприч-

нины. Самъ Дженкинсонъ описалъ свои переговоры съ Іоанномъ въ любопытныхъ донесеніяхъ, помѣщенныхъ въ чрезвычайно рѣдкомъ собраніи разныхъ путешесствій: Purchas his pilgrimes, in five bookes. London, 1625, томъ 5. Дженкинсонъ былъ въ Рязани, Касимовѣ, Муромѣ, Нижнемъ Новгородѣ, Свіяжскѣ, Казани, Аспрахани, Ургенцѣ, Бохарѣ, Ташкеншѣ, Самаркандѣ, Балкѣ. О всѣхъ мѣстахъ, имъ видѣнныхъ, онъ оставилъ важныя извѣстія, кои могутъ пояснить тогдашнюю нашу восточную торговлю. Борисъ Годуновъ и Михаилъ Ѳеодоровичъ утвердили у насъ монополію. Англичанъ, которая продолжалась до времени Царя Алексѣя Михайловича: сей благоразумный Государь, руководствуясь мудрою Полишкою, уничтожилъ оную въ 1649 году.

12) Около 1586 года Сибирь должна была доставлять въ Казну ежегодно 200,000 соболей, 10,000 лисицъ черныхъ, 500,000 бѣлокѣ. *Карамз. Истор. Госуд. Россійс. X. прим. 44.*

15) Россіяне положили основаніе Сибирскимъ городамъ: Тобольску въ 1587 году, Пелыму, Березову въ 1592, Тарѣ 1594, Нарыму и Кетскому Острогу въ 1596. Въ дѣлахъ посольскихъ 1686 говорится уже о 94 горо-

дахъ Сибирскихъ. Ист. Госуд. Рос. X. прил. 44.

14) Grande bataille de Agria. Авторъ разумѣеть вѣроятно завоеваніе Егера или Эрлау въ Верхней Венгріи, въ 1596 году Султаномъ Магомешомъ III, послѣ упорнаго сопротивленія Христіанъ, ободряемыхъ Героемъ Терцки.

15) Въ подлинникѣ: *Bozisor, Gorod, Zagorod. Борисовъ*, въ послѣдствіи Новый Царевъ Градъ, находился на Осколѣ, при впаденіи въ оный рѣчки Бахшина, какъ видно изъ современной карты Олеаріевой, также и изъ приложенной къ сей части карты О. Б. Годунова. Тамъ нынѣ находится Царево-Борисовъ. *Бѣлгородъ* (если только Авторъ разумѣеть сей городъ и не соединяетъ *Gorod* съ предыдущимъ *Bozisor*), по свидѣтельству Древней Россійской Идрографіи (спр. 24.) „стоялъ на Донцѣ, на *Бѣлой горѣ*, на правой странѣ Донца, и послѣ Липовскаго разоренья, перенесенъ на другую страну Донца, съ нижнія страны *Бѣлаго кладезя*, отъ берега Донца, отъ Спараго городища, 380 сажень.“ Тамъ находился онъ и нынѣ въ 125 версахъ отъ Курска. *Царевъ - городъ* находился въ 8 версахъ отъ Изюмскаго перевоза или нынѣшняго Изюма, на сѣверномъ Донцѣ (Древ. Рос. Идрогр. 30).

16) Ils tiennent ce Zaragorod n'estre qu'à huit journées du grand—Cam. C'étoit autrefois le rendez-vous des Tartares, lors qu'ils s'assembloient pour venir fourager l'Europe. Подъ словомъ *du grand Cam* Авторъ разумѣетъ Крымъ.

17) Самые большіе лоси находились въ лѣсахъ близъ Роснова, Вычегды, Новагорода, Мурома и Перми. *Карализ. X. 251.*

18) Лизекъ, секретарь Цесарскаго посла, бывшаго въ Москвѣ въ 1675 году, увѣряетъ, что дорога отъ Смоленска до Москвы была весьма опасна отъ множества волковъ, которые изъ темнаго, непрерывнаго лѣса бросались на путешественниковъ. *Relatio.... strictim recensita per Ad. Lyseck. 1676. cap. VII.*

19) Предки наши не ѣли шеляпины до начала XVIII столѣтія, когда спали продавать ее на рынкахъ, вмѣстѣ съ прочими съѣстными припасами. *Mons. de la Neuville: Relation... de Moscovie, стр. 26.*

20) „Прежде, говоришь Флепчеръ, воску оппускалось 20,000, а нынѣ, т. е. въ 1588 г. только 10,000 пудъ: ибо Россія уже не имѣетъ Нарвской приспани.“ *Карализ. X. пр. 425.*

21) „Россіяне всякаго возраста, пола и

званія, до такой степени заражены страстию къ вину, что они смотрятъ равнодушно, какъ на дѣло обыкновенное, когда пьяные мужчины и женщины валяются въ грязи по улицамъ. Ни одинъ не упустилъ случая вдоволь напишья, особенно горячаго вина. Госпю обыкновенно подносятъ добрую чашу вина Царскаго; причемъ, если какой нибудь знатный Бояринъ подчуетъ просолодина, то сей послѣдній считаесть неприличнымъ опказывающьяся, сколько бы ему ни подносили, доколь вино не сшибесть его съ ногъ. Не только чернь, но и Бояре, самыя послы Царскіе, болѣе всѣхъ обязанныя внушають уваженіе къ своему Государю при Дворахъ иноземныхъ, не знаютъ никакой мѣры на пиршествахъ, пьютъ вино, какъ воду, теряютъ рассудокъ, нерѣдко самую жизнь. Такъ великій посоль Царскій, прѣхавшій въ 1608 году ко Двору Карла IX, Короля Шведскаго, до того напился крѣпкаго хлѣбнаго вина, что наканунѣ аудіенціи найденъ былъ мершвымъ въ постелѣ.“ *Олеарій, 194.*

22) Ссылаясь на Русскія Лѣтописи, Авторъ хочетъ показатъ, что онѣ ихъ чинялъ; но въ приведенномъ опривкѣ столько ошибокъ, что не лзя не бысть увѣрену въ противномъ. Рюрикъ не былъ Княземъ Владимірскимъ; а Максимилианъ I, прежде всѣхъ западныхъ Вѣнценосцевъ называвшій Импе-

рапоромъ Государя Россійскаго — Василя Іоанновича,—умеръ слишкомъ за 10 лѣтъ до рожденія Іоанна IV. *Карамз. II. Г. Р. VII. пр. 101.*

25) Ils appellent le Roy de Perse *kisel Bascha*. Et le Turc *Veliqui Ospodar-tursk*, qui veut dire grand Seigneur de Turquie. *Кызылбашъ* на Турецкомъ языкѣ значить *красноголовый*. Персы гордились симъ именемъ, по извѣстію Олеарія. Слова: *Кызылбашы*, *Кызылбашскій посланникъ* употреблялись у насъ до временъ Петра Великаго. Впрочемъ въ Государственныя бумагахъ XVII столѣтія, Владѣтель Персидскій чаще назывался *Шахомъ*, а Турецкій *Салтаномъ Турскимъ*.

24) Елисавета именовала Іоанна IV Императоромъ. *Карамз. IX. прим. 266.*

25) Супруги Іоанна IV: 1. Анастасія Романовна (соч. брак. 1547 года; умер. 1560). 2. Марія Темгрюковна (1561—1569). 3. Марѳа Васильевна, дочь купца Новгородскаго (1571). 4. Анна Алексѣевна (бракъ сей утверждень Духовенствомъ 1572). 5. Анна Васильчиковна (около 1575 — безъ имени Царицы). 6. Василиса Мелешьева (*Женище*). 7. Марія Θεодоровна (1580—), мать Св. Димитрія Углицкаго.

26) Іоаннъ IV имѣлъ пять сыновей: ошъ

Анастасіи Романовны—Димитрія (1552—1555),
 Іоанна (1554—1582) и Θεодора (1557—1598);
 опъ Маріи Темгрюковны — Василя (1568), и
 опъ Маріи Θεодоровны — *Димитрія* (19 Ок-
 тября 1585—15 Мая 1591).

27) Въ подлинникѣ: *Le bruit court qu'il tua son aîné de sa propre main. Ce qui se trouve autrement. Car combien qu'il le frappa du bout d'un baston ferré d'une poincte d'acier carrée, lequel baston est en forme de crosse, nul ne l'osant porter que les Empereurs, qui est un baston dont iadis les grands Ducs recevoient hommage du Tartare Diotkrim, il fut aucunement blessé du coup, mais n'en mourut pas, ains quelque temps apres en un pelerinage. Что значить выраженіе du Tartare Diotkrim—мудрено догадаться; думаю, что это опечатка: Авторъ, кажется, хотѣлъ сказать du Tartare dit Krım, какъ онъ называется Крымскаго Хана въ другомъ мѣстѣ. Впрочемъ изъ Истории не видно, чтобы Ханы Крымскіе присылали нашимъ Государямъ жезлы въ знакъ покорности.*

28) Вообще въ смерти Царевича Іоанна обвиняють опца его. *Карамз. IV. пр. 610. и 612.*

26) „Народъ . . . опвергнуль или забыль названіе *Мугителя*, данное ему современни-

ками, и по темнымъ слухамъ о жестокости Иоанновой, донынѣ именуешь его только *Грознымъ*.“ *Карамзинъ*.

Маржереть называетъ сего Государя: *Johannes Basilius surnommè le Tiran*.

30) Извѣстіе Маржерета о возведеніи Симеона Иоанномъ IV на пресполь Московскій подтверждающъ не только индспранцы, напримѣръ Флетчеръ, но и наши Лѣтописи; въ Морозовской, рукописной сказано: „Царство (Іоаннь) раздѣли на двѣ части: „едину себѣ отдѣли, другую же Царю Симеону Казанскому поручи; самъ же Государь отъиде отъ единыхъ малыхъ градовъ, въ градъ зовомый Спарицу, и тамо жишельсвуя; а другую часть Царя Симеона именована Земщина.“

Сверхъ того, недавно открытъ любопытный Государственный актъ, хранящійся въ списокѣ, въ архивѣ Тульс. Двор Депут. Собр. и напечатанный въ 8 N° Московскаго Телеграфа на 1850 годъ: эпо—грамма, писанная въ 1576 (9 Февраля 7084 въ Москвѣ), достопамятная не содержаніемъ, а своею формою; начинается она словами: „Отъ Великаго Князя Симіона Бекбулашовича есеа Русіи „во Мценской уѣздъ, въ Чернской спанъ“ и проч. На оборотѣ надпись: „Князь Великій всеа Россіи. Первой день.“ Только эпошъ Симеонъ былъ, вопреки Маржерету, не Ка-

занскій Царь, взяшый въ плѣнь Іоанномъ IV, или Едигерь (см. выше прим. 9), а вѣроятно же Касимовскій, коего отецъ Бекбулашъ, брашь Еналея и Шигъ-Алея, поселился въ Россіи послѣ 1562 года (см. Москов. Телегр. на 1851 г. № 20). Симеонъ Казанскій (Едигерь) умеръ въ 1565 году, въ чемъ удостовѣряетъ современная Лѣтопись Московская: „Авг. въ 26, „въ недѣлю, преспавился Казанскій Царь „Едигерь, а въ Св. Крещеніи Царь Симеонъ „Касаевичъ, и положенъ бысть у Архиспрашига „Михайлова Чюда въ монашырѣ, у церкви „Благовѣщенія Пречиспья на полуденной „спранѣ.“ (Карамз. *Ист. Госуд. Рос.* IX. пр. 157).

Ошибка Маржерета тѣмъ удивительнѣе, что онъ зналъ лично Симеона и разговаривалъ съ нимъ.

Слова Авшора: „Іоаннъ короновалъ его „(Симеона) и предоспавиль ему весь Царскій „шипулъ; самъ же, *поспроивѣ дворецѣ про- „тивѣ Кремля*, повелѣлъ называтъ себя Ве- „ликимъ Княземъ Московскимъ,“ поясняяшся слѣдующимъ извѣстіемъ нашего Лѣтописца: „Царь и В. К. учинилъ Опришнину: изъ града и изъ двора своего перевезся жиши за Неглинну на Воздвиженскую улицу, на К. Михайловскій дворъ Темрюковича, и велѣлъ на томъ дворѣ хоромы строити Царскія и ограду учинити, и все строеніе новое спавити, городъ и дворъ свой.“ (Карамз. IX. пр. 158).

31) Въ подлинникѣ: Il maria son second fils à la *fille* de Boris Federvits — безъ сомнѣнія опечатка: въ послѣдствіи Маржеретъ вездѣ называешъ супругу Θεодора сестрою Годунова.

32) Въ правленіе Θεодора, Борисъ основаль Архангельскъ, крѣпости по Волгѣ: Цывильскъ, Уржумъ, Царевъ-городъ на Кокшагѣ, Санчурскъ, Самару; сверхъ того: Уфу, Пелымъ, Березовъ, Сургушь, Тару, Нарымъ, Кетскій Острогъ; Ливны, Кромы, Воронежъ, Бѣлгородъ, Осколь, Валуйку.

33) Царевичъ Димитрій удалился въ Угличъ по завѣщанію отца своего, который на смертномъ одрѣ назначилъ ему сей городъ въ удѣль: слѣдовательно Борисъ не могъ бытъ виновникомъ мнимой ссылки Димитрія.

34) На сей *молвѣ* Маржеретъ основываетъ свои доказательства, будто бы Лжедимитрій былъ сыномъ Іоанна Грознаго!

35) Данило Бишяговскій, сынъ Дьяка Бишяговскаго, правившаго въ Угличѣ хозяйствомъ вдовспвующей Царицы. Злодѣю помогаль Качаловъ. См. во 2 часпи *Розыскѣ о смерти Царевича Димитрія*.

36) Папріархъ Іовъ въ *Повѣсти о гест-*

немиѣ житіа. . . Царя Феодора Иоанновича (см. Русск. Лѣт. по Никои. списку, VII. 328), говоритъ: „Самый царствующій богоспасае-
 „мый градъ Москву, яко нѣкую невѣсту
 „преизрядною лѣпою (Борисъ) украси; мно-
 „гія убо въ немъ прекрасныя церкви камен-
 „ныя созда и великія полаты успрои, . . .
 „и стѣны градныя окрестъ всея Москвы
 „превелики каменны созда, и величества ра-
 „ди и красоты проименова его Царь-градъ;
 „внупръ же его и полаты купеческія созда
 „во упокоеніе и снабненіе шоржникомъ.“

37) Вдовствующія Великія Княгини и Царицы не всегда чрезъ 6 недѣль удалялись въ монастырь: мать Иоанна IV около 5 лѣтъ правила Государствомъ, вдова же сего Государя неволею посприжена чрезъ 7 лѣтъ послѣ его смерти.

38) Описывая избраніе Бориса Годунова на престоль, Авраамій Палицынъ говоритъ: „Патріархъ же со всѣмъ освященнымъ соборомъ приемлютъ икону Машери всѣхъ Бога, и иже на ея пречистую руку воображень младенецъ, держай всю шварь словомъ величїя, написанный Лукою Евангелистомъ.“ Сїя икона находящаяся въ Успенскомъ Соборѣ и извѣстна подъ именемъ *Владимірской*.

39) Непонятно, какъ вкралась эта ошиб-

ка: Свв. Софія, Елена, Магдалина были почи-
шаемы ешолько же, какъ и нынѣ.

40) Папріаршество учреждено въ 1589
году, при Феодорѣ Іоанновичѣ.

41) По извѣстію Оларія, овдовѣвшій
Священникъ могъ служить шолько заупреню
и вечерню; не приобщалъ Св. шамнѣ и не
кресшилъ младенцевъ.

42) Оларій рассказываетъ, что Пап-
ріархъ сослалъ одного Священника, вздумав-
шаго, вопреки обычаю, проповѣдывать въ
церкви. Эшотъ обычай опмѣненъ Папріар-
хомъ Никономъ, копорый восхищаль народъ
своимъ краснорѣчіемъ.

43) Первая Московская Типографія заве-
дена въ 1555 году. Древнѣйшая изъ печатан-
ныхъ въ оной книгъ—Дѣянія Апостольскія—
издана 1564 года.

44) Въ подлинникѣ: Deux fois l'an les fleu-
ves et eaux courantes y sont bénistes, et après
ladite bénédiction l'Empereur et les grands ont
accoutumé de sauter dedans l'eau, mesmes j'ay
veu couper la glace à cet effet, et l'Empereur
sauter dedans.

45) Оларій видѣлъ обрядъ сей при Ми-

хаилъ Теодоровичъ, — опмѣненный въ 1678 году Московскимъ Соборомъ. *Древ. Рос. Вивлиоика*, II. 529. VI. 557.

46) Еще при Василии Иоанновичъ, какъ пишеть Іовій, предки наши не шерпѣли Евреевъ и запрещали имъ жишь въ Москвѣ. По извѣстію Олеарія, назвашь Русскаго жи-домѣ — было самою обидною бранью. Папишовъ также не любили. *Стр.* 317.

47) Стефанъ Баторій и Сигизмундъ Баторій управляли Трансильванією въ зависимости опъ Римскаго Императора. *Schmidt's Geschichte d. Deutschen* VII. 501. VIII. 121.

48) Авпоръ, безъ сомнѣнія, разумѣеть Кремль: но Кремлевскія стѣны и башни воздвигнушы въ правленіе Іоанна III разными Италіянскими художниками. *Карамз.* VI. 78.

49) По извѣстію Пешрея, современника Маржерету, въ Москвѣ считалось 4,500 церквей, а въ Кремль 50. Олеарій уменьшаеть число ихъ до 2,000. Окружность столицы, по его же словамъ, простиралась на 3 Нѣмец. мили. *Стр.* 146.

50) Clops hospodaro.

51) Правежь могъ продолжаться не бо-

лѣ мѣсяца, какъ сказано въ Судебникѣ. Онъ опмѣненъ Пешромъ І; Виронъ однако употреблялъ его нерѣдко въ царствованіе Анны Іоанновны для взысканія недоимокъ. *Болтина Прилѣг. на Ист. Деклерка. II. 468.*

52) Доселѣ мы еще не имѣемъ подробнаго извѣстія о свадебныхъ Русскихъ обрядахъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ: въ Исторіи Государства Россійскаго находимъ только описаніе брака Великокняжескаго; предлагаю отрывокъ изъ сочиненія Оларія, въ дополненіе къ Маржерету:

„Хотя Венера, говоритъ онъ, соблазняетъ Россіянъ не менѣе другихъ людей; но имъ неизвѣстны публичные дома, копорые, къ сожалѣнію, нерѣдко встрѣчаются въ другихъ странахъ, напримѣръ, въ Персіи, гдѣ Правительство получаетъ отъ нихъ значительную прибыль. Россіяне наблюдаютъ брачные уставы: мужъ имѣетъ только одну жену; вдовецъ можетъ жениться въ другой и третій разъ: болѣе законъ не дозволяетъ, —и Священникъ, вѣчавшій кого либо на четвертой женѣ, лишается сана. Священникъ церкви, совершающій таинства, долженъ быть непременно женатый; если жена его умретъ, онъ остаётся навсегда вдовцемъ, или, скинувъ рясу, переходитъ въ купеческое и другое свѣтское званіе.

„Заключая брачные союзы, Россіяне

осшерегающа близкаго родства, даже свойства: посему двое родныхъ брашьевь не могутъ женишься на двухъ сестрахъ; кума не выходишь за кума. Свашовство же производишь такимъ образомъ:

„Юноши не могутъ бесшдовашь съ дшвицами и шшь менше искашь ихъ руки, или шребовашь ихъ согласія на брачные узы: эшо—дшо родителей. Обыкновенно ошецъ взрослой дочери, имья на примшь жениха, ошправляешся къ нему на домъ и заводишь ршь о невшспшь или съ нимъ, или съ его родными и друзьями, спарашся внушишь ему доброе объ ней мшние и ошопу женишься. Если предложене понравится и родные жениха пожелають видшь ее: ошецъ сперва не соглашашся исполнишь сего шребованія, но потомъ дозволяешь посмошршь свою дочь въ присушствіи мащери, или подруги, особенно когда дшвица не дурна собою. Требуешся шолько, что бы она не имья очевидныхъ недосшашковъ, не была бы, на примшь, слша или кривонога: шогда родители и друзья съ обшхъ шпоронъ договаривающа о приданомъ и другихъ условіяхъ брака.

„Но люди сколько нибудь значительные воспитывають своихъ дочерей въ недосшупномъ шеремъ, скрывает ихъ ошь взора посшороннихъ — и женихъ не прежде видишь свою невшспу, какъ шогда, когда шриведуть ее къ нему въ спальню. Посему не-

рѣдко случается, что вмѣсто красавицы, онъ находитъ какого нибудь урода, вмѣсто дочери Боярина, совсѣмъ иную дѣвицу, даже служанку. Удивительно ли, если мужъ нерѣдко живетъ съ своею женою, какъ кошка съ собакою, и если жена обыкновенно терпитъ безпрестанные побои?

„При Княжескихъ и Боярскихъ свадьбахъ наблюдаются слѣдующіе обряды:

„Со стороны жениха и невѣсты назначаютъ двухъ женщинъ, копорья, подъ именемъ *свахъ*, хозяйничаютъ въ томъ домѣ, гдѣ празднуется свадьба. Сваха невѣстина въ день брака отправляется въ домъ жениха и приготавливаетъ брачное ложе: ее провожаютъ до 100 служителей въ кафтаняхъ; каждый изъ нихъ несетъ что нибудь на головѣ для убранства спальни и постели. Брачное ложе спелютъ на 40 ржаныхъ снопахъ, заранее женихомъ приготовленныхъ. Подлѣ нихъ спавятъ нѣсколько кадей съ ячменемъ, овсомъ и пшеницею, для того, чтобы молодые жили всегда въ изобиліи и довольствѣ.

„По окончаніи всѣхъ нужныхъ приготовленій, женихъ отправляется поздно вечеромъ съ своими друзьями (*Freunde*) въ домъ невѣсты; предъ нимъ ѣдетъ Попъ, копорый долженъ вѣнчать его. Друзья невѣстины, ласково принявъ жениха со всѣми провожаемыми, главнѣйшихъ, или ближайшихъ изъ

нихъ сажаютъ за столъ, гдѣ не болѣе прехъ кушаньевъ, которыхъ никто однако не прогаепъ. На первомъ мѣстѣ сидитъ мальчикъ: женихъ, поговоривъ съ друзьями невѣсшы, сводитъ его учтиво и самъ на оное садится. Потомъ приводятъ невѣсшу, закушанную въ великолѣпную одежду и сажаютъ рядомъ съ женихомъ; а чшобы они не увидѣли другъ друга, протягивается между ними красная шафта, которую держатъ два мальчика. Послѣ того, являешся сваха, расчесываетъ у невѣсшы волосы, распущенные по плечамъ, заплетаетъ ихъ въ двѣ косы и надѣвъ ей на голову корону (кику), оставляетъ ее съ открытымъ лицомъ. Корона дѣлается изъ плоскаго золота или серебра съ камчатнымъ подбоемъ; по краямъ же оной, близъ ушей, висятъ по 4, 6 и болѣе жемчужныхъ нитокъ, такъ что, если дѣвица нѣсколько наклонится, подвѣски сіи падаютъ ей на грудь. Ферезъ ея бываетъ вышитъ крупнымъ жемчугомъ спереди, около рукавовъ (длинныхъ въ 3 аршина) и по воротнику шириною въ 3 пальца. Такая одежда стоить иногда гораздо болѣе 3,000 палеровъ.

„Сваха чешетъ и жениха; между шѣмъ женщины, стоя на скамейкахъ, поютъ шутовскія пѣсни. Потомъ приходятъ двое юношей въ красивой одеждѣ съ сырѣмъ и хлѣбомъ на подносѣ, увѣшанномъ соболями. Это называется *крабейникомъ* (караваемъ?).

Священникъ благословляетъ крабейникъ , который опносятся въ церковь. Послѣ того ставятъ на столъ большую серебряную мису , наполненную чешыре-угольными опрѣзками апласа , шафшы , сколько нужно для небольшого кошелька , также квадрашными серебряными пластинками , перемѣшанными съ хмѣлемъ , овсомъ , ячменемъ. Сваха , накрывъ невѣсту , осыпаетъ изъ мисы всѣхъ Бояръ и друзей жениховыхъ : они же — если хопяшъ — подбираютъ съ земли кусочки серебра и апласа ; во все это время поются пѣсни безъ умолку. Въ заключеніе родители невѣсты и жениха , вставъ съ своихъ мѣстъ , размѣниваютъ кольца молодой чешы.

„По окончаніи сихъ обрядовъ , сваха выводитъ изъ дома невѣсту , сажаетъ ее въ сани и везетъ въ церковь подъ покрываломъ. Шея лошади , запряженной въ сани , также и хомушъ увѣшивающа лисьими хвостами. За невѣстою слѣдуетъ женихъ верхомъ съ дружками и Священникомъ , который иногда уже на вечеринкѣ шакъ хорошо подгуляетъ , что его надобно поддерживать , дабы онъ не свалился съ лошади ; ему нужна сія помощь и въ церкви , когда онъ опсправляетъ свою обязанность. Подлѣ саней идутъ нѣсколько пріятелей и слугъ , поющихъ самыя нескромныя пѣсни.

„Частъ церковнаго помоста , гдѣ происходитъ вѣнчаніе , покрываютъ красною шаф-

шою, и сверхъ того, подъ ноги новобрачныхъ спелюшь особенную тканьъ. Предъ началомъ обряда, подаюшь Священнику пироги и пасшеты, а надъ головою жениха и невѣсты держашь большія иконы.

„Священникъ, благословивъ чепу, берешь у жениха правую руку, а у невѣсты лѣвую, и соединивъ ихъ, спрашиваетъ новобрачныхъ прижды: желаютъ ли они жить другъ съ другомъ? Когда же услышишь проекрапное да, обводишь ихъ вокругъ и поешь 128 псаломъ: а они подпѣваюшь ему, приплясывая *). Послѣ того, кладешь имъ на голову красивые вѣнцы (вдовѣ же, или вдовцу на плечо), съ сими словами: *растите и множитесь; что соединяетъ Богъ, того не расторгнуть теловѣку.* Между шѣмъ, всѣ гости, находящіяся въ храмѣ, зажигаюшь небольшія восковыя свѣчи и подаюшь Священнику деревянную вызолоченную чашу, иногда же хрустальный кубокъ, съ краснымъ виномъ: онъ пьешь чашу за здоровье новобрачныхъ, которые также должны осушишь ее прижды. Женихъ, ударивъ сосудомъ о землю, топчешь его вмѣстѣ съ невѣстою, приговаривая: *такъ да погибнетъ подъ нашими ногами, кто вздумаетъ ссорить и мутить насъ.* Въ заключеніе женщины осыпаюшь молодыхъ

*) Трудно повѣрить. *Издатель.*

льнянымъ и коноплянымъ сѣменемъ, желая имъ всякаго благополучія; причемъ дергають невѣсту, какъ будто стараются отнять ее у жениха; но онъ держитъ ее крѣпко и проводивъ до саней, садится опять на лошадь. Подлѣ саней несутъ шесть восковыхъ свѣщильниковъ и припѣваютъ по прежнему всякую всячину.

„Изъ церкви возвращаются къ жениху; гости садятся съ нимъ за столъ, ѣдятъ, пьютъ и веселятся; невѣсту же немедленно раздѣваютъ и кладутъ въ постель. Лишь только молодой примется за первое блюдо, его пребудутъ къ невѣстѣ: предъ нимъ идутъ шесть или восемь мальчиковъ съ горящими факелами. Молодая, услышавъ о его приближеніи, вскакиваетъ съ постели и, накинувъ на себя соболью шубу, привѣтствуетъ милаго наклоненіемъ головы. Мальчики, вошкнувъ свѣчи въ кадъ пшеницы и ячменя, получаютъ въ подарокъ по парѣ соболей и выходятъ вонъ. Женихъ садится за накрытый столъ вмѣстѣ съ невѣстою, которую онъ только теперь видитъ въ лице. Имъ подають кушанья, между прочимъ жаренаго пѣшуха; женихъ, разорвавъ его на части, бросаетъ первый кусокъ — ногу или крыло — чрезъ себя, а другой ѣстъ. По окончаніи ужина, впрочемъ непродолжительнаго, молодые ложатся въ постель; за дверьми же спальни остается одинъ только старый

служитель; и между шѣмъ, какъ друзья и родные ворожатъ и колдуютъ для счастья новобрачныхъ... гремятъ трубы и лишавры. Чрезъ нѣсколько часовъ, молодые идутъ въ баню, гдѣ они моются отдѣльно водою, виномъ, медомъ; за симъ юная жена даритъ мужа новою сорочкою съ жемчужнымъ на воротникѣ узоромъ.

„Слѣдующіе два дня проводятъ въ роскошныхъ пирахъ, пляскахъ и разныхъ увеселеніяхъ, какія только могутъ выдумать, при звукахъ музыкальныхъ инструментовъ и между прочимъ *псалтиря*, инструмента, похожаго на гусли: его держатъ близъ груди и пальцами перебираютъ струны, какъ на арфѣ. На сихъ то пирахъ, когда мужа порядочно подгуляютъ, жены ихъ находятъ случай повеселиться съ посторонними мужчинами..... Такъ женятся люди знашные.

„Въ случаѣ же свадьбы простолюдина, женихъ посылаетъ невѣстѣ наканунѣ брака новыя платье, шапку и пару сапоговъ; сверхъ того, ларчикъ съ румянами, гребнемъ и зеркальцемъ. Въ день свадьбы приходитъ Попъ съ серебрянымъ небольшимъ крестомъ, провождаемый двумя мальчиками, несущими зажженные восковыя свѣчи. Онъ благословляетъ сперва мальчиковъ, потомъ гостей; женихъ и невѣста садятся за столъ, раздѣляясь другъ отъ друга также красною шафшою; когда сваха начнетъ чесать невѣстѣ воло-

сы, молодые прижимаются другъ къ другу и прикоснувшись щеками, смопрятся въ зеркальце и посмѣиваются. Между шѣмъ свахи осыпають ихъ и гостей хмѣлемъ. Послѣ того всѣ отправляются въ церковь, гдѣ вѣнчаніе происходитъ съ шѣми же обрядами, какъ выше сказано.“ *Олеарій*, 220—215.

55) Пророкъ Іезекіиль говоритъ (гл. 2. ст. 9): „И видѣхъ, и се рука просперпа ко мнѣ, и въ ней свитокъ книжный. И (Богъ) разви его предо мною, и въ шомъ писана быша предняя и задняя: и вписано бяше въ немъ рыданіе, и жалоспъ, и горе“. Глава 5: „И рече ко мнѣ: сынъ челоувѣчь! снѣждь свитокъ сей, и иди, и рцы сыномъ Ісраилевымъ.“

54) Въ подлинникѣ *de Vorest* — правильнѣе Дворцовый приказъ.

55) *Setuart*. Слово чепверпъ употреблялось болѣе для означенія мѣры; вѣдомства же именовались обыкновенно *тетями*; при Іоаннѣ IV главные приказы Посольскій, Розрядный, Помѣстный, Казанскій назывались также чепями: первый вѣдалъ дѣла внѣшнія, второй воинскія, третій земли розданныя служивымъ людямъ, чепверпый дѣла Царствъ Казанскаго, Астраханскаго, Сибирскаго и всѣхъ городовъ Волжскихъ; первые

при приказа, сверхъ означенныхъ должностей, занимались и расправою обласныхъ городовъ. Вѣроятно сіи-по вѣдомства Маржерешъ именуешь чешями.

56) *Voit*. Въ старину величина полей означались, кромѣ десятинъ, сохами, вышями, и мѣрами посѣва, какъ то: чешвершями, коробьями, обжами, и проч. Въ *десятинѣ* считали 2 чешверши посѣва, *въ вышѣ* 12 чешвершей, въ *сохѣ* добрыя земли 800, среднія 1200, худыя 1800. Межевою Инструкціею 1755 года назначено на коробью ошмежевывать по 1 десятинѣ, а на обжу по 15, десятину же считашъ въ 2,400 квадр. сажень. См. Метрологию Петрушевскаго, стр. 295.

57) *Noua Setuart*. Новая чешь или чешвершъ вѣдала доходы съ пищевой продажи.

58) Въ подл. *Casna*. Другія вѣдомства Авшоръ называешъ такимъ образомъ: *Bolschoi Prichod*, *romiesnej pricas*, *Conusnej prikas*, *Roschodnoy Casna*. Вообще Маржерешъ пишешъ Русскія слова довольно правильно — для иностранца.

59) „Съ лошадей, продаваемыхъ въ городахъ и селахъ брашъ пошлину, отъ продавца деньгу, отъ купца деньгу же.“ *Судеб. § 94.*

60) По извѣстію Бера (стр. 209), Поляки, овладѣвъ Москвою въ 1611 году и разграбивъ Царскія сокровища, похищали сей скипетръ — единственный въ мірѣ по драгоцѣнности. Въ XVI и XVII столѣтіяхъ кость Единорога считали самымъ цѣлебнымъ лекарствомъ отъ всѣхъ вообще болѣзней. *Рихтерова Исторія Медиц.* II. 202.

61) Demy—muid, м. е. около 8 ведръ.

62) „А что Царь Государь, Князь Великій велѣлъ у гостей и у иноземцевъ у всякихъ и у всѣхъ людей, которые привозятъ бархаты, и камки, и всякое узорочье, и лошади, смотрѣть на себя Государя, что ему Государю пригодится, и какой гость, какой товаръ привезетъ, и таможенникомъ тому выписи приносить къ Дьякамъ; а доколь о томъ Дьякамъ выписи принесутъ и доколь осмотрятъ, что Государю пригодится, того товару таможенникомъ не отдавати и продавати не велѣтъ.“ *Уставная Таможенная Грамота 1571 года, въ Собр. Госуд. Грам.* II. 57.

63) Основываясь на семъ, Карамзинъ цѣнитъ рубль XVI вѣка въ 5 нынѣшнихъ серебряныхъ, или около 2 червонцевъ. *Ист. Гос. Росс. X. пр. 406.*

Въ 17 примѣчаніи къ Беровой Лѣпопи-

си сказано, что погдашній рубль (ш. е. 100 денегъ), былъ вѣсомъ около 15 золотниковъ, слѣдовательно цѣною равнялся одному червонцу. Это мнѣніе основано на извѣстіи Пеш-рея, который говоритъ, что 36 денегъ вѣсятъ менѣе 2 лоповъ (Muszkow. Chron. 601): слѣдовательно 100 денегъ, или рубль, имѣли вѣсу до 16 или 15 золотниковъ; а какъ нынѣ изъ фунта серебра выходитъ 19 руб. $75\frac{25}{81}$ к., то 16 золотниковъ соспавяшъ около 3 руб. 30 коп. серебромъ.

64) Ефимками назывались у насъ Рейхс-талеры; слово *Ефимокѣ* произошло отъ Joachimsthal. (Олеар. 223). Въ половинѣ XVII вѣка мы принимали ихъ по 50 коп. каждый и передѣлывали въ свою монету съ прибылью: ибо въ семь случаѣ 100 коп. вѣсили поллоша менѣе 2 ефимковъ.

65) Abtesqui Baiarj—едва ли не опечатка, вмѣсто Abtecarsqui.

66) Stolnic, Tshesnic, Strepsik, pages (жилы-цы, которыхъ Олеарій называетъ Edelkna-
ben).

67) Suietnoi Plati.

68) Schisteit Plati.

69) Наше войско состояло изъ пяти полковъ: большаго — главнаго корпуса, передоваго — авангарда, праваго, лѣваго и сторожеваго — резерва.

70) *Deti Bajarsqui et Sin Bajarsqui*. *Сынѣ* Боярскій безъ сомнѣнія есть единственное число; а *Дѣти* множественное; у насъ не было различія между *Сыновьями* и *Дѣтьми Боярскими*. — Такъ назывался въ старину многочисленный классъ людей воинскихъ: всякой обласный городъ, имѣя своихъ Бояръ, имѣлъ и Дѣшей Боярскихъ, кошорые составляли воинскую дружину первыхъ. Иоаннъ III, назначивъ земли или помѣстья Боярскимъ Дѣшамъ, обязалъ ихъ въ случаѣ войны приводить съ собою нѣсколько вооруженныхъ холопей или наемниковъ, конныхъ или пѣшихъ, соразмѣрно доходамъ помѣстья. *Карамз. И. Г. Р. VI. 344.*

71) *De genets des Gogiens*, опечатка, вмѣсто *Georgiens*, какъ называется Маржерепъ въ другомъ мѣстѣ Черкесовъ.

72) *Koip* — конь, *merip* — меринъ: т. е. Авторъ думаетъ, что конями назывались у насъ лошади Ногайскія, а меринами — Русскія.

73) Maritse. Эша болѣзнь извѣстна и нынѣ подѣ симъ же названіемъ.

74) Въ подлинникѣ: Croup qui est fait de millet et orge mondé. Mais le principal est fait d'avoine. Кажется ошибка, вмѣсто *ергневой*.

75) Petigorsqui Shercassi qui sont les Georgiens. „Въ рѣку Кубу пала рѣка Лаба изъ загорь, отъ Чернаго моря: шѣ горы и до Хвалимскаго моря. А въ шѣхъ горахъ по Терку (Тереку) и по инымъ рѣкамъ Пятигорскіе Черкасы, и Кабарда“ См. карту, приложенную къ сей часпи.—Турки осадили Аспраханъ въ 1569 году.

76) Терки или *Терская* крѣпость названа въ Древ. Рос. Идрогр. *Торки* и сказано, что она находится у Каспійскаго моря, въ 20 верстахъ отъ рѣки Койсы и въ 80 отъ Дербента.

77) *Lequel* (Симеонъ) *avoit épousé la soeur dudit Mistisloftsqi*. Въ 20 N° Москов. Телеграфа на 1851 годъ замѣчено, что супруга Царя Симеона, именемъ Анастасія, была дочь, а не сестра И. О. Мстиславскаго, и въ доказательство сего приведена слѣдующая надгробная надпись, сохранившаяся въ Симоновскомъ монастырѣ: „Лѣта 7115 (1607), мѣсяца „Іюня въ 7 день, на память свяшаго муче-

„ника Феодоса, преславия раба Божія Царя
 „Симеона Бекбулатовича Царица Настасья,
 „въ Иноцѣхъ Схимница Александра, Князя
 „Ивана дочь Федоровича Мстиславскаго.“ Г.
 Крипникъ забылъ, что говоришь Маржерешъ
 выше, на той же страницѣ: „а Мстиславско-
 му запрешилъ жениться.“ Авторъ вездѣ ра-
 зумѣеть Федора Ивановича Мстиславскаго,
 а не отца его Ивана Федоровича, о коемъ
 упомянуто въ надгробной надписи.

78) Это были *Рындьы*.

79) Въ подлинникѣ: *deux ou trois cens
Gentils-hommes.*

80) Царское привѣщаніе: „*Zar hospodar
y veliquei knes: N. fsia Russia ialoet tebe, qui
veut dire, l'Empereur Seigneur et grand Duc: N.
de tous les Russes te fait grace.*

81) *Patiski mieud*, qui veut dire, Medon de
miel vierge (т. е. липшюкъ изъ крупчашаго
меда). Предки наши любили медъ едва ли не
болѣе другихъ липшюковъ и умѣли пригото-
влять весьма искусно разные сорты онаго:
вишневыи, смородинныи, можжевельный, обар-
ный, приварный, бѣлый *патогный*, малино-
вый, черемховый, старый, вешній, медъ съ
гвозды, Княжій и Боярскій.

82) Apres iceux une duzaine d'hommes portant chacun un pot d'argent d'environ trois chopine chacun. 16 шопиновъ составляли 1 сепьеръ или полведра; слѣдовательно въ 5 шопинахъ или одномъ серебряномъ сосудѣ, о которомъ говоритъ Авторъ, было около шпофа.

85) Dix-huict ou vingt grands brocs. Слово *brocs* я перевожу *оловянники*; такъ назывались у насъ сосуды мѣрою въ одно ведро и болѣе: это видно изъ росписей яшвамъ и пишьямъ, посланнымъ съ Государева спола къ посламъ. Приводимъ одну изъ нихъ, въ поясненіе извѣстій Маржереша:

„Что послано къ послу отъ Государева спола ѣшвы и пишья, и тому роспись. Съ Сышнаго Дворца: кубокъ Романей, кубокъ Мушкашеля, кубокъ вина Францовсково бѣлого, кубокъ Баспру, к. Алкану (*Аликанту*), кубокъ Мармазеи (*Мальвазіи?*); Медовъ красныхъ: ковшъ вишневаго, ковшъ смородинново, к. меду мозжеелового, к. обарново, к. приварного, к. бѣлаго папочного, к. малинового, к. черемхового, к. спарого, к. вешнево, к. меду съ гвозцы; да въ оловянникахъ: ведро меду смородинново, ведро черемховово, в. мозжеелового, в. спарово, в. вешнево; да въ бочкахъ пять ведръ меду вишневого, 5 в. малинового, 5 в. боярсково, 5 в. обарново, 5 в. приварного выморозки, 10 в. меду папочнаго, 5 в. меду съ гвозцы, 20 в. меду

Княжого, 5 в. квасу медяного папачного. Съ Кормоваго Дворца: лебедь на восемь блюдъ, на блюдо крыло лебяжья пошроху, грудь баранья съ шафраномъ, жеравь (журавль) съ зельи на восемь блюдъ, ушя верченое, ушя съ огурцы, шеперевъ съ шафраномъ, шеперевъ съ сливами, ряби (рябчики) съ сливами, коспрець говяжій верченый, языкъ говяжій верченый, почки бараньи верченныя, ножки бараньи, плечико баранье верченое, чешверо куровъ росольныхъ молодыхъ съ инбиремъ, юрма уха курячья шафранная, уха курячья черная, уха курячья бѣлая, уха курячья съ умачемъ, маншы, калья съ лимоны, калья съ огурцы, калья въ лапшѣ, пирожки кривые, шокмачи, заяць въ лапшѣ, заяць росольный, заяць тушеный, заяць въ рѣпѣ, коспрець лосинь, часть лосины, осердье лошье крошеное, осердье лосье росольное, печень лосья, мозгъ лосій, чешверо куровъ верченыхъ молодыхъ, куря рожное, куря рафленое, куря безкостное, гусь шестная со пшеномъ Сорочинскимъ, пошрохъ гусинь, лышка вещчины, куря шестное, куря верченое окрашиванное съ лимоны, кундумы.— Съ Хлѣбнаго Дворца: хлѣбець крупичатый въ 5 колачей, перепеча крупичатая въ 5 колачей, колачь крупичатый въ 5 колачей, курникъ, колобъ, три пирожка подовые съ бараниною, блюдо пироговъ пряженыхъ кислыхъ съ сырёмъ, блюдо оладей приказныхъ большихъ, блюдо

копломъ, пирогъ подовой съ сахаромъ, пирогъ подовой съ мясомъ, пирогъ подовой съ яицы, пирогъ подовой съ сыромъ, коровой мягкой, коровой бипшой, коровой спавленой съ яицы, коровой спавленный съ сыромъ, на блюдо оладеекъ съ сахаромъ, на блюдо наливковъ, на блюдо пудроношъ, на блюдо пироговъ пряженныхъ съ сахаромъ, на блюдо пироговъ пряженныхъ съ сыромъ, на блюдо сырниковъ съ яицы, на блюдо сырниковъ съ сыромъ, на блюдо блиновъ красныхъ, на блюдо блиновъ тонкихъ, блюдо жаворонковъ, блюдо карасовъ съ мясомъ, блюдо лиспней со пшеномъ Сорочинскимъ, блюдо киселя бѣлого, спавець сливокъ, блюдо сыру губленово, горшечикъ молочка вареново, горшечикъ молочка Тверсково, блюдо хвороспу, блюдо елецъ, блюдо орѣховъ, блюдо ядеръ, блюдо шишекъ чешуйныхъ, блюдо мисенного.“ И. Г. Р. X. пр. 462.

84) Въ Манифестѣ Борисовомъ (см. 2 часнь Сказ. сов. о Дим. Сам. прим. 10) сказано: „что Разсприга, Опрепьевъ, сшелъ съ Москвы на Сѣверу (въ Сѣверскую область), въ 1603 году.“ Маржеретъ въ 1600 году былъ уже въ Россіи и вѣроятно очень хорошо помнилъ, когда разнеслась молва о Димипріи. Посему извѣстіе его о появленіи Самозванца въ 1600 году, весьма важно: оно даетъ

обильную пищу догадкамъ о родѣ и племени Лжедимишрїя.

85) Сраженіе происходило при Добрыничахъ, нынѣ село Добрунь, въ Сѣвскомъ уѣздѣ, на рѣкѣ Сѣвѣ.

86) Въ послѣдствїи Россїяне, особенно изъ высшаго класса, сдѣлались даже слишкомъ привязчивы къ словамъ, такъ, что Царь Алексѣй Михайловичъ счелъ нужнымъ издавъ въ 1675 году указъ слѣдующаго содержанія: „Великій Государь. . . . указалъ и Бояре приговорили: будетъ кто въ челобитьи своемъ напишетъ въ чьемъ имени или въ прозвищѣ, не зная правописанія, вмѣсто о—а, а—о, или вмѣсто ъ—ѵ, или вмѣсто ѵ—е, или вмѣсто и—і, или вмѣсто о—у, или вмѣсто у—о, и иныя въ письмахъ нарѣчія подобныя шѣмъ, по природѣ шѣхъ городовъ, гдѣ кто родился, и по обыкноспямъ своимъ говоришь и пишеть извыкъ, того въ безчестьѣ не спавишь, и судовъ въ томъ не давашь и не розыскиваешь; а кто кого браня, назовешь Княземъ безъ имени, и за то правишь безчестьѣ.“ *Полное Собраніе Законовъ, I. стр. 1000.*

87) Въ свадебномъ обрядѣ (см. 2 часть Сказ. совр. о Дим. Сам. спр. 208): „А пужи всѣ слаши сукны багрецы, а на нихъ барханы.“

88) Извѣстіе чрезвычайно важное! Послѣ такого свидѣтельства не остается сомнѣнія, что Самозванецъ даровалъ Шуйскому жизнь по ходатайству Царицы; почему же она вступилась за Шуйскаго? Отвѣтъ ясный: Лжедимитрій былъ не сынъ ея.

89) См. о семъ Берову Лѣтопись, стр. 66.

90) Шуйскій выбралъ Княжну Буйносову-Росповскую, свойственницу Нагихъ, Марію, на коей женился уже въ 1608 году.

91) По свидѣтельству Авраамія Палицына, Дьякъ сей былъ Тимошей Осиповъ, который, рѣшившись обличить Самозванца, пріобщился Св. таинъ, пришелъ во Дворецъ и сказалъ прямо въ глаза ему: „Ты воистину „Гришка Отрепьевъ, Разсприга, а не Цесарь „непобѣдимый, ни Царевъ сынъ Димитрій, „но грѣху рабъ и ерешикъ!“ Авраамій присо-вокупляешь, что Лжедимитрій поспѣшь велѣль Осипова казнить.

92) Справедливѣе въ Ярославль.

93) Въ послѣдствіи Маржеретъ опять явился въ Россіи, служилъ Вору Тушинскому и вмѣстѣ съ Гонсѣвскимъ разрушалъ Москву; въ Сентябрѣ же 1611 году удалился въ Польшу, былъ обласканъ Сигизмундомъ, но

кажешся не хошѣль ему служишь: ибо отъ 29 Января 1612 г. онъ писалъ уже изъ Гамбурга къ бывшему при Дворѣ нашемъ Резиденшу Англичанину Мерику, слѣдующее письмо, найденное мною въ 3 томѣ весьма рѣдкаго и драгоцѣннаго собранія Путешествій: *Samuel Purchas Pilgrimes, containing a history of the world in Seavoyages and Landtravels by Englishmens and others. London, 1625.*

„Милостивый Государь! Я не могъ упустить сего случая, чтобы не изъяснить моей готовности къ вашимъ услугамъ и крапко не увѣдомишь васъ о Москвѣ: она совсѣмъ не въ такомъ положеніи, въ какомъ мнѣ хошѣлось бы видѣть ее. Я оставилъ Г. Бревспера въ добромъ здоровьи; но черезъ три дня послѣ моего отъѣзда, городъ внутри Красной стѣны былъ вызженъ калеными ядрами, брошенными въ оной Русскими; уцѣлѣли только три дома. Англійское подворье превращено въ пепель. Г. Бревсперъ принужденъ былъ поселиться въ Дворцовомъ погребѣ, не имѣя друзей, кромѣ Мислославскаго (Misslofsqui). Генераль Ходкѣвичъ прибылъ въ Москву и оставивъ достаточное число людей для охраненія замка и Красной стѣны, самъ отправился къ Волгѣ за съспшными припасами для осажденных Москвитянами въ замкѣ Поляковъ. Король Польскій рѣшился симъ лѣпомъ пріѣхать въ Москву, и если Русскіе не получаютъ помощи

со стороны, въ чемъ и сомнѣнія бышь не можешь, шо сбудушся мои слова, которыя я писалъ къ вамъ въ послѣднемъ письмѣ, ш. е. они должны покориться. Пишу къ вамъ крашко, въ надеждѣ опправиться чрезъ Англію во Францію, и шамъ съ вами увидѣться. Примите М. Г. сіи спроки въ удостовѣреніе всегдашней готовности служишь вамъ. Тороплюсь опправить сіе письмо.“

94) См. выше примѣчаніе 33.

95) Догадки, ничѣмъ неподкрѣпляемыя! Самъ Лжедимишрій опровергаетъ ихъ: опкрывшись Князю Адаму Вишневецкому, онъ рассказывалъ, будто бы въ Угличѣ спасъ его отъ смерти какой-шо Докшоръ. *Собр. Госуд. Гр. II. 294.*

96) Свидѣтельство сіе важно: Маржерешъ былъ добросовѣстенъ и не могъ лгать шоль торжешвенно. Карамзинъ разрѣшаетъ загадку слѣдующимъ образомъ: „Доселѣ мы могли запрудняшся, говоришь онъ, однимъ важнымъ свидѣтельствомъ: извѣстный въ Европѣ Капитанъ Маржерешъ, усердно служивъ Борису и Самозванцу, видѣвъ людей и происшешвія собешвенными глазами, увѣрять Генриха IV, знаменишаго Историка де-Ту и читашелей своей книги о Московской Державѣ, что Григорій Опрещевъ былъ

не Лжедимишрїй, а совсѣмъ другой человекъ, который съ нимъ (Самозванцемъ) ушелъ въ Липву, и съ нимъ же возвратился въ Россію, велъ себя непристойно, пьянствовалъ, употреблялъ во зло благосклонность его, и сосланный имъ за то въ Ярославль, дожилъ тамъ до воцаренія Шуйскаго. Нынѣ, опытавъ новыя современныя преданія историческія, изъясняемъ Маржерешово сказаніе обманомъ монаха Леонида, который назвался именемъ Опрепьева для увѣренія Россіянъ, что Самозванецъ не Опрепьевъ *). Царь Годуновъ имѣлъ способы открытъ истину: тысячи лазутчиковъ ревностно служили ему не только въ Россіи, но и въ Липвѣ, когда онъ развѣдывалъ о происхожденіи обманщика. Вѣроятно ли, чтобы въ случаѣ столь важномъ Борисъ легкомысленно, безъ удостовѣренія, объявилъ Лжедимишрїя бѣглецомъ Чудовскимъ, коего многіе люди знали въ столицѣ и въ другихъ мѣстахъ, слѣдственно узнали бы и неправду при первомъ взорѣ на Самозванца? Наконецъ Москвитяне видѣли Лжедимишрїя, живаго, мертваго, и

*) Въ современной рукописной *Повѣсти о Борисѣ Годуновѣ и Разстригѣ*: „Прельсти съ собою отъити въ Кіевъ прехъ „Инокъ: Черныца Мисаила, да Черныца Венедикша, да „Черныца Леонида, Крыпецкаго монастыря—и жилъ въ Печерскомъ монастырѣ, и повелъ тому Леониду записъ своимъ именемъ, Гришкою Опрепьевымъ, а самъ ложно наименова себя Царевичемъ Димишрїемъ.“

все еще упвердительно признавали Діако^{на} номъ Григоріемъ; ни одинъ голосъ сомнѣнія не раздался въ потомствѣ до нашего времени.“ *Истор. Госуд. Россійс. XI. 320—321.*

97) Снимки подписей Лжедимитрія, на Лапинскомъ языкѣ, выгравированныя во II части Собранія Госуд. грамошъ, подтверждаютъ извѣстіе Маржереша: „въ нихъ, говорятъ Карамзинъ, видимъ слабую, невѣрную руку ученика.“ Невѣжество Самозванца въ Лапинскомъ языкѣ видно и изъ Русской подписи (приложенной нами къ портрету его въ I части Ск. сов. о Д. С.). Сія подпись находилась при договорной записи, данной Воеводѣ Сендомирскому еще въ Самборѣ 25 Мая, 1604 года (см. сію записку во II части Сказ, совр. о Д. Сам. пр. 37). Лжедимитрій хотѣлъ написать *Деметріусъ*, но ошибся и поставилъ *Демистри* (ибо такъ, кажется, должно читаться сію подпись, а не *Димитрій*, вопреки мнѣнію издашелей Госуд. грамошъ).

98) То есть ересь Люперову. Дьякъ Димитріевъ посланъ былъ Годуновымъ въ 1601 году съ Дворяниномъ Ржевскимъ, къ Датскому Королю для разрѣшенія споровъ о Кольскихъ и Варгавскихъ пустыняхъ.

99) Они и не думали сего доказывать, на-

зываетъ Лжедимитрія монахомъ Чудовскаго монастыря.

100) Такъ описываетъ Самозванца современникъ Кубасовъ: „Разсприга возраспомъ „маль; груди широки имѣя, мышцы толсты, „лице же имѣя не Царскаго достоянія; пре- „простое обличеніе имѣя, шѣло же его вель- „ми помраченно, оспроумень же паче и въ „наученіи книжномъ доволенъ, дерзоспень и „велерѣчивъ вельми, конское ристаніе люб- „ляше вельми, на враги свои ополчипелень, „смѣль вельми, храбрость имѣя и силу ве- „лію, воинство же зѣло любляше. Таковъ бѣ „Разсприга.“ Если Царское величіе въ спору, то сіе описаніе весьма сходно съ Маржерешовымъ.

101) Борисъ писалъ къ Сигизмунду съ посланникомъ своимъ Огаревымъ, какъ видно изъ опвѣщовъ пословъ Лишовскихъ нашимъ Боярамъ (въ 1608 году), что если бы Разсприга былъ и дѣйствительно сынъ Іоанновъ Димитрій, то онъ все еще не имѣлъ бы права на корону, будучи сыномъ незаконнымъ, отъ шестой или седьмой жены. *Карамз. Ист. Госуд. Росс. XI. пр. 237.* По свидѣтельству Флешчера, Годуновъ еще до убіенія Царевича, объявилъ его незаконнорожденнымъ, какъ сына шестой или седьмой Іоанновой супруги, не вѣль молишься о

немъ и поминашь его имени на Липургіи.
Каралз. X. пр. 222.

102) Лжедимитрій обязался выдать Воеводѣ Сендомирскому одинъ миллионъ золотыхъ и уступить его дочери въ вѣчное потомственное владѣніе Государства Новгородское и Псковское. Договоръ о семъ, подписанный Самозванцемъ, явленъ Королевскимъ Главнымъ Надзирашелемъ въ 1668 году. (См. II часть Сказ. совр. о Дм. Сам. пр. 57). Подобнымъ же договоромъ въ 1604 году Лжедимитрій отдавалъ одну половину Смоленской и Сѣверской областей Воеводѣ Сендомирскому, а другую Королю Польскому. *Соб. Госуд. грам. II. 139 и 165.*

105) Шуйскій, вступивъ на престоль, обнародовалъ слѣдующее показаніе любимцевъ Лжедимитріевыхъ, Спанислава и Яна Бучинскихъ:

„Сказывали въ распросѣ Спаниславъ да Янъ Бучинскіе, которые жили вверху у шайныхъ думы и у всякихъ у шайныхъ дѣлъ его (Самозванца):

„Канунъ де того дня, въ пятницу, Мая въ 16 день, какъ того Разстригу убили, говорилъ шопъ Разстрига наединѣ съ Княземъ Конспаншиномъ Вишневецкимъ, а они были шупожъ: „Время де мнѣ своимъ дѣломъ промышляти, чшобъ Государство свое ушвер-

„диши и вѣру коспела Римскаго распроспра-
 „ниши. А начальное де дѣло то, что Боярь
 „побиши; а не побить де Боярь, и мнѣ де
 „самому опъ нихъ бытъ убишу; а только де
 „побью Боярь, и язъ де что хочу, то учиню.“

„И Вишневецкій и они, Бучинскіе, мол-
 вили: да только ему побить Боярь, и за
 нихъ землею спанушь. И Разсприга де Гриш-
 ка молвилъ: „То де уже у меня умышлено
 „шѣмъ обычаемъ: велѣлъ де я вывезти за
 „городъ нарядъ весь, будшо для пошѣхи, и
 „въ сію де недѣлю, Мая въ 18 день, велѣлъ
 „шутю выѣхати за городъ, будшо спрѣльбы
 „смотриши, Воеводѣ и сыну его Староспѣ
 „Сенапцкому (Саноцкому), и Тарломъ и Роп-
 „миспру Доморапцкому, и съ нимъ всѣмъ
 „Полякомъ и Липвѣ, въ сбруѣ во всей и съ
 „оружьемъ; и какъ язъ выѣду на спрѣльбу,
 „а за мною будушь Бояре всѣ и дворяне; и
 „какъ учнушь изъ наряду спрѣляши, и въ
 „ту пору Полякамъ всѣмъ ударити на Боярь
 „и дворянъ, и ихъ побивати. А то де есми
 „указаль же, кому на кого на Боярь прѣха-
 „ши и убиши: Князя Оедора де Мспислав-
 „скаго убиши Михаилу Рапомскому, а Шуй-
 „скихъ-Тарлу да Спадницкимъ; а про иныхъ
 „Боярь также приказано, кому кого убиши;
 „а убиши де велѣлъ есми Боярь, кошорые
 „здѣсь владьютъ двадцашъ человекъ: и какъ
 „де шѣхъ побью, и во всемъ будешъ моя воля.“

„И они де, Бучинскіе, молвили: Москов-

ское Государство великое, спануть за Боярь
 всѣмъ Государствомъ, и Поляковъ и Липву
 всѣхъ самихъ побьютъ. И Разсприга Гриш-
 ка говорилъ: „Поляки де и Липва выѣдутъ
 „всѣ вооружены; да и извычай де у меня
 „попъ уже уложенъ, что на попѣхи со
 „мною часто выѣзжаютъ ропы вооружены,
 „урядясь, какъ на битву. Былъ де есми
 „на Вяземѣ, и со мною де былъ Роммиспръ
 „Доморашицкій со всею ротою во всей рап-
 „ной сбруѣ, да и здѣся ко мнѣ часто приѣз-
 „живали, урядясь, какъ на битву, и то де
 „будетъ уже никому непримѣтно, что выѣ-
 „дутъ нынѣ со мною Поляки и Липва въ
 „сбруѣ; а Бояре де и дворяне ѣздятъ за мною
 „проснымъ обычаемъ, и имъ де безъ оружья
 „что учиниши? А какъ де шѣхъ Боярь побь-
 „ютъ, и доспальные де всѣ успрашатся,
 „еще де иные на нихъ придутъ.“

„И они де Бучинскіе молвили: великое
 то дѣло надобе начати, да и совершиши; а
 только не совершился, ино самимъ намъ
 будетъ худо.—И Разсприга де Гришка гово-
 рилъ: „Вѣрьте де мнѣ однолично, что то
 „совершился; язь де уже такія спашьи ви-
 „дѣлъ. Сего де году, въ Великій постъ, по-
 „говорили про меня немногіе Спрѣльцы,
 „что я вѣру ихъ разоряю; и мнѣ де попъ
 „часъ сказали, и язь шѣхъ Спрѣльцовъ ве-
 „лѣлъ сыскаши, и приказалъ быши на Дво-
 „рецъ всѣхъ приказовъ Спрѣльцомъ, и шѣхъ,

„которые говорили, шушожь велѣль приве-
 „спи, и учаль де есми вину ихъ и измѣну
 „всѣмъ Спрѣльцомъ сказываши; а у меня де
 „уже говорено съ Григоріемъ съ Микули-
 „нымъ, какъ ему шушо говориши и что надъ
 „шѣми Спрѣльцы учиниши; и какъ де из-
 „мѣну ихъ объявили, и Григорій де учаль
 „говориши: освободи де, Государь, мнѣ, я у
 „шѣхъ швоихъ Государевыхъ измѣнниковъ
 „не только что головы покусая, и черева
 „изъ нихъ своими зубами повышаскаю; да
 „мигнуль де на нихъ Григорій Спрѣльцомъ,
 „и Спрѣльцы де, блюдясъ опъ меня, шѣхъ
 „моихъ измѣнниковъ въ мгновеніе ока изсѣ-
 „кли на малыя часши, мало де сами не пере-
 „сѣклися, сѣкучи ихъ. А шо де также, чаю,
 „будешъ: на кого де только укажу, что из-
 „мѣнникъ мой, и шошъ де уже не пробудешъ;
 „всѣ де, опъ меня блюдясъ, дѣлаюшъ, что
 „велю.“

„И они де, Бучинскіе, молвили: шакихъ
 шы Боярь велишь побииши, да кому у шебя
 въ Государствѣ уряжаши и кому въ прика-
 зѣхъ быши?—И Гришка де Разсприга гово-
 риль: „То де уже у меня умышлено: нынѣ
 „де у меня здѣся готовы Воеводы Сендомир-
 „скій и староста Сенапцкій (Саноцкій), да
 „шы, Вишневецкій, да Тарлы, да Спадниц-
 „кіе, да вы Бучинскіе, и иные ваши пріяше-
 „ли; а по иныхъ де Поляковъ и по Лишву по-
 „шлю, и мнѣ де уже будешъ надежно, и Го-

„сударство мое будетъ безъ опасенья, и въ
 „Римскую де вѣру вскорѣ всѣхъ приведу. А
 „шо де я уже здѣся видѣлъ; хошя кого без-
 „винно велю убити, а кикшо ни за кого и
 „слова не молвишь.“

„И они де Бучинскіе говорили: Слыша-
 ли есмя здѣся у многихъ, что за вѣру здѣся
 и такъ насъ не любящъ; а только спаша
 неволею приводиши, и за шо станушь всѣ
 народомъ.—И Разсприта Гришка говорилъ:
 „Видѣли де еште сами, что здѣся дѣлаешся;
 „нарокомъ де есми приказалъ Полякомъ и
 „всякихъ разныхъ вѣръ людямъ ходиши здѣ-
 „ся въ большую ихъ церковь и по всѣмъ
 „ихъ церквамъ въ сабляхъ и какъ кшо хо-
 „дишь, и они де кабы сперва поговаривали
 „межь себя шайно, а нынѣ де уже шо ни за
 „что; и язъ де велѣлъ Полякомъ носиши
 „кресны у поясовъ и ниже гораздо пояса и
 „назади, а они де тому кланяюшся, и въ
 „церкви де такъ ходили, и за шо де никцо
 „никаковъ человекъ никакого слова не мол-
 „вилъ.—А какъ де я вѣнчался, и у меня де
 „въ шу пору большое опасенье было, пошому,
 „что по ихъ Крестьянскому закону первое
 „крестивъ, да пожь (тогда уже) ввеси въ
 „церковь; а не крестивъ, никому иныхъ
 „вѣръ въ церковь не ходиши; и язъ де на-
 „рочно велѣлъ быши въ шу пору въ церковь
 „Люпоремъ (Лютеранамъ), и Калвинцомъ, и
 „Евангеликомъ, и иныхъ всякихъ вѣръ лю-

„демя, и они де въ церкви были, и слышалъ
 „де есми, что и образомъ ихъ ругалися и
 „смѣялися, и въ церкви иные сидѣли въ
 „обѣдню; а иные спали, на образы прикло-
 „нясь, и за то де никакѡвъ человекъ не
 „смѣлъ слова молвити. А больше де есми
 „всего боялся, что Цесарева моя Римскія
 „вѣры, и нѣчто Митрополиты и Архіепис-
 „купы и Епискупы упрямятся, не благо-
 „словяшь и мромъ не помажущъ, и во много-
 „лѣше не спанущъ поминати; и какъ де
 „есми вшелъ вѣнчашися въ церковь, и язь
 „де что хотѣлъ, то и дѣлалъ; все де дѣла-
 „лося по моему хотѣнью и волѣ; а кошо-
 „рые де Митрополиты и Архіепискупы и
 „Епискупы и Пропопы учили было прежь,
 „сего о томъ поговаривати, и язь де ихъ
 „порозослалъ, и нынѣ де никакѡвъ человекъ
 „не смѣетъ слова молвити, и во всемъ волю
 „мою шворятъ.“ И говорилъ де шушо Раз-
 сприга Гришка съ кляшвою: „Что однолич-
 „но въ недѣлю, Мая въ 18 день, на спрѣль-
 „бѣ Боярь Мстиславскаго и Шуйскихъ, и
 „иныхъ Боярь и Дворянъ лучшихъ, и Дѣшей Бо-
 „ярскихъ, и Головъ, и Сотниковъ, и Спрѣль-
 „цовъ, и черныхъ людей, кошорые за нихъ
 „любо спанущъ, побити всѣхъ; а совершивъ
 „шо, потчасъ велю косщелы Римскіе ста-
 „вити; а въ церквахъ Русскихъ пѣти не ве-
 „лю; и то де все совершу, на чемъ есми
 „присягалъ Папѣ, и Кардиналомъ, и Арцы-

„бискупомъ и Бискупомъ, и какъ де есмь
 „Воеводѣ подѣ кляшвою въ письмѣ своемъ
 „написалъ; да и Вишневецкому де приказалъ,
 „чѣшобъ къ недѣлѣ со всѣми своими людьми
 ;быль гошовъ и промышлялъ бы неоплош-
 „но.“ *Собр. Госуд. Грам. II. стр. 296.*

Карамзинъ говоритъ—и кажется спра-
 ведливо—о семъ показаніи слѣдующее: „Сви-
 дѣтельство едва ли достойное уваженія, и
 если не вымышленное, то вынужденное
 страхомъ изъ двухъ малодушныхъ слугъ, ко-
 торые, желая спасти себя опъ мести Рос-
 сіянъ, не боялись клеветать на пепель сво-
 его милосшивца, развѣянный въпромъ! Со-
 временники вѣрили; но трудно убѣдишь по-
 томство, чѣшобы Лжедимишрій, хошя и не-
 разсудительный, могъ дерзнуть на дѣло
 ужасное и безумное: ибо легко было предви-
 дѣшь, что Бояре и Москвитяне, не дали бы
 рѣзашъ себя какъ агнцевъ, и чѣшю кровопро-
 лишіе заключилось бы гибелію Ляховъ вмѣ-
 стѣ съ ихъ главою.“ *Истор. Госуд. Россійс.
 XII. стр. 7.*

104) См. о семъ I часть Сказ. совр. о
 Д. Сам. пр. 85, и II часть прим. 34.

105) Изъ числа приводимыхъ Авшоромъ
 испочниковъ мы не знаемъ ни писемъ Лезу-
 ишовъ, ни сочиненія Петра Патерсона, ко-
 торый, какъ видно изъ Исторіи де-Ту, на-

ходилъся въ Москвѣ при Димитріи Самозванцѣ. Записки *Маржерета* суть нѣ самыя, которыя нами переведены. *Герардъ Гравенбрухъ*, справедливѣе *Гревенбрухъ*, Нѣмецъ, никогда не бывавшій въ Россіи, издалъ въ 1609 году нынѣ рѣдкую книгу, заключающую много любопытныхъ извѣстій, подъ заглавіемъ: *Tragoedia Moscovitica sive de vita et morte Demetrii, qui nuper apud Ruthenos imperium tenuit, narratio ex fide dignis scriptis et litteris excerpta. Coloniae Agrippinae (въ Кёльнѣ), apud Gerardum Grevenbruch, an. 1609, in 8°*. Авторъ признаетъ *Лжедимитрія* сыномъ *Юанновымъ*. *Константинъ Фидлеръ* былъ братъ *Каспара Фидлера*, вызваннаго изъ *Кенигсберга* въ 1600 году *Борисомъ Годуновымъ*, который, узнавъ, что „*Кашпиръ* хочеть своимъ дохпорствомъ послужити,“ далъ ему опасную грамоту и принялъ его въ службу *Лейбъ-медикомъ*. *Константинъ Фидлеръ* жилъ въ Россіи вмѣстѣ съ братомъ и написалъ въ 1602 году на *Латинскомъ* языкѣ *Похвальное слово* *Борису Годунову*, напечатанное въ *Кенигсбергѣ* подъ заглавіемъ: *Constantini Fiedleri oratio loculenta in Borissum Godunovium. Regiomonti, 1602*. Сямъ по сочиненіемъ, кажешся, пользовался *Де-Ту*, хошя онъ и говоритъ, что *Фидлеръ* произнесъ *надгробное* слово уже по смерти *Борисовой*, напечатанное въ *Кенигсбергѣ* (см. выше стр. 158); но сіе едва ли не ошибка; по крайней мѣрѣ *надгробной*

рѣчи мы не знаемъ. Похвальное слово Фидлера весьма любопытно, какъ сочиненіе современника-очевидца; шупъ исчислены всѣ добрыя свойства Годунова: его опеческая заботливостъ о подданныхъ, кропостъ, милосердіе, ласковостъ, любовь къ просвѣщенію и благосклонностъ къ людямъ ученымъ. Авторъ говоритъ, что Борисъ заслуживаетъ названіе Августа болѣе, чѣмъ всѣ прежніе Русскіе Государи. Сочиненіе его, переведенное на Русскій языкъ Вороновымъ, напечатано въ 1775 году въ С. Петербургѣ.

106) Описывая страшныя явленія природы, или дѣйствія чловѣка, Писатели Французскіе рѣдко не выходятъ изъ предѣловъ истины. Де-Ту менѣе всѣхъ заслуживаетъ упрека въ семь отношеніи: не многіе были такъ осмопришельны; но и онъ, рассказывая о люшомъ голодѣ времянь Годунова по слухамъ, говоритъ, кажется, небылицы. Дѣйствительно опчаяніе доводило до злодѣйствъ, — въ чемъ свидѣтельствуютъ единогласно очевидцы; — но сіи злодѣйства совершались *тайно*; на рынкахъ продавали мясо чловѣческое въ пирогахъ, но не шрунами.

107) *Peste absumptus*. Авторъ хочеть сказать, что Димитрій умеръ въ падучей болѣзни.

108) О свѣденіяхъ Лжедимитрія въ Лашинскомъ языкѣ см. Записки Маржерета спр. 109, и выше примѣч. 97. Самозванецъ пишеть въ одной грамотѣ: *In Perator*.

109) По извѣстію Паерле, Димитрій набралъ въ Польшѣ 1600 человекъ; а по словамъ Маржерета 4000.

110) Въ подлинникѣ: *Ioanne Taktevio*. Въ Черниговѣ былъ Воеводою Князь Иванъ Андреевичъ Ташевъ.

111) Въ подл. *Michelovitzius Soltekovius*. Салшыкова звали Михайло Глѣбовичъ.

112) Извѣстіе объ участіи Іезуитовъ въ дѣлѣ Самозванца очень важно: Авторъ, безъ сомнѣнія, основывается на ихъ письмахъ.

113) По достовѣрному свидѣтельству Паерле, Лжедимитрій самъ начальствовалъ войскомъ.

114) *Sartokoviat*. Трудно оптадать, что значить это слово. Въ дневной запискѣ Воеводы Сендомирскаго (см. 2 часть Сказ. совр. о Д. Сам.) сказано, что съ Новгородка онъ опспунилъ въ *Нергоду*, а попомъ за Пупивль.

115) Въ подлинникѣ е *Cisterciensi ordine*. Такъ назывался орденъ Бернардиновъ оупъ монастыря своего Сѣтаух, недалеко оупъ Дижона, возникшій въ 1099 году и прославленный дѣяшельностью Св. Бернарда Клерво. Въ честь сего знаменишаго мужа, онъ именовался во Франціи Бернардинскомъ. Лѣтъ черезъ сто послѣ основанія своего, орденъ сей распроспранился по всей Европѣ и завель до 800 Аббатствъ; но послѣ Реформаціи нашель убѣжище только въ Испаніи и Польшѣ.

116) Ни въ нашихъ Лѣтописяхъ, ни въ сказаніяхъ иноземцевъ не упоминаешся сего имени. Не смѣшалъ ли Авпоръ Нинско Отиорелус съ Гришкою Опрепьевымъ?

117) Папріархъ всегда назывался у насъ Папріархомъ.

118) Авпоръ, кажешся намѣкаешъ на замысель Борисовъ погубишь Самозванца ядомъ, если вѣришь извѣспіямъ Паерле. См. 2 часшь Сказ. совр. о Д. Сам. стр. 24.

119) То ешь въ Архангельскомъ Соборѣ.

120) См. о семъ выше, примѣч. 105.

121) Авпоръ разумѣешъ безъ сомнѣнія

не однихъ Бояръ собспвенно, но вообще военныхъ сановниковъ.

122) Беръ и Пепрей удостовѣряють, что вдова и сынъ Годунова были удушены по приказанію Самозванца.

123) *Orla*. Орель оставался сзади: Лжедмитрій былъ въ немъ прежде занятія Тулы.

124) По свидѣтельству нашихъ Лѣтописей и по сказанію очевидца Бера, шло Борисово вырыли изъ Архангельскаго Собора и похоронили на Срѣшенкѣ, въ Варсонофьевскомъ монастырѣ, еще до прибытія Самозванца въ Москву.

125) Императоръ Рудольфъ II, проводившій все время въ занятіяхъ алхиміею, не радѣлъ вовсе о дѣлахъ Государства. Венгерцы, досадуя на безопасность Императора, избрали въ 1607 году Королемъ своимъ брата его Матвея, и принудили Рудольфа отказаться отъ Венгерской короны.

126) Не Федора Романовича, а Василя Ивановича Шуйскаго. Наши имена собспвенныя—камень прешкновенія для иностранцевъ.

127) Авторъ хочеть сказать, что сіи сокровища пріобрѣшены насиліемъ.

128) Т. е. въ Дѣвичій Вознесенскій монастырь.

129) Въ приложеніяхъ къ *Esame critico con documenti inediti della storia di Demetrio di Jwan Wasiliewitch per Sebastiano Ciampi*, издан. въ 1827 г. напечатана грамота Самозванца къ Сигизмунду III, отъ 5 Сентября 1605 года, заимствованная, какъ говоритъ Авторъ, изъ вѣрнаго источника. Ея нѣтъ въ Румянцовскомъ собраніи грамотъ. Лжедимитрій пишетъ: „По принятому Великими Государями и Императорами обыкновенію увѣдомлять сосѣдственныхъ Владѣтелей о восшествіи на престоль, онъ посылаетъ къ Королю гонца своего Аѳанасія Власьева съ извѣстіемъ, что промысломъ Всевышняго вспунилъ на прародительскій престоль и по благословенію Императрицы своей матери, короновался не только Императоромъ обширной Державы Московской, но и Царемъ всѣхъ царствъ Татарскихъ, давно уже Русскому скиптру подвластныхъ. Далѣе въ Посольскомъ наказѣ сказано: что Димитрій желаетъ во-первыхъ быти въ дружбѣ и согласіи со всѣми Государями, во славу Христіанства, на пагубу нечестивыхъ; во вторыхъ, что сокрушаясь о бѣдствіи и угнетеніи Христіанъ, перзаемыхъ Измаильянами, которые овладѣли Святыми мѣстами въ Палестинѣ и уже въ самой Венгріи ушверди-

лись, опнявъ у Императора Рудольфа нѣсколько крѣпостей, онъ намѣренъ помочь бѣднымъ Хрисціанамъ, и молишь Бога, чтобы всѣ Государи соединили свои силы для сей цѣли; посему желаешь знать мысли Короля, своего друга и сосѣда, согласенъ ли онъ приступить къ союзу; въ прѣшнихъ просишь у Сигизмунда дозволенія Воеводѣ Сендомирскому привезши въ Москву дочь, на которой онъ, Димитрій, намѣренъ, по благословенію Императрицы мащери, женишься, въ благодарность за оказанныя Воеводою услуги.“ — Нѣтъ сомнѣнія, что Де-Ту зналъ сію грамоту.

130) Въ подлинникѣ: Sequanus.

131) Ливонецъ Кнупсенъ и Шопландецъ Албертъ Вандеманъ, по извѣстію Бера.

132) Это случилось 9 Мая, въ день Св. Николая. Кто сказалъ Авшору, что Русскіе предпочитали Николинъ день Воскресенію Христову, которое „праздникомъ есть праздникъ, торжествомъ—торжество?“

133) Справедливѣе Бояриномъ Тапищевымъ, котораго Басмановъ, возвратилъ изъ ссылки, какъ свидѣтельство Маржеретъ.

134) См. Берову Лѣтопись, прим. 79. За-

мѣчашельны слова Маржерета , который говоришь: „... Для чего не заключили виновнаго въ шемницу , или не вывели на городскую площадь , гдѣ могли бы уличить его предъ всѣмъ народомъ , не убивая преступника *безъ отвѣта* и не подвергая бѣдспвіямъ раздоровъ всего Государства. Могъ ли народъ повѣришь его преступленію безъ другихъ доказательствъ, кромѣ свидѣтельствва 4 или 5 человекъ главныхъ заговорщиковъ.“ Дѣло въ томъ, что Царицу не допрашивали.

155) Убили Дворянина Ливонскаго Фирспенберга. Въ *Legende de la vie et de la mort de Demetrius* , писанной очевидцемъ и напечатанной въ 1606 году (сочиненіи рѣдкомъ и любопытномъ, съ коимъ надѣюсь со временемъ познакомить публику), такъ рассказано о смерти Фирспенберга: „Узнавъ, что Димитрій, выпрыгнувъ изъ окна, убился, Фирспенбергъ сбѣжалъ съ крыльца и нашель Царя еще живаго; но онъ расшибъ себѣ грудь: кровь лилась у него изъ рта; голова также была вся въ крови. Фирспенбергъ съ товарищами внесъ Димитрія на верхъ, въ Царскія комнаты, гдѣ его освѣжили холодною водою и другими крѣпительными средствами. Тупъ Бояре начали говорить съ нимъ и допрашивать; но не лзя знать, что между ими происходило. Фирспенберга

„умершвили, дабы онъ не разгласилъ сей „шайны.“

156) Въ подлинникѣ: *Jpso autem crudeliter lancinato, funis per pudenda transmittitur, et corpus proiectum per coenum ad forum trahitur.*

157) См. сію грамоту въ *Собраніи Госуд. Грамотъ и договоровъ*, т. II. стр. 308.

Карта Россіи, составленная въ началѣ XVII вѣка по чертежу Царевича Теодора Борисовича Годунова, (прилагаемая къ 3 части Сказ. совр. о Димитріи Самозванцѣ), найдена мною въ рѣдкомъ и дорогомъ сочиненіи, напечатанномъ въ 1640 году, подъ заглавіемъ Theatrum orbis terrarum, sive Atlas novus; in quo tabulae et descriptiones omnium Regionum, editae a Guiljel: et Ioanne Blaeu. Amsterdami, apud Johannem et Cornelium Blaeu. Anno 1640. Къ сожалѣнію издатели не объяснили, откуда она заимствована ими; изъ надписи видно, что нѣкто Гессель Герардъ составилъ ее, равнымъ образомъ и планъ Москвы, по собственноручному чертежу Царевича Теодора Борисовича Годунова, и дополнивъ свѣденіями о сѣверовосточной Россіи, посвятилъ ее въ 1614 году Государю Михаилу Теодоровичу. Не знаемъ, кто сей Гессель Ге-

рардъ , бѣль ли онъ въ Россіи и какимъ образомъ досталъ чертежъ Царевича ; знаемъ только то, что Борисъ Годуновъ, ревностный къ успѣхамъ просвѣщенія, призывалъ изъ чужихъ краевъ людей ученыхъ, думалъ основать Университетъ и особенное стараніе прилагалъ о воспитаніи сына, которъй, по словамъ безпристрастнаго современника, „научень былъ отъ отца своего книжному ;почитанію, въ отвѣтахъ, былъ дивень и ;сладкорѣчивъ вельми, пустошное же и гни- ;лое слово никогда изъ устъ его исхождаше, ;о вѣрѣ и о поученіи книжномъ со усердіемъ ;прилежаше.“

П. О. Дейриардъ нашель въ Эрмишажѣ поднесенный Императрицѣ Екатеринѣ II Графомъ Муסיнымъ Пушкинымъ экземпляръ карты Россіи на Латинскомъ языкѣ, переложилъ ее на Русскій и издалъ за нѣсколько предъ симъ лѣтъ, съ слѣдующимъ заглавіемъ: *Карта Россіи, по повелѣнію Теодора Борисовича нагертанная, съ великимъ тщаніемъ во многихъ мѣстахъ умноженная, изданная и Великому Государю Царю Михаилу Теодоровичу . . . посвященная Гессело Герардомъ еѣ 1614 году.* Издашель въ примѣчаніи говоритъ, что „на подлинной картѣ названія мѣстъ подписаны весьма неправильно; почему оныя по другимъ старымъ картамъ повѣрены, а границы Россіи нанесены по мирнымъ практикамъ Г. М. А. Х.“

Сія карта имѣетъ большое сходство съ найденною мною въ вышеозначенномъ Блavianскомъ атласѣ; исключая только того, что планъ Москвы въ изданной Г. Дейриардомъ почти вдвое менѣе и выгравированъ не столь щцательно, какъ въ Блavianской. Сверхъ того есть разность въ костюмахъ и украшеніяхъ. Въ картѣ мною издаваемой названія нѣкоторыхъ городовъ также весьма неправильны; на пр: Серпуховъ—*Czirpach*, Кострома—*Castrom*, Переяславль—*Kerislaw*, и проч. Я не только не исправлялъ сихъ ошибокъ; но и въ самыхъ буквахъ — въ формѣ, соединеніи, переносѣ оныхъ, — даже въ малѣйшихъ чертахъ, старался передать подлинникъ. Посему не моя вина, если читатель увидитъ: *Oressok at.* (вмѣсто *al. (iter)*) *Noteburg*; или: *Crimea, sev Tartaria Perec-orensis*: такъ въ подлинникѣ. Иначе надлежало бы измѣнить всю карту; но тогда, по мнѣнію моему, она была бы не столь любопытна. Я рѣшился только въ планъ Москвы поставитъ числа для поясненія, какъ назывались въ старину вѣрова Московскія, изъ коихъ многія уже не существуютъ: 1. Калужскія. 2. Фроловскія. 3. Троицкія. 4. Чертольскія. 5. Арбатскія. 6. Никитскія. 7. Тверскія. 8. Дмитровскія. 9. Труба Неглинная. 10. Срѣпенскія. 11. Фроловскія. 12. Покровскія. 13. Яузскія. 14. Москворѣцкія. 15. Тайнинскія.

Изданіемъ третьей части Сказаній современниковъ о Дмитріи Самозванцѣ, оканчивая трудъ, предпринятый мною съ утѣшительною мыслию оказать услугу Отечественной Исторіи и доставить удовольствіе любителямъ полезнаго чтенія, считаю долгомъ объявить, что руководимый признательностію за лестное вниманіе просвѣщенной публики къ моимъ занятіямъ, и одушевляемый ревностію къ успѣхамъ Русской Исторіи, я употребляю всѣ свои силы, чтобы изданіемъ записокъ современниковъ объяснить важнѣйшія эпохи нашего Отечества. Многого обещаю не смѣю: но если обстоятельства не разрушатъ моихъ плановъ, я стряхну вѣковую пыль съ твореній Князя Курбскаго, Патріарха Филарета и другихъ особъ знаменитыхъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

ЗАПИСКИ МАРЖЕРЕТА.

Извѣстіе о жизни Маржерета VI—XVI.

Посвященіе Астора Генриху IV 3— 8.

I. Взглядъ на Россію въ началъ XVII вѣка:

1. Пространство и области 9.

2. Границы 12.

3. Климатъ и качество почвы 13.

4. Произведенія:

а) Хлѣбъ и плоды 13.

б) Дичина 13.

в) Рыба 14.

г) Домашній скотъ 15.

II. Свойства Русскаго народа 15.

III. Обзоръ Русской Исторіи 16.

IV. Царскій титулъ 17.

V. Правленіе Іоанна IV 18—19.

1. Его супруги и дѣти 18.

2. Смерть старшаго сына 18.

3. Симеонъ на престолѣ 19.

VI. Правленіе Θεодора Іоанновича 19—21.

1. Характеръ его 19.

2. Борись Годуновъ правитель 19.

3. Ссылка Димитрія и спасеніе отъ смерти 20.

4. Пожаръ Московскій 21.

5. Кончина Θεодора 21.

VII. Борисъ Годуновъ 21—24.

1. Удаленіе сестры его въ монастырь 21.
2. Борисъ отвергаетъ корону 22.
3. Созваніе Государственныхъ чиновъ 22.
4. Возведеніе Бориса на престолъ 23.
5. Серпуховское ополченіе 23.
6. Коронованіе 24.

VIII. Религія Россіянъ 24—33.

1. Крещеніе 24.
2. Св. Троица 25.
3. Св. Угодники 25.
4. Духовенство 25.
5. Посты 26.
6. Св. Писаніе 26.
7. Освященіе воды 27.
8. Недѣля Ваинъ 27.
9. Особенный орденъ монаховъ 27.
10. Права Папріарха 28.
11. Разводъ 28.
12. Права Иновѣрцевъ:
 - а) Евреевъ 28.
 - б) Лютеранъ и Капюликовъ 28.
 - в) Магометанъ и язычниковъ 30.
13. Похороны 30.
14. Великій постъ 31.
15. Пасха 32.

IX. Гражданское устройство 33—38.

1. Осторожность правительства 33.
2. Города и крѣпости; Москва 34.
3. Дворянство 34.
5. Государственная Дума 35.
5. Власть Царя 35.
6. Областное управленіе 35.
7. Судъ и расправа 36.
8. Полиція 37.
9. Правосудіе 38.

X. Обычаи 38—43.

1. Образъ жизни Дворянъ 38.
2. Женщины 39.

3. Свадьба.....	40.
4. Простота правовъ.....	41.
5. Врачебныя пособія.....	42.
XI. Государственныя доходы	43—49.
1. Разныя вѣдомства и количество доходовъ.....	43.
2. Торговля.....	44.
3. Царскія сокровища.....	47.
XII. Монета	50—51.
1. Цѣна рубля, гривны и проч.....	50.
2. Ефимки, червоицы.....	50.
XIII. Государственныя званія	51.
XIV. Войско	54—66.
1. Устройство онаго.....	54.
2. Война съ Татарами.....	55.
3. Конница.....	58.
4. Оклады чиновъ военныхъ и гражданскихъ.....	59.
5. Вооруженіе.....	60.
6. Лошади.....	61.
7. Пѣхота.....	63.
8. Казаки.....	65.
9. Содержаніе войска и награды.....	65.
XV. Внѣшнія сношенія	66.
XVI. Царствованіе Бориса Годунова	67—82.
1. Счастливое начало правленія.....	67.
2. Полюшка.....	67.
3. Ослѣпленіе Царя Симеона.....	68.
4. Густавъ Шведскій.....	68.
5. Польскій посоль.....	68.
6. Угощеніе пословъ.....	71.
7. Голодъ.....	74.
8. Иоаннъ Герцогъ Датскій.....	76.
9. Тираниство Годунова.....	77.
10. Молва о появленіи Димитрія.....	77.
11. Начало войны съ нимъ.....	78.
12. Битва при Новѣгородѣ Свверскомъ.....	79.
13. Сраженіе Добрыньское.....	80.
14. Оплошность Воеводъ и кончина Годунова.....	82.

XVII. *О безчестіи* 82—84.

XVIII. *Царствованіе Θεодора Борисовича* . . 84—86.

1. Басмацовъ главный вождь 84.
2. Измѣна его 85.
3. Грамоты Димитрія 85.
4. Волненіе столицы 86.
5. Смерть Царя и маперн его 86.

XIX. *Правленіе Димитрія* 86—95.

1. Вступленіе въ Москву 86.
2. Свиданіе съ маперью 87.
3. Коронованіе 87.
4. Замысль Шуйскаго 88.
5. Обрученіе съ Мариною 86.
6. Гвардія 88.
7. Милосини Димитрія 89.
8. Замысль Дьяка (Осипова) 89.
9. Опала Ташницева 90.
10. Ажепиръ и разбой Казаковъ 90.
11. Бракосочетаніе 92.
12. Споръ съ послѣмъ Польскимъ 93.
13. Смерть Димитрія 93.

XX. *Царь Василій Іоанновичъ Шуйскій:*

1. Восшествіе его на пресполь 94.
2. Волненіе Россіи 95.
3. Перенесеніе мощей св. Димитрія 95.
4. Ссылка Сендомирскаго и дочери его 96.
5. Свойства Димитрія 96.
6. Молва о спасеніи его 97.
 - а) Свидѣтельство Бертраана де-Кассапа 98.
 - б) Свидѣтельство Марины 99.
 - в) Мятежъ въ южныхъ предѣлахъ 99.
 - г) Замыслы противъ Шуйскаго 100.
 - е) Бунтъ въ области Сѣверской 102.

XXI. *Разныя мѣнія о Димитріи:*

1. Одни признають его Отрепьевымъ 103.
 - Возраженія Автора :
 - а) Мнѣніе его, какъ спасся Димитрій 104.
 - б) Извѣстія объ Отрепьевѣ 105.

с) Свидѣтельство самого Опреньева	106.
2. Другіе признають Д. иноземцемъ	106.
Возраженія	107.
3. Называютъ его еще орудіемъ Іезуитовъ	108.
4. Доказательства Авпора, что Димитрій былъ сынъ Іоанновъ	105—117.

ЗАПИСКИ ДЕ-ТУ.

Достоинство его сочиненія	121.
Состояніе Россіи предъ появленіемъ Димитрія	127.
Характеръ Θεодора и смерть Царевича Димитрія	129.
Мятежъ въ Угличѣ. Казнь жителей его	130.
Мнѣніе современниковъ о смерти Димитрія	130.
Явленіе Самозванца. Іезуиты	131.
Свиданіе его съ Королемъ Польскимъ	132.
Походъ въ Россію и покорность городовъ	133.
Посольство Борисова къ Сигизмунду	134.
Пораженіе Димитрія при Новѣгородѣ	134.
Мужество его и дѣятельность Іезуитовъ	135.
Пораженіе войска Борисова при Рыльскѣ	136.
Мѣры Годунова; письмо къ нему отъ Димитрія	137.
Смерть Бориса	138.
Удачная хитрость Запорскаго	139.
Покорность Басманова	140.
Смерть Царя Θεодора и матери его	141.
Вступленіе Димитрія въ Москву	142.
Разрушеніе дома Борисова	143.
Ссылки многихъ семействъ благородныхъ	144.
Неудачный замыселъ Шуйскаго	145.
Любовь народа. Коронація и свиданіе съ матерью	146.
Милость Іезуитамъ	147.
Посольство къ Сигизмунду	148.
Обрученіе съ Мариною	150.
Прибытіе ея въ Москву и свадьба	151.
Неудовольствіе народа	152.
Гвардія	153.
Безпечность Димитрія; всеобщее негодованіе	154.

Возстаніе Москвы.....	156.
Разныя извѣстія о смерти Димитрія	157.
Злоба народная	158.
Бѣдствіе Поляковъ и другихъ инопоземцевъ.....	159.
Избраніе новаго Царя и рѣчь Шуйскаго.....	161.
Восшествіе его на престоль.....	164.
Грамота, имъ обнародованная о Димитріи.....	165.
Примѣчанія	169.
а) Письмо Князя Пожарскаго о Маржеретѣ.....	171.
б) Извѣстіе Герберштейна о Боранцѣ	184.
в) Извѣстіе Олсарія о Русскихъ свадьбахъ	199.
г) Письмо Маржерета къ Мерлику	219.
е) Показаніе Бучинскихъ о Димитріи	225.

У К А З А Т Е Л Ь

УКАЗАТЕЛЬ.

- Агрійская битва — bataille de Agria, 12.
Алтынъ—Altins, цѣна его, 50.
Англичане шоргуютъ чрезъ Астрахань съ Персією, 11.
Англійская компанія въ Ярославль, 105.
Аптечныйъ Бояринъ — Abtesqui Baiary, 31.
Архангельскій соборъ — l'Eglise nommée Archangel, мѣсто погребенія Россійскихъ Государей, 86.
Архангельскъ—Archangel, 9. 13. 102.
Астрахань—Astrican: шорговля, 10. Баранцы, 11. Царь Цепрь, 90.
Басмановъ — Pierre Federvits Basmannof (*Petrus Basmanius*), защищаетъ Новгородъ Сѣверскій, 79. Довѣренность къ нему Годунова, 84 (138). Измѣняетъ Осдору Борисовичу, 85 (140). Любимецъ Димитрія, 89. Ходатайствуетъ за Ташинцева, 90. Предосмергаетъ Димитрія, 93. Смерть его, 91 (156).
Безчестіе—beschest, 82—84.
Бернардины—Theologi e Cisterciensi ordine, соучиняютъ Димитрію, 154.
Берtrandъ де-Кассанъ—Bertrand de Cassans, рассказываетъ Маржерету о Димитріи, 98.
Большой Приходъ — Bolshoi Prichod, 43. Доходы его, 44.
Борисовъ—Borisof, 12. 78.
Борисъ (Годуновъ) — Borissius, умерщвленіе Димитрія, 129. Казнише жинелей Углича, 130. Домогается у Сигизмунда выдачи Димитрія, 133. Разспавляетъ ему свѣти, 137. Отвергаетъ предложеніе Димитрія, 137. Споръ съ послами, 138. Смерть Бориса, 138. Гибель вдовы его и сына, 141. Дочь его наложница Димитрія, 141. Обвиняется въ чародѣйствѣ, 143. См. еще Годуновъ.
Бояре—Baiares: Думный—Domney 34. Кошій—Conusnei, 51. Аптечный—Abtesqui, 51.
Бучинскій—Bouchinsqui, Секретарь Димитрія, ходатайствуетъ за Шуйскаго, 88. Предосмергаетъ Димитрія, 93. Свидѣтельство брана его о спасеніи Димитрія, 99.
Бѣлгородъ—Gorod (*Bialogroda*), 12. 79. 136.
Бѣльскій — Belsqui, приверженецъ Годуновыхъ, 86.
Василій Колюковичъ, см. Шуйскій.
Вельяминовъ—Villiaminoff. родственный Годунова, 86.
Верста—verst, virst, 9.
Ванъ—Jacobus Vinus, убитъ въ Москвѣ, 160.
Вишневецкій — Visnovetsqui (*Visnovitzius*), привозитъ въ Россію, 90. Помогаетъ Ди-

- миширю, 104. Представляешъ его Сигизмунду, 132. Опасности въ Москвѣ, 159.
- Владевъ Анастѣй Ивановичъ** — Offernase Ioannevits Velaci (*Athanasius Rosclovius*), обрывается за Димитрія съ Мариною, 88. 150.
- Воеводы** — Voyvodes, 54.
- Вологда** — Vologda: лучшія лошади, 61.
- Воротынский** — Vorotinsqui, посылаетъ Димитріемъ за матерью, 86.
- Вить** — Voit, мѣра земли, 44.
- Галичъ** — Galits, родина Отрепьева, 105.
- Георгъ Мнишекъ** см. Мнишекъ.
- Гинско Отіопель** — Hinsko Otiorelus, чародѣй, выданъ Димитрію, 136.
- Голицынъ** — Knes, Vacile, Ioannevits, Galitchin, передается Димитрію, 85.
- Годуновъ Борисъ Федоровичъ** — Boris Federvits Godonof, укрѣпляетъ Смоленскъ, 9. 20. Шуривъ Царскій, 19. Удаляетъ Димитрія въ Угличъ, 20. Умерщвляетъ его, 129. Поджигаетъ Москву, 21. Отказывается отъ престола, 22. Избранъ Царемъ, 23. Серпуховскій походъ, 25. Приемъ Крымскаго посланника, 24. Политика его въ отношеніи къ Русскимъ Боярамъ, 67. Ослѣпленіе Царя Симеона, 68. Прибытіе въ Россію Гуслава Принца Шведскаго, 69. Приемъ и угощеніе пословъ иноземныхъ, 69—73. Всеобщій голодъ, 74—76. Иоаннъ, Принцъ Датскій женихъ Ксеніи, 76. Подозрительность и тиранство Годунова, 77. Явленіе Димитрія и война съ нимъ, 78—82. Смерть Бориса, 82. Гибель семейства его, 86. Тѣло его вырыто изъ Архангельскаго собора, 86. Политика Борисова, 103. Называютъ Димитрія Гришкою Отрепьевымъ, 105. Старается образовать подданныхъ, 110. Сила его, 114. Намѣреніе тайно погубить Димитрія, 114. См. Борисъ.
- Годуновъ Иванъ Ивановичъ** — Ioannevits Godonof (*Ioannes Hodiunus*), выданъ Димитрію, 85. 141.
- Голова** — Golova, 51.
- Гонсбескій** — Gosenskius, споритъ съ Димитріемъ о пшупѣ Императорскомъ, 154.
- Гревенбрухъ** — Gerardus Graevenbruchius, 127.
- Гривна** — Grivene, цѣна опой, 50.
- Гришка Отрепьевъ** — Grisque ou Gregorij Otrepiof, 103. Общее мнѣніе, что Димитрій былъ Отрепьевъ, 105. Родство его, 105. Сосланъ Димитріемъ въ Ярославль, 105. Свидѣтельство его о Димитріи, 106.
- Губный староста** — Goubna Starast, 37.
- Густавъ, Принцъ Шведскій** призываетъ въ Россію, 68. Сосланъ Борисомъ въ Угличъ, 69.
- Данія** — опечество Рюрика, 16.
- Даточные люди** — Daticheuy Ludei, 60.
- Дворецкій** — Maistre d'Hotel, 51.
- Дворецъ** — de Vorest, 43. Количество доходовъ его, 44.
- Дворяне** — Devorens: Выборные, — Vuiborne, 52. 58. Городовые, — Gorodovoi, 58. Думные — Domney, 54, 59. Московскіе Moscoffqui, 34. 59.
- Дворянство** — Noblesse, разныя степени, 34. Образъ жизни, 38.
- Денги** — Dengi, Denins — цѣна ихъ, 50.
- Десятина** — Decetin, 44.
- Десятникъ** — Decetnic, 51.
- Димитрій Юлиновичъ** — Demetrius Iohannes, сосланъ Борисомъ въ Угличъ, 20. 104. Спа-

сепъ отъ смерти, 20. 104. Вспукаетъ изъ Польши въ Россію, 78. Осада Новагорода Сѣверскаго, 79. Разбитъ Русскою пѣхоною, 81. Удаляется въ Путивль, 82. Покорность Басманова и другихъ, 85. Вступленіе въ Москву, 86. Свиданіе съ машерью, 87. Коронація, 87. Замыселъ Шуйскаго, 88. Обрученіе съ Мариною, 88. Гвардія, 89. Свойства Димитрія, 89. Опала Тапищева 90. Возмущеніе Казаковъ, 90. Переписка съ Царемъ Пешромъ, 91. Пріездъ Маринны въ Москву, 92. Бракъ съ нею, 95. Споръ съ Малаговскимъ, 95. Возстаніе Москвы и смерть Димитрія, 95. Сожженіе прута его, 95. Перенесеніе мощей Св. Димитрія, 95. Тѣлесныя и душевныя свойства Царя Димитрія, 96. 109. 110. 111. 113. 114. 115. 117. Молва о спасеніи его и свидѣтельство разныхъ лицъ, 97—103. Мнѣніе современниковъ о родѣ Димитрія, 103. Доказательства Авшора, что онъ былъ сынъ Иоанновъ, 104—117.

Димитрій—Demetrius Ioannis Basilidae filius, воспринимается въ Угличѣ, 129. Умерщвленъ повелѣніемъ Бориса, 129. Молва о спасеніи его, 130. Мнимый Димитрій являлся въ Польшу, 131. Помощь Лезуиновъ, 131. Договоръ съ Георгомъ Минскомъ, 132. Учился въ Ливоніи языку Латинскому, 132. Письмо къ Папѣ Клементію, 132. Рѣчь Королю Польскому, 132. Походъ въ Россію, 132. Покореніе Чернигова и Путивля, 133. Обвиненъ Борисомъ въ чародѣйствѣ, 133. Разбитъ при Новгородѣ, 134. Оставленъ всеми, 134. Молился его, 135. Разбивается при Рыль-

скѣ войско Борисово, 135. Помогаетъ Кромамъ, 136. Бездѣйствіе въ Путивль, 137. Письмо къ Папѣарху и Борису, 137. Осада Кромъ, 139. Покорность Басманова, 140. Вступленіе въ столицу, 142. Вырываетъ пѣло Борисово, 143. Разрушаетъ домъ его, 143. Милость къ Полякамъ, 143. Ссылка Боярѣ, 144. Помилваніе Шуйскаго, 145. Упорство Псковскихъ, 145. Монаха въ честь его, 146. Расщочаетъ сокровища, 146. Коронація, 146. Свиданіе съ машерью, 147. Рѣчь Лезуиновъ, 147. Посольство къ Сигизмунду за Мариною, 148. Намѣреніе воевать съ Турками, 149. Обрученіе съ Мариною, 150. Свадьба, 151. Заботы, 152. Негодованіе Россіянъ, 153. Гвардія, 153. Титулъ Императорскій, 154. Волненіе столицы, 155. Безпечность Димитрія, 156. Возстаніе Москвы, 156. Извѣстія о смерти Димитрія, 157. Свидѣтельство о немъ машери. 158. Намѣтки, 159. Грамота Шуйскаго о его преслупленіи, 164.

Дютокримъ—Diotkrim, 18.
Домараскій—Domarasqui, 80.
Дума—Conseil, 22. 35.
Думный Бояринъ — Domney Bayarin, 34.
Думный Дворянинъ — Domney Devogenne, 34.
Думный Дьякъ—Domney Diac, 35.
Девичій монастырь—Deuitsimonasteri, 23. 77.
Дѣти Боярскіе — Deti Bajarski, 58.

Евреи нестерпимы въ Россіи, 28.
Екатерина, мать Сигизмунда III, въ немнищѣ, 152.
Елецъ—Ialca, 136.
Елисавета Королева Англійская, 18.

- Ерикъ*—Ericus, дядя Сигизмунда III, 132.
- Ефимки*—Reics Daller, 50.
- Жильцы*—Pages, 51.
- Запорскій* — Zaporcius, обманывается Басманова, 139.
- Иванъ городъ*—Iuand Gogod, 34.
- Иезуиты* воспитали и приготовили Димитрія, 108. Помогаютъ ему, 131. Письмами ихъ пользуется де-Ту, 127. ободряютъ Димитрія, 135. подстрекаютъ его, 147.
- Иерусалимъ* — Hierusalem, церковь, 27.
- Иоаннъ Васильевичъ* — Iohannes Basilius, завоеватель Казани, 10; Астрахани и Сибири, 11. Получаетъ отъ Максимилиана титуло Императора, 16. Жены и дѣти его, 18. Смерть старшаго сына, 18. Прозванъ Мучилелемъ, 18. Возводитъ на Русскій престолъ Царя Симеона, 19. Учреждаетъ Патриаршество, 25. Креститъ Евреевъ, 28. Наказываетъ Ливонцевъ, 29.
- Иоаннъ*—Ioannes, отецъ Сигизмунда III, заключенъ въ пленницу брапомъ своимъ, 132.
- Казакъ*—Cazaqs (Czacas): Заокскіе, 63. Донскіе и Днѣпровскіе, 63. Служба ихъ, 64. Сопустествуютъ Димитрію, 85. Казакъ, обитающіе въ Подоліи и Чермои Россіи, 91. Разбой Волжскихъ Казаковъ, 91.
- Казанское царство* — Royaume de Casan, 9.
- Казань*—Casan, 9. 10. 12. 13. 91.
- Казна*—Cazna, сокровища оной, 47.
- Карачевъ*—Caratschof, 73.
- Кармоговія*—Carmohovia, 134.
- Кизель Баша*—Kisel Bascha, 17.
- Кнермоковскій* Иезуитъ—Spermosovius, привѣщствуетъ Димитрія, 147.
- Кнотсенъ*—Spotsemius, Капитанъ Димитріевъ, 153.
- Колмогоры*—Kolmengrod, 13.
- Коломна*—Columna, 34.
- Копюшій* Болринъ — Copusnej Baiarj, 51.
- Копѣйка*—Copek, 50.
- Корела*—Corelas, Казацкій Атаманъ, чернокижникъ, 133.
- Крайчій*—l'Eschançon, 51.
- Краковъ* — Cracovie, обрученіе Димитрія съ Мариною, 88.
- Кромы*—Crom, (Cromit) покоряются Димитрію, 78. 80. 156.
- Ланта*—Lanta, Капитанъ Димитрія, 153.
- Лавландцы*—Lapes, 30.
- Ливны*—Liven, 12. 79.
- Ливонія*—Livonie, 12. 28.
- Литва*—Lithuanie, 12. 16.
- Лихвинъ*—Lertina, 156.
- Ловитъ* — And. Lovitzius, Иезуитъ спутникъ Димитрія, 135.
- Лошади*: Ногайскія, 61. Черкесскія, Турецкія и Польскія, 61. Русскія, 61. Доспоиство ихъ 62.
- Малаговскій* — Malagosqui, посолъ Короля Польскаго, 92. споръ съ Димитр. 93.
- Маржеретъ*—Margeret, (Iacobus Margeretus) служилъ Генриху IV, 6. Удаляется изъ Франціи, 6. Приходитъ въ Россію, 7. Капитанъ пѣлохранителей Димитрія, 7. Рассказываетъ Генриху о Россіи, 7. Разсмаприваетъ съ Димитріемъ сокровища Царской казны, 47—49. Бесѣдуетъ съ Царемъ Симеономъ, 68. Капитанъ Гвардіи Димитрія, 88. Болѣзнь во время убійствъ его, 97 (156). Опѣздъ изъ Россіи, 97. Разговоръ съ разными лицами о смерти Димитрія, 98—99. Доказательство, что онъ сынъ Иоанновъ, 103—117. Знакомство съ де-Ту, 153.
- Марина* — Anna Maria, плѣняетъ Димитрія, 132. Обрученіе съ посломъ его, 150. Подарокъ Димитрія 150. Пуше-

- шесствіе въ Москву, 151. Свадьба и коронація, 151. Опасность ея въ Москвѣ, 160.
- Марцелли*—Marcellius, 160.
- Маціевскій*—Maczieioveschius, обручается Марину съ посломъ Димитріевымъ, 150.
- Михаилъ Теодоровичъ*—Michaelis Theodori filius, 128.
- Москва*—Mosco, 34.
- Московки*—Moscofques и Moscof, 50. 75.
- Московское Государство*—Moscicum imperium, испытываешь голодъ и язву, 128.
- Мнишекъ*—Georgius Miescius Sandomiriensis Palatinus, заключаетъ договоръ съ Димитріемъ 151. Даетъ ему золото, 132. Разбивъ при Новгородѣ, 134. Удаляется въ Польшу, 134.
- Мстиславскій*—Knes Feder Iuanevits Mistisloftsqi, первый Вельможа при чешырехъ Государяхъ, 59. Семейство его, 68. Главный вождь Борисовъ, 79. Разбиваетъ Димитрія, 81. Преданность Годуновымъ, 86. Право на престолю, 100. 140.
- Набатъ*—Nabat, 55.
- Нагье*—Nagois, спасаютъ Димитрія отъ смерти, 104.
- Нарва*—Narva, Шведскій городъ, 9.
- Нарва Руская*—Iuand-Gorod ou Narve, 34.
- Натанъ*—Nathan, спасаетъ золотомъ свою жизнь, 160.
- Недѣльщикъ*—Nedelsie, 38.
- Немтескій*—Nemtescius, 160.
- Св. Николай*—чудотворецъ, 25.
- Св. Николай*—приморская приставъ, 9. 13.
- Новая четъ*—Nova Setuart, 44.
- Новая земля*—Terre neuve, 12.
- Новгородъ*—Novo-Gorod, многолюдство его, 59.
- Новгородъ Свѣрскій*—Novogorod Siversqui, *Novogrodia*, осажденъ Димитріемъ, 79. Битва, 79. 134.
- Нѣмцы*—Germani, главные виновники успѣховъ Димитрія, 141.
- Окольнічье*—Acolnitchies, 35 59.
- Орелъ*—Orla, прибытіе Димитрія, 142.
- Отрепьевъ Гришка*—Grisque Otrepiof, см. Гришка.
- Петерсонъ*—Petrus Patersonus Ubsaliensis, 127.
- Подолія*—Podolie, 12. 16.
- Полушка*—Polusques, 50.
- Поляки*—помогаютъ Димитрію, 78. Оставляютъ его, 80.
- Число убитыхъ въ Москвѣ*, 93.
- Послы и поземные, приемъ и содержание ихъ* 53—54. Аудіенція, 60—70. Угощеніе, 71—74.
- Правежъ*—Prave, 38.
- Приказы*—Pricas: Разбойный—Rosboine, 37. Помѣстный—Romiesnej, 45. Конюшенный—Solusnej, 45.
- Псковитяне*—Plescoviani, съ прудомъ покоряются Димитрію, 145.
- Путивль*—Poutimel, (*Putinna* и *Putivolus*) 54. 78. 103. 133.
- Пятигорскіе Черкесы*—Petigorsqui Chercassi, 66.
- Разстрига*—Rostrigue, см. Гришка Отрепьевъ.
- Расходная казна*—Roschodnoy Casna, 48—49.
- Романовы*—Romanevits, спасаютъ Димитрія, 104.
- Россия*—Russie: пространство, 9. Климатъ, почва и произведенія, 10—14. Дешевизна, 15. Происхождение Князей, 16. Типуль ихъ,—17. Религія, 24—28. Духовенство, 25. Разные обряды, 27. Похороны, 30. Посты, 31. Шлишка Государей, 33. Города и крепости, 34. Правленіе, 35. Судъ и расправа, 36—38. Дворянство, 38—42. Доходы, 43—46. Сокровища, 47—49. Монаша, 50. Чины Государственные 51—54. Войско, 54. Образъ войны съ Татарамъ, 55—58. Конники

- ца, 58. Оклады Сановниковъ, 59. Вооруженіе, 60. Пѣхота, 63. Провіантъ, 65. Вѣщія сношенія, 66. Бѣдствіе Россіи при появленіи Димитрія, 127. Голодь, 128.
- Россіяне — Russes: народныя свойства, 15, 16. 110. Снепснѣ образованности, 26 — 27. 84. Обычаи: похороны, 50. Постъ, 51. Образъ жизни Дворянъ, 58. Женщины, 59. Свадебныя обряды, 40. Разныя обычаи, 41. Врачеваніе, 42.
- Рубль—Rouble, 50.
- Рыльскъ—Rilsque (*Rilscum*), 78. 82. 154.
- Рюрикъ—Ruric, Датскій выходецъ, 16.
- Савуровы—Saborof, 86.
- Салтыковъ — Michel Saltocof, (*Michelovitzius Soltekovius*). 85. Сдася Пупивль Димитрію, 155.
- Самара—Samarā, 66.
- Сендомирскій Воевода — Palatin Sandemier: договоръ съ Димитріемъ, 88. Предостерегаетъ Димитрія, 95. Сосланъ въ Угличъ, 96. См. *Мнишекъ*.
- Салъга—Leo Saria: пріемъ его Борисомъ, 69.
- Серпуховъ—Serpo: смотръ войска Борисомъ, 25. 48.
- Сибирское Царство — l'Empire ou Royaume de Siberie, 11.
- Сигизмундъ—Sigismundus, принимася Димитрія, 152. Отвергаетъ пребываніе Бориса о выдачѣ его, 154. Посоль Димитріевъ, 148. Опвѣщъ Короля, 149.
- Симеонъ Царь — Tsar Simeon, взявъ въ плѣнъ Іоанномъ IV, 10. Возведенъ на Русскій престоль, 19. Ославленъ Борисомъ, 68.
- Смоленскъ—Schmolensqui, укрѣпленъ Борисомъ, 9. 54. 59.
- Сотникъ—Centenier, 51.
- Сѣверское Княжество—Le Duché de Siversqui, *Severia*, стоишь за Димитрія, 102. 156.
- Стольникъ—Stolnic, 51.
- Стрѣльцы—Straelites и Strelits, 52. 53. 63.
- Стряпчій—Strepsik, 51.
- Сынъ Боярскій — Sin Bajarski, 58.
- Сѣраковскій—Nic. Skerracovius, Іезуитъ спутникъ Димитрія 155.
- Талеры—Talares, 128.
- Татары—Tartares: Крымскіе, 11. Набѣги ихъ на Россію, 55—58. Ногайскіе, Nagaye, 11. 45. 66.
- Тамевъ — Takmevius, сдася Черниговъ Димитрію, 155.
- Татищевъ — Michel Ignatevits Tatischeof, раздражаетъ Димитрія, 90. Убиваетъ Басманова, 94. Посланъ въ Угличъ за мощами св. Димитрія 95.
- Терки—Tirc, 66.
- Де-Ту—de Thou, Thuanus: извѣстіе о жизни и сочиненіи его, 121 — 126. Мнѣнія его о Димитріи, 155. 168.
- Тула—Thoula, 34. 86. 141.
- Угличъ—Uglits (*Vielica*): мѣсто ссылки Димитрія, 20. Густава Принца Шведскаго, 69. Воеводы Сендомирскаго, 96.
- Фидлеръ Каспаръ Casparus Fidlerus, 158.
- Фидлеръ Константинъ—Constantinus Fidlerus, 127. Сочинитель надгробнаго слова Борису, 158.
- Царевъ-городъ—Zaragorod и Saragorod, 12. 78.
- Царь—Zar и l'Empereur: Тяпуль, 17. Власть 35. Доходы, 45. Сокровища, 47—49. Пирь, 71.
- Царь-Петръ—Zar-Pietre, 91.
- Цесарь—Tzisar, 17.
- Цашникъ—Tschesnic, 51.
- Челари — Ambrosius Cellarius, убитъ въ Москвѣ, 160.
- Червонцы—Ducats, 50.
- Черемисы—Sheremisses, 10.
- Черкесы—Shercassi, 66.

Черниговъ — Tcheringo, (*Zerni-*
ga), 78. 155.

Четверть — Setuart, 32.

Четь — Setuart, 43.

Шереметевъ — Pieter Miquite-
vits Scheremetof, осужденъ
Шуйскимъ, 100.

Шуйскій Князь Василій Ивано-
вичъ — Кнес Vasilei Iuanevits
Choutsqui (*Suiscus*) возбуж-
даетъ подозрѣніе въ Борисъ,
68. Воюетъ съ Димитр. 82.
(140). Неудачное намѣреніе свер-
гнуть его, 88 (145). Убиваетъ
Димитрія 93 (156). Восшествіе
на престолъ, 94. Рѣчь его,
161. Перенесеніе мощей Ди-

митрія 95. Опасность Шуй-
скаго, 99—103. Обвиненіе Ди-
митрія, 164.

Шуйскій Димитрій, 68. 95.

Ярославль — Ierislaf, мѣсто ссылки
Опричьева, 105.

Феодоръ Борисовичъ — Féder
Borisvits, вслупаетъ на пре-
столъ, 84. Измѣна Басманова,
85. Мятежъ въ Москвѣ, 86.
Смерть его и мащери, 86. 141.
Сестра его наложница Ди-
митрія 141.

Феодоръ Иоанновичъ домогается
Императорскаго титула, 17.
Трезвонитъ въ колокола, 19.
129. Смерть его, 21.

